

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

В.С. Елагин, И.И. Шаланова

**ДУХОВНЫЙ МИР
КИЕВО-ПЕЧЕРСКОГО
ПАТЕРИКА**

Утверждено Редакционно-издательским советом
университета в качестве учебно-методического пособия

НОВОСИБИРСК 2000

УДК 947.027 (077.3)
ББК 63.3(2) 414,01 Р 30
Е-47

Научный редактор:
доктор исторических наук, профессор НГПУ Е. И. Соловьева

Рецензенты:
кандидат философских наук, доцент О.Д.Олейникова;
кафедра отечественной истории НГПУ

Елагин В.С., Шаланова И.И.

Е-47 Духовный мир Киево-Печерского патерика: Учебно-методическое пособие. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2000.-240 с.

ISBN 5-85921-173-2

Данная работа — это продолжение серии публикаций учебно-методических пособий и исторических источников, необходимых студентам для работы на семинарских занятиях по более углубленному изучению истории Древней Руси.

В работе содержится методика исследования Киево-Печерского патерика с планом семинарского занятия, история написания и текст этого исторического источника.

УДК 947.027 (077.3)
ББК 63.3(2) 414,01 Р 30

ISBN 5-85921-173-2

Работа подготовлена в авторской редакции

© Елагин В.С., Шаланова И.И., 2000

*Светлой памяти
Виктора Ивановича Соболева,
Учителя и Друга*

ВВЕДЕНИЕ

В рамках разработки курса отечественной истории с древнейших времен до XVII в.¹ одним из авторов предлагаемой работы было обращено особое внимание на усиление роли самостоятельной деятельности студентов в процессе обучения. При подготовке к семинарским занятиям на первый план выходит умение работать с историческим источником и извлекать из него определенную информацию. С этой целью мы приступили к публикации источников, адаптированных для работы на семинарах. Уже изданы «Русская Правда», с помощью которой студент имеет возможность анализировать различные стороны социально-экономической жизни Древней Руси², «Повесть временных лет» — основной источник по политической истории Древнерусского государства³. Теперь очередь Киево-Печерского патерика.

Возросший в последнее время интерес к проблеме духовной жизни и к религиозному опыту, накопленному человечеством за тысячелетия, побудили нас предложить для семинарских занятий исследование духовного мира древнерусского монашества. Основным источником по изучению этой темы является Киево-Печерский патерик, посвященный подвижникам Киево-Печерского монастыря.

Наибольшая сложность в исследовании этой темы видится не столько в малой изученности данного явления в со-

ветское и постсоветское время, сколько в резком отличии нашего атеистического сознания от глубокой религиозности верующего человека. Для большинства людей знакомство с религией носит лишь поверхностный характер (ношение креста, посещение церкви, исполнение некоторых обрядов и др.), без глубокого знания основ христианского учения. К тому же, чтобы понять какое-нибудь чувство, человек должен сам быть способным его ощущать. Не испытывая религиозных чувств, мы едва ли сможем правильно анализировать побуждения и поступки подвижников, понять и принять их мировоззрение, оценить их духовный уровень.

Нам в меньшей степени хотелось, чтобы открыв и прочитав Патерик, читатель воспринял его как сборник остроумных рассказов, носящих сказочный характер. Ведь даже А. С. Пушкин, живший в обществе, в котором преобладало религиозное мировоззрение, в своём письме к поэту и критику П. А. Плетневу называет рассказы Патерика «прелестью простоты и вымысла»⁴.

Наша задача — помочь взглянуть на Киево-Печерский патерик как на исторический источник, в котором объективность переплетается с вымыслом, увидеть реальность за жесткой схемой патериковой традиции. Так мы сможем хотя бы отчасти проникнуть в мир подвижников, мир милосердия и сострадания, который качественно отличается от нашего. Очень важно увидеть за древними сюжетами реальную жизнь реальных людей, понять цель человеческих страданий, смысл отказа от общепринятых норм жизни, и, может быть, прикоснуться к тайне, которую чувствовали эти люди за вещами видимого мира.

Предлагаем план проведения семинарского занятия с использованием Киево-Печерского патерика (список рекомендованной литературы см. в Примечании, с. 84).

1. Патерик как исторический источник. Особенности патериковой литературы.

2. История создания Киево-Печерского патерика.
3. Духовный мир Киево-Печерского патерика.
4. Историко-психологический портрет одного из подвижников Киево-Печерского монастыря (реферат).

Приступая к чтению и изучению Патерика, необходимо обратить внимание на жанр произведения. Патериковая литература имеет ряд особенностей, отличающих ее от других исторических источников. Это, в первую очередь, схожесть сюжетов, наличие некой схемы, по которой строится повествование. Почти каждый рассказ, или Слово, является жизнеописанием подвижника, житием, в котором рассказывается о его духовной борьбе, дарах чудотворения и о «богоугодной кончине».

Очень важно выявить в каждом рассказе те сюжеты, которые носят общий характер и относятся к разряду патерикового жанра, а также события, реально происходившие с героем в реальную историческую эпоху — собственно, то, что и является историческим источником. Проведя такую работу, студент составляет таблицу и в первой колонке фиксирует сюжеты общего характера, во второй — носящие характер исторической реальности. Необходимо провести сопоставление с другими историческими источниками, в первую очередь с летописями. В качестве примера можно привести сюжет с князем Ростиславом Всеволодовичем, братом Владимира Мономаха, и с князем Святославом Черниговским (в иночестве Никола-Святоша), о которых есть упоминание в летописях.

Следующим этапом работы является корреляция полученных данных и выявление наиболее общих и часто повторяющихся проблем. Вторым уровнем корреляции является объединение полученных проблемных вопросов в общие темы. Например, почти в каждом рассказе встречаются темы постничества, отказа от имущества, затворничества, которые можно объединить в более широкую тему — самоотверженность.

Конечным этапом является понимание картины духовного мира, тех религиозных идеалов, которые были приоритетными в Древнерусском государстве.

В процессе работы над рассказами возникает вопрос: что двигало людьми, которые встали на путь подвижничества, что заставляло их отказываться от мирской жизни, испытывать порой нечеловеческие трудности, проходить через испытания, которые не каждому по плечу.

Работая над текстом Патерики, мы пришли к выводу, что вся деятельность подвижников имела определенную закономерность и чисто классическую последовательность, которая выглядит таким образом: **цель, мотив, способ, результат.**

Цель данной деятельности — изменение собственной личности, или самосовершенствование, обозначенное в Патерике как уподобление Богу. Кроме этой высокой и отдаленной цели, выявляются и другие, имеющие более достижимый характер, — это духовное исцеление, чистота, спасение, стремление стать учеником Христа.

Мотив, или побуждение, выступает мощной двигательной силой в подвижничестве. Этот сложный вид деятельности, направленный на самого себя (т.е. *учение*, в котором объект и субъект является одним и тем же лицом), начинается только тогда, когда у человека появляется мотив. В данном случае — это стремление очистить и преобразить свой внутренний мир до такой степени, чтобы быть достойным духовного спасения в момент разделения человечества на праведников и грешников.

Способы данной деятельности, или подвиги, условно разделяются на физические (материальные) и идеальные, хотя во многих случаях они тесно переплетены между собой и являются неделимым целое. Основную группу способов действия можно объединить под условным наименованием *самоотвержение*, когда человек как бы отвергал свою земную личность от духовной сущности ради достижения цели. Сюда

входит отказ от мирской жизни, имущества и власти, труд на общее благо, непротивление злу, постничество, послушание, смирение, терпение, затворничество. В этой группе действий многие являются идеальными и физическими одновременно, например: отказ от имущества, власти и мирской жизни не заканчивался физическим действием, а продолжался в упорной внутренней борьбе ради достижения истинного нестяжания и отрешения от мира. То же самое можно отнести к затворничеству, послушанию, постничеству, непротивлению злу, где предполагается труднейшая работа по приведению в соответствие внешнего выражения с внутренним состоянием.

К физическим способам действий относится группа, которую также можно отнести к самоотвержению, но по своему характеру она стоит отдельно от других: это так называемое укрощение плоти. Кроме способа достижения цели, укрощение плоти может являться одновременно и промежуточной целью недалекого обозримого будущего, а его составные — самоистязание, воздержание, ночные бдения и другие, приносящие физические страдания, — способом достижения этой цели. К идеальным способам совершенствования можно отнести деятельность на мысленном и чувственном планах — чистоту помыслов и сердца, а также молитву.

Все вышеперечисленные способы совершенствования можно условно разделить на другие три группы:

1. Единовременные поступки, совершаемые однажды и не требующие многократного повторения. Это оставление мирской жизни и раздача богатства — то, что предполагается совершить раз и навсегда.

2. Действия, совершаемые время от времени, по желанию самого подвижника. Они могут быть прекращены при достижении определенного результата или по собственному усмотрению. Сюда можно отнести действия, приносящие физические и психические страдания — ношение власяницы или железных вериг, лишение сна, молчание, затворничество, уже-

сточенный пост.

3. Действия, не предполагающие прекращения, то есть постоянные, независящие от конечного результата и продолжающиеся до самой смерти подвижника. Это исполнение христианских заповедей, послушание, смирение, терпение, молитва, соблюдение чистоты помыслов и чистоты сердца.

Результатом является достижение подвижником той ступени нравственного совершенствования, которая позволяет возвести их в ранг святых. Некоторые подвижники были причислены к ним при жизни, другие — уже после их смерти. Признаками святости, т.е. внешним выражением, считаются дары чудотворения, полученные в награду за совершенные подвиги. К ним относятся целительство, прозорливость, влияние на окружающих. Эти дары многие подвижники получали при жизни, по смерти же они приобретали нетленность тела, как последнее неопровержимое доказательство их святости. В некоторых рассказах упоминаются чудотворные мощи, в основном с приведением примеров такого чудотворения.

В Слове «О Никите-затворнике, который потом был епископом Новгорода» показано, что подвижник, нарушивший законную последовательность данной структуры деятельности, получает результат, отличный от ожидаемого. Целью было поставлено чудотворение, мотивом (движущей силой) явилось желание славы, способ достижения — затворничество. В результате подобного искажения произошло нарушение психического и физического здоровья подвижника.

Промежуточным звеном между способом и результатом нередко являются *испытания*, выпадающие на долю подвижника. Они играют роль проверок на истинность духовных качеств, приобретаемых в процессе самосовершенствования. Это испытания страхом (страхования), испытания на истинность нестяжания, на духовное распознавание, оставленность Богом.

Кроме структуры деятельности, выявляются и анализируются эпизоды, показывающие мировоззрение подвижников: их отношение к проблеме жизни и смерти, понимание связи между причиной и следствием, представление о противоположностях жизненных явлений. Данный анализ сопоставляется с соответствующими проблемами, нашедшими отражение в Евангелии, так как без этого сопоставления невозможно наиболее полно представить побудительные причины многих поступков. Ведь при погружении в иноческую жизнь у подвижника происходила ассимиляция сознания, то есть его настраивание, в ключе христианского учения.

В результате подобного исследования Патерика мы увидели духовный мир печерских подвижников, наполненный борьбой, познанием своей природы, устремлением в будущее. А каким увидите его вы?

I. ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ КИЕВО-ПЕЧЕРСКОГО ПАТЕРИКА

С крещением Русь получила богатейший и к этому времени уже оформленный пласт христианской культуры. Он отражал все стороны духовной жизни, и наши предки, как талантливые ученики, впитывали и перенимали его буквально во всем: в зодчестве, живописи и особенно в литературе. Ведь это и понятно, так как христианство, как религия, основополагается на Библии, и не зная ее содержания, не овладев богословской литературой, невозможно было понять догматы, основы христианского учения.

Первоначально Русь пользовалась переводной византийской и болгарской литературой. Это, в первую очередь, Евангелие, излагающее историю жизни, искупительной жертвы и чудесного воскрешения Иисуса Христа. По евангельским притчам Древняя Русь приобщалась к новым нормам морали, впитывала божественную мудрость. В значительной степени этому помогала и многочисленная патриотическая литература, то есть сочинения отцов церкви, римских и византийских богословов III—IX вв., в которых излагались идеи христианской религии, основы морали, правила богослужения. Это сочинения Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Василия Великого, Ефрема Сирина и др.

Широкое распространение получила так называемая агиографическая литература (от греческого «агиос» — святой, «графо» — пишу), то есть жития святых — особый жанр литературы, рассказывающий о жизни, подвигах людей, канонизированных церковью, причисленных к лику святых. В этих рассказах создавался нравственный идеал человека, посвятившего всю свою жизнь служению Христу и посредством страданий, нечеловеческих усилий сумевшего достигнуть высот нравственного совершенства, тем самым приблизив себя к Богу. К агио-

графической литературе относятся и патерики (от греческого «патер» — отец), особые сборники назидательных рассказов о жизнедеятельности подвижников монашеской жизни определенного монастыря или местности, прославившихся своим благочестием. Уже в начальном периоде древнерусского христианства большую популярность получили Синайский, Египетский, Иерусалимский, Скитский патерики. Через них Русь знакомилась с подвигами во имя христианской веры, впитывала религиозную мораль, находила примеры тяжелой борьбы за укрепление нравственных идеалов. Церковным уставом было постановлено читать эти назидательные творения за монастырской трапезой, а некоторые из них и во время церковной службы.

Русь оказалась талантливой ученицей. Уже во времена Ярослава Мудрого христианская религия получила широкое распространение, «и стала при нем вера христианская плодиться и расширяться, и черноризцы стали умножаться, и монастыри появляться»⁵. К середине XI века относятся первые (из дошедших до нас) оригинальные произведения русских авторов: «Слово о Законе и Благодати» Илариона, поучения Феодосия Печерского, Луки Жидяты.

Центром русской «книжности», или просвещения, стали монастыри. Именно в это время возникает, знаменитый впоследствии, Киево-Печерский монастырь. У истоков его создания, а в равной степени у истоков русского монашества, мы видим две великие фигуры того времени: Илариона и Антония. Первый из них, «муж благостный, книжный и постник»⁶, выкопал недалеко от села Берестово, загородной резиденции князя Ярослава, в высоком берегу реки Днепр пещерку, где проводил время в молитвах. В 1051 году «поставил Ярослав Илариона митрополитом, русского родом, в святой Софии, собрав епископов»⁷. В его пещерке и поселился затем Антоний. Мы о нем знаем очень мало. Известно, что он родом из города Любеча. Будучи мирским человеком, совершил паломничество в Гре-

цию, где и был пострижен под именем Антония в одном из Афонских монастырей. Возвратившись на Русь, он облюбывал оставшуюся после Илариона пещерку, «стал жить тут, молясь Богу, питаясь хлебом сухим, и то через день, и воды в меру вкушая, копая пещеру и не давая себе покоя днем и ночью, пребывая в трудах, в бдении и в молитвах»⁸.

Вскоре рядом с Антонием поселились его последователи и ученики, что и явилось основой монастыря. Е. Е. Голубинский сравнивает его с Антонием Великим: именно он «научил... монашеской жизни»⁹ Русь. Среди первых учеников Антония выделяется Феодосий, с именем которого связано подлинное возвышение монастыря. При нем была налажена монастырская жизнь, принят Студийский Устав, монастырь получил свое организационное завершение.

В последующее время Киево-Печерский монастырь быстро превратился в центр русского монашества, центр русского духовного благочестия. В нем была открыта первая школа, создана великолепная библиотека, здесь зародилось и получило распространение русское летописание. Наконец, он стал своеобразным университетом, где формировались кадры русского духовенства, в том числе иерархи церкви. «... Из Печерского монастыря Пречистой Богоматери многие епископы поставлены были... и, как светила светлые, освятили они всю Русскую землю святым крещением»¹⁰, — пишет Симон, епископ Владимирский и Суздальский, в своем послании к Поликарпу. Поэтому не случайно уже в XII веке возникает некий культ этого монастыря, появляется желание прославить в веках деяния его старцев, которое в конечном итоге приводит к созданию Киево-Печерского патерика.

Основа Киево-Печерского патерика была заложена в 20-е годы XIII века и первоначально родилась в виде двух посланий: Владимиро-Суздальского епископа Симона к монаху Киево-Печерского монастыря Поликарпу и Поликарпа к Акиндину, игумену этого же монастыря. О Симоне известно

немного. Это был один из образованнейших людей эпохи. Летописец, говоря о его смерти в 1226 году, называет Симона «учительным»¹¹. Он был постриженником Киево-Печерского монастыря, затем стал игуменом в Рождественском монастыре города Владимира и с 1214 года — епископом Владимирским и Суздальским¹². В. Н. Татищев считает Симона летописцем Владимиро-Суздальской земли времен Константина Всеволодовича¹³. О его литературном таланте и кругозоре мы можем судить лишь по посланию к Поликарпу.

Взяться за перо Симона подтолкнули действия Поликарпа. Тот также был постриженником Киево-Печерского монастыря, вероятно в одно время с Симоном. Поликарпа не устрашила роль простого монаха, за короткое время ему удалось добиться игуменства сначала в Козьмодемьянском монастыре, затем Дмитровском. Но с игуменством что-то не получилось, и Поликарп вынужден был возвратиться в Киево-Печерский монастырь. Обиженный на весь свет, не желая подчиняться архимандриту Акиндину, недовольный распоряжениями эконома монастыря, он обращается с письмом к Симону. Одновременно, используя связи и покровительство в светских кругах, он стал домогаться епископской кафедры. По его просьбе к епископу Симону обратилась жена князя Ростислава Рюриковича Верхуслава (в крещении Анастасия) с предложением назначить Поликарпа на какое-либо епископство. Этого же хотел и Юрий Всеволодович, брат Верхуслavy. Но Симон этому резко воспротивился.

В результате и родилось знаменитое послание. В нем автор обвиняет Поликарпа в честолюбии: «Убедился я, что ты санолубец и славы ищешь от людей, а не от Бога»¹⁴. Симон считает, что Поликарп не достоин сана епископа, так как своими действиями он оскорбляет дух Киево-Печерского монастыря: «... Если бы пребывал... в монастыре неисходно, с чистой совестью, в послушании игу-

мена и всей братии, в совершенном воздержании, то не только облекся бы в святительскую одежду, но и Вышнего Царства достоин бы был»¹⁵. Далее он внушает Поликарпу осознание святости монастыря и призывает гордиться собственной причастностью к его славной истории. Симон пишет, что готов променять всю свою власть и славу, «лишь бы колом торчать за воротами или валяться сором, попираемым людьми, в Печерском монастыре, или быть одним из убогих, просящих милостыню у ворот честной той лавры, — все это лучше было бы для меня временной сей чести. Один день пребывания в доме Божьей Матери лучше, чем тысяча лет обычной жизни, и в нем хотел бы я находиться, а не жить в селениях грешников»¹⁶. Свое назидание Симон сопровождал девятью рассказами о подвигах печерских иноков: Онисифоре, Евстратии, Никоне, Кукше и Пимене, Афанасии, князе Святоше, Еразме, Арефе, Тите и Евагрии.

Во второй части послания Симон излагает чудесное основание Печерской Успенской церкви, затем окование раки святого Феодосия, прибытие мастеров и иконописцев из Царьграда, чудо о Иоанне и Сергии, нахождение каменной доски для устройства святого престола и освящение церкви. По-видимому, послание Симона подействовало на Поликарпа, и он всю свою жизнь посвятил изучению жизнедеятельности монахов Киево-Печерского монастыря. Результатом этого явилось послание Поликарпа к игумену Акиндину, в котором содержится одиннадцать рассказов о печерских монахах. В дальнейшем, по всей видимости, в 30-е годы XIII века, эти два послания были соединены воедино и к ним добавлено «Сказание о первых черноризцах печерских», взятое из «Повести временных лет» под 1074 годом. Это и стало первоначальным ядром Киево-Печерского патерика. В XIV веке в него было включено Житие Феодосия Печерского.

До нас дошло несколько редакций Патерика. Древней-

шая, получившая название Арсеньевской, была написана в 1406 году по инициативе тверского архиепископа Арсения. Две другие редакции, созданные в Киево-Печерском монастыре в 1460 и 1462 гг. по указанию уставщика, инок Кассиана, получили название Кассиановских. В них впервые появляется название произведения — «Патерик Печерский». Окончательная редакция патерика состоялась уже в XVII веке. Заслуга в этом во многом принадлежит знаменитому митрополиту Петру Могиле, канонизировавшего в 1643 году мощи Киево-Печерских подвижников¹⁷ и поручившего составить им общую службу. В 1661 году по указанию настоятеля Киево-Печерского монастыря архимандрита Иннокентия Гизеля Патерик был впервые напечатан, а в 1762 году по указу Святейшего Синода печерские святые были внесены в общерусские месяцесловы.

Киево-Печерский патерик был необычайно популярен не у одного поколения россиян. Он был букварем, по которому учили буквы и складывали первые слова, книгой для повседневного чтения в разных слоях населения, но главное — он был своеобразным нравственным путеводителем православного человека. История его изучения имеет такую же длительную и сложную стезю, как и история его создания. Мы не имеем здесь возможности дать широкий научный обзор истории исследования Киево-Печерского патерика. Остановимся лишь на некоторых важных, с нашей точки зрения, моментах.

Киево-Печерский патерик, существуя уже в нескольких редакциях, долгое время оставался без пристального внимания со стороны исследователей. Но постепенно он начинает вызывать к себе интерес. Вначале — как простая книга для чтения, тем более что он становится доступным благодаря тиражированию: в 1893 г. выходит в свет издание Патерика в переводе Виноградовой, в 1900 г. — в переводе Поселянина. Переводы несколько отличаются друг от друга, но каждый из них, несомненно, представляет определённую ценность. Затем Патерик

привлекает внимание историков и филологов.

Рассматривался Киево-Печерский патерик с различных точек зрения: как исторический источник в сопоставлении с древнерусской летописью, как памятник истории языка и литературы. Исследователи обращали внимание в основном на установление его литературных источников, на изучение текста, состава и соотношения его редакций, на изучение художественной структуры этого памятника.

Большая работа по установлению литературных источников Патерика, изучению состава его текста была проведена русским историком А. А. Шахматовым¹⁸. Благодаря его работам над начальными русскими летописными сводами, Киево-Печерским Патериком и Печерской летописью, мы располагаем данными, позволяющими разобраться не только в этих памятниках, свидетелях литературной работы печерской братии, но и в самой истории Киево-Печерского монастыря. А. А. Шахматов считает, что до создания Патерика существовало Житие Антония, возникшее в конце 80-х — начале 90-х гг. XI века, после освящения каменной церкви Печерской обители (1089 г.), и составлено было не в Печерском монастыре, а при метрополичьей кафедре. Это Житие являлось материалом для рассказов о монахах в Посланиях Симона и Поликарпа: «Утраченное уже в XVI в.... Житие Антония принадлежит к памятникам глубокой древности. В XIII веке оно было хорошо известно составителям Патерика Симону и Поликарпу: оба ссылаются на него и черпают из него данные, относящиеся к древнейшей эпохе жизни Печерского монастыря»¹⁹.

Единственная комплексная работа по структуре Патерика была проведена Д. И. Абрамовичем. В работе «Исследования о Киево-Печерском Патерике как историко-литературном памятнике» автор представляет результаты своего исследования состава текста, выявления и соотношения различных редакций, изучения композиционной структуры Патерика²⁰.

В советское время Киево-Печерский патерик почти не исследовался, одной из причин такого невнимания к этому источнику можно назвать атеистический настрой в обществе, борьбу с религиозными предрассудками. Но несколько работ все же было. Так, И. П. Ерёминым была дана краткая характеристика художественных особенностей Патерика²¹. Т. Ф. Волкова в своей работе «Художественная структура и функции беса в Киево-Печерском Патерике» предметом социального исследования обозначила своеобразного антигероя, беса, — его место в структуре произведения и художественную природу и функции этого образа²². В работе В. П. Адриановой-Перетц содержится анализ элементов беллетристики в Патерике²³.

В 1980-е годы в издательстве «Художественная литература» начинает выходить в свет серия книг «Памятники литературы Древней Руси», в которой печатается новое издание Киево-Печерского патерика. В последние годы появилось несколько переизданий Патерика, все они имеют старый перевод (Виноградовой и Поселянина), но благодаря им Патерик стал общедоступным для чтения и всестороннего исследования.

Психология и духовный мир подвижников монашества Киево-Печерского патерика до сих пор не были предметом специального исследования. По мнению Д. С. Лихачева, за представленными портретами невозможно увидеть реальных людей, так как «абстрактно-иконописный облик аскета-праведника заслоняет самого человека, его "деяния" и "подвиги" — характер, психологию»²⁴, а действующие лица механически делятся автором на положительных и отрицательных героев. Между тем, человек занимает важнейшее место в художественном мире этого памятника, и его психологический и духовный портрет является основой в изучении проблемы изображения человека в древнерусской литературе.

Приступаем к анализу Патерика по предложенной нами схеме.

II. САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ

Проблема самосовершенствования волновала человека с древнейших времен. Не смотря на то, что практическим решением этого вопроса были заняты очень немногие люди, он всегда являлся одним из важнейших в истории развития человеческого общества.

Идея самосовершенствования существовала еще в глубокой древности. В Священном Писании, являющимся жизненным путеводителем христиан, прямо говорится: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный»²⁵. Человек, ставший на путь самосовершенствования, должен был пройти длительный и трудный путь приближения к Идеалу, и вся его последующая жизнь определялась сообразно достижения этой цели.

Еще в начале нашей эры противники христианства не понимали, почему христиане принимают к себе всех — нищих и богатых, глупцов и мудрецов, воров, грабителей и добродетельных людей. В Евангелии показано, что Христос не отвергал никого, достаточно вспомнить слова: «И когда Иисус возлежал в доме, многие мытари и грешники пришли и возлежали с Ним и учениками Его»²⁶. Там же приводится и ответ, поясняющий это действие: «Не здоровые имеют нужду во враче, но больные»²⁷. Христианское Учение и было врачом, в котором нуждались «больные» — те, кто имел не только массу недостатков, но и стремление от них избавиться. Ведь к врачу идет только тот, кто признает свою болезнь и желает излечиться.

Конечно же, и в монастырь приходили не ангелы во плоти, а обыкновенные люди со всеми своими недостатками. Но они осознавали необходимость борьбы с низшей природой и решали во что бы то ни стало победить свое низшее «я» ради целей, обозначенных в Учении.

Детальное изучение Патерики показывает, что в деле самосовершенствования главное место занимал мотив поступка - во имя и для чего это делается. Сам поступок оценивался лишь по качеству побудительной причины. Так, епископ Симон пишет в своем послании к Поликарпу, акцентируя внимание на значении внутреннего, духовного состояния: «Если и постник ты, и рассудлив во всем, и нищ, и сну не предаешься, а упреков не терпишь, то не узришь спасения»²⁸. Он порицает стяжательство, властолюбие, желание прославиться, получить ни раду за свои подвиги: «Не в том совершенство, брат, чтобы славил нас все, но чтобы правильно вести житие свое и чистым себя соблности»²⁹. И еще одна фраза дополняет эту мысль: «Если же ты сюда пришел для спасения, а сам не духовное творишь, то ради чего облекся во иноческие ризы? От мук тебя не избавят черные ризы»³⁰.

Намерение инока Никиты уйти в затвор ради славы и ожидание за свой подвиг награды — дара чудотворения — отмечается как неблагопристойное желание: «... Инок, желая, чтобы славил его люди, дело великое не Бога ради замыслив, начал проситься у игумена войти в затвор»³¹. Поэтому можно утверждать, что решающим фактором в подвижнической деятельности иноков являлась чистота устремлений. Утверждались те мотивы, которые направляют всю деятельность человека на преобразование внутренней жизни, именно они становятся основой истинного подвижничества. Но для достижения идеального результата нужно было начинать, прежде всего, с «материальных» преобразований. Рассмотрим некоторые из них, наиболее ярко отраженные в Киево-Печерском патерике.

Отказ от имущества

Одним из самых первых поступков, совершаемых теми, кто вступал в иноческую жизнь, было оставление имущества и

всего того, чем они владели в мирской жизни. Важность подобного шага объясняется в Евангельских текстах, где проблеме нестяжания отведено особое место: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах»³². Владение имуществом, а тем более богатством, считалось главным препятствием на пути в Царство Божие: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царство Божие»³³.

Так, Евстратий Постник³⁴ раздал все свое имение «убогим», оставив немного ближним своим, чтобы они за него раздавали. Никола-Святоша³⁵, став иноком Печерского монастыря, оставил семью, богатство, княжение и власть. Блаженный Феодор³⁶, вступая на иноческий путь, также оставил все мирское и раздал богатство нищим. Исакий до прихода в монастырь «был богатым купцом, родом торопчанин. И вот он, решив стать монахом, раздал все имущество свое бедным и монастырям...»³⁷

Но в начале иноческого пути отказ от богатства, скорее всего, понимался монахами буквально, и тогда условие духовного восхождения сводилось к отказу физическому, т.е. внешнему действию. Вместе с тем в Патерике четко прослеживается мысль, что само по себе оставление имущества еще не говорит об истинном нестяжании. Так, в «Слове о святых преподобных отцах Феодоре и Василии» упоминается Евангельское изречение Христа: «Если человек не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником»³⁸. В понятии отрешения заключается идея внутреннего отказа, непривязанности сознания к имеющемуся у человека имуществу, всему так называемому мирскому, невечному и тленному.

«Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше»³⁹ — эти слова также указывают на великое значение внутреннего освобождения от привязанности к земным вещам, в особенности для людей, решивших посвятить себя слу-

жению Богу. Уильям Джеймс в своем труде «Многообразие религиозного опыта» отмечает, что «жизнь, построенная на "иметь", менее свободна, чем жизнь, в основе которой лежит "делать" или "быть", поэтому в интересах своей деятельности люди, находящиеся во власти высших моральных чувств, отказываются от приобретений, как от излишней обузы. Только тот может идти прямым путем к достижению идеала, кто не имеет личных интересов»⁴⁰.

В Патерике есть рассказы, в которых показано, как пагубны бывают последствия привязанности к богатству. Преподобный Еразм, отдавший все свое имение на украшение церкви, со временем сильно обнищал и стал «отчаиваться, что не получит награды за истраченное богатство»⁴¹. Отчаяние, корысть и ожидание награды довели его до тяжелой болезни: «Разболелся он сильно, вконец онемел и ослеп и лежал так восемь дней едва дыша»⁴². Также и блаженный Феодор, став черноризцем Печерского монастыря, оставляет все «мирское», но потом вдруг начинает «тужить и сильно печалиться о богатстве, которое роздал нищим...» И открыто высказывал скорбь свою перед друзьями»⁴³.

На этих примерах ярко показано, что оставление или потеря богатства еще не означает освобождения сознания от власти стяжания и корысти. Камнем преткновения для монахов становился внутренний отказ: отдать вещи, а значит совершить внешнее действие, для многих оказалось гораздо легче, чем произвести перестройку сознания и стать действительным нестяжателем. Лишь после многолетнего опыта приходило мудрое понимание, что можно иметь вещи и не быть их собственником, не привязываться к ним сознанием, ничего не считать своим. Так, преподобный Агапит Целитель, отказываясь от даров князя, говорил: «Все, что ты имел, было чужое, и, отходя из этого мира, ты ничего не можешь взять с собой»⁴⁴.

В отличие от нормы, принятой в общинножительстве, черноризец Арефа не раздал свое имение, «много богатства имел он в келии своей, и никогда ни одной цаты, ни даже хлеба не подал убогому, и так был скуп и немилосерд, что и сам почти от голода умирал»⁴⁵. Однажды ночью к нему пришли воры и унесли все, что у него было. Этот рассказ иллюстрирует евангельское изречение «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут»⁴⁶. Привязанность Арефы к утерянному сокровищу довела его, как и вышеупомянутого Эразма, до тяжелой болезни. Роптание о потере как бы отдалило его от Бога и приблизило к бесам. Борьба ангелов и бесов за душу Арефы символизирует внутреннюю борьбу между темной и светлой сторонами его внутреннего мира. По мнению автора, Арефа победил привязанность к богатству, так как увидел явление ангелов и услышал их речи.

Для тех, кто решил посвятить жизнь служению Богу, самым важным было отдать себя полностью, безраздельно, со всеми мыслями, чувствами и силами на достижение цели, так как невозможно служить одновременно Богу и «маммоне», то есть кошельку. Погрузившись сознанием в земное, тленное, человек привязывается к земле, и в его сознании остается слишком мало места для Высшего Мира, а, следовательно, у него уменьшаются шансы на приближение к нему. Но осознание того, что все вещи, которые есть у человека, даются только на время и взять их с собой в иной мир невозможно, помогало освободиться от привязанности к земному миру и посвятить себя Высшему Служению.

Яркий пример совмещения внешнего и внутреннего отрока показан в Слове «О преподобном Святоше, князе Черниговском», который понял «обманчивость этой суетной жизни, и что все, что здесь, протекает и проходит мимо, будущие же блага непреходящи и вечны, и бесконечно Царство Небесное... и все то ни во что вменив»⁴⁷, вступает на путь иночества. Он

уверен в правильности своего поступка, и даже частые уговоры княжеского врача не зародили в нем ни сомнений, ни сожалений о содеянном: «Я обнищал ради Бога, чтобы Его приобрести. (...) Для меня же умереть за Христа — приобретение, а на мусорной куче сидеть, подобно Иову, — царствование»⁴⁸.

«Отвергнись себя...»

Отрешение от всего тленного оказывается недостаточным, как как в Евангелии мы находим другой призыв: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми свой крест и следуй за Мною»⁴⁹, другими словами, стань *самоотверженным*. Это понятие включает в себя много граней: избавление от эгоистичных мыслей, от привычки делать все только для себя, ставить свою личность в центр своих переживаний. Идея самоотвержения как служения на общую пользу могла быть взята также из Евангелия: «Кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою, и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом»⁵⁰. Ставя себя ниже других, монах тем самым самоотвергался, отодвигая личные интересы на задний план.

В монастыре первой ступенью к самоотверженности, особенно после введения Студийского устава, был *труд на общую пользу*. Большинство пришедших в монастырь продолжали делать те же дела, что делали в обычной жизни, «в миру», особенно если они не были богаты и им приходилось обслуживать самих себя и свою семью; казалось бы, в их нынешней деятельности не было ничего подвижнического.

Вот как показана трудовая жизнь монастыря при преподобном отце Феодосии: «Ежедневно работали они своими руками, плели волну и исполняли другие ручные работы... (...) Потом вкушали немного хлеба, и каждый шел на свое дело, до времени вечера и повечерия. И так, постоянно трудясь, пребывали они в любви Божией»⁵¹. Феодосий, как истинный духовный водитель, был для всех примером и превосходил «бра-

тию» в труде: «Он служил помощью для всех, иногданося воду, иногда же дрова из лесу. (...)... Он смирялся, делая себя меньшим всех и служа всем, во всем подавая собою образец добрых дел, прежде всех выходя на дело»⁵².

После вечерней молитвы преподобный Феодосий учил всех не ходить из келий в келию, а ежедневно заниматься ручной работою, «имея на устах псалмы Давида»⁵³. Часто он, подавая пример в труде, входил в пекарню и, будучи сам игуменом, работал с пекарями, месил тесто, делал хлеб. Занимая высокую иерархическую ступень, преподобный Феодосий еще больше нагружал себя повседневным трудом, тем самым повелевал делом, а не словом: «И будучи сам старшим, не оставлял доброго обычая быть первым в работах; иногда носил воду, иногда рубил дрова, подавая собою образец всей братии»⁵⁴.

Тяжелее всех могло быть князю Николе Святоше, который, отказавшись от мирской жизни, предает себя многолетнему труду — колет дрова, работает на поварне, служит в трапезной; никто никогда не видел его праздным. Конечно же, в мирской жизни этими делами ему не приходилось заниматься, поэтому можно представить себе всю тяжесть, которую он сознательно на себя взял. Несмотря на уговоры своего врача пожалеть себя, «чтобы не погубить плоть свою безмерным трудом и воздержанием»⁵⁵, Святоша остается непреклонным, считая, что плоть «под гнетом многого труда смирится»⁵⁶.

Преподобный Григорий, считая праздность большим грехом, назначает пойманным ворами искупление — труд при монастыре на пользу всей братии, «чтобы теперь, трудясь, свой хлеб ели они, и достанет им, чтобы и других питать от своих трудов»⁵⁷. Преподобный Исакий использовал труд как одно из средств борьбы против дьявольских искушений. Он помогал поварам, работая на братию, «после заутрени шел он в поварню, разводил огонь, приносил дрова и воду»⁵⁸.

Блаженный Феодор также избрал труд для защиты от

бесов, считая, что когда человек впадает в леность, у беса родится бесстрашие. Он поставил в пещере жернова и начал работать на братию, принося из монастыря жито и размалывая его, «и так много лет делал, работая на святую братию, и облегчение было рабам монастырским, и не стыдился такой работы»⁵⁹.

П. Н. Милюков недоумевает, почему рубку дров и ношение воды древнерусский летописец называет подвигом⁶⁰. Но ведь находясь в мирской жизни, никто не помышлял о постоянном бескорыстном труде для чужих людей. В монастыре же инок трудится для всех, «на пользу братии», а это является и отвержением от себя, и одновременно перестройкой сознания на более высокую ступень, так как делая привычные дела, человек поменял их внутреннюю суть. Все это наводит на мысль, что для монастырского жития первенствующее значение имело не само действие, а его внутреннее наполнение.

Таким образом, мы видим, что труд выполнял особую роль в жизни монахов: он был средством самоотречения, а также защитой «от бесов», то есть дурных помыслов, чувств и действий. Особенно ценным считался труд, соединенный с молитвой или пением псалмов. Так, Николу Святошу «во все годы монашества его никто никогда не видал... праздным: всегда в руках у него было рукоделье, чем он и зарабатывал себе на одежду. На устах же его постоянно была молитва Иисусова...»⁶¹.

Непротивление злу

Человек, вступивший на путь подвижничества, должен был принять еще один постулат христианской морали — непротивление злу.

Тему непротивления мы видим в жизни Иисуса Христа. Он ничего не сделал ради своего спасения, когда пришел час распятия, хотя умел творить различные чудеса: оживлял умерших, ходил по воде, успокаивал морскую бурю. При

внешнем непротивлении — победное состояние духа, которое не удалось поколебать даже приближением смерти. Но в Евангелии приведен и другой пример: Христос изгоняет из храма торговцев, тем самым активно борется против зла, наносящего вред окружающим людям, их духовности.

В Евангелии говорится: «Не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему другую»⁶². Здесь идет речь не о непротивлении злу вообще, а о тех конкретных случаях, когда зло направлено на личность, имеющую возможность защититься, но сознательно отказавшуюся от защиты. Подобное непротивление хорошо показано на примере жизни преподобного Феодосия, которого избивала мать за стремление к подвижничеству: «... Блаженный юноша принимал все это с радостью, и, молясь Богу, благодарил Его за все!»⁶³. Но позднее, когда она уговаривала его покинуть пещеру преподобного Антония и вернуться домой, чтобы «делать там по воле своей все на пользу и спасение души»⁶⁴, Феодосий противостоит уговорам матери, бесповоротно избрав иноческое житие.

Наиболее ярко тема непротивления показана в Слове «О святом Григории Чудотворце». Обладая к концу своей жизни необычайной чудотворной силой, умея усыпить или обездвигать человека (как это было сделано в отношении воров, забравшихся в огород), Григорий ничего не делает ради своего спасения, находясь перед лицом смертельной опасности. Князь Ростислав Всеволодович, рассердившись на старца за предсказанную гибель, велит связать его и бросить в воду. Происходит гибель не от бессилия противостоять злу, а оттого, что имеющаяся сила не была использована для спасения своей жизни⁶⁵. Григорий, зная, что ему предстоит умереть насильственной смертью, встречает ее как последнее земное испытание, и главным для него было — духовно остаться непобежденным, не допустить страха и, несмотря на внешнее поражение быть победителем в духе: «не бойтесь убивающих

тело, души не могущих убить»⁶⁶.

Логическим продолжением непротивления в христианском учении является призыв «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас»⁶⁷. Любовь к врагам, как одна из граней самоотречения, показана на примере только что упомянутого Григория Чудотворца, который накормил голодных воров, пришедших его обокрасть. Когда монах узнает, что эти воры осуждены властелином города, то «затужил... что из-за него осуждены они; он пошел, отдал свои книги властителю, а воров отпустил. Остальные же книги продал, а деньги роздал убогим, говоря так: "Да не впадет кто-нибудь в беду, думая украсть их"»⁶⁸. Затем продает оставшиеся книги, чтобы не искушать этих воров на новое преступление. Во всем этом проявлена очень высокая степень человеколюбия: старец заботится и о желудках врагов, и о их свободе, и даже о том, чтобы устранить повод для дальнейшего воровства. Любить тех, кто нас любит — дело несложное, но «если будете любить любящих вас, какая вам награда?»⁶⁹.

В Слове «О святом и блаженном Агапите, бескорыстном враче», рассказано о людях, стоящих как бы по разные стороны баррикады: о лекаре Агапите, обладающем чудесным даром целительства, и армянине, состязавшемся с ним в искусстве врачевания и пытавшемся отравить блаженного. Это история гонимого и гонителя, которая заканчивается тем, что враждебно настроенный армянин, не встречая ответной ненависти, принимает христианскую веру и становится черноризцем, осознав высоту духовности своего врага. Любовь и терпение по отношению к врагу приводит к прекращению зла, хотя для этого Агапиту пришлось даже рисковать своей жизнью. «Любите врагов ваших! ...Каковы были бы результаты подобной жизни: по всей вероятности, они могли бы пересоздать мир... Эта заповедь представляет собою лишь крайний предел того великодушия, который нам хорошо известен под

видом непротивления злу»⁷⁰.

Итак, мы видим, что заветы «не противься злему» и «любите врагов ваших» очень близки по содержанию. В них высвечивается основная мысль, что при видимом непротивлении происходит невидимая борьба со своими низшими качествами, а затем — победа воли над самым опасным врагом человека, его необузданными эмоциями. Но есть еще одна сторона подобных действий. Не отвечая на злой поступок той же монетой, человек тем самым прерывает этот порочный круг, делая самого себя заслоном, конечным пунктом на пути распространения зла. Обыкновенный человек, встречая к себе негативное отношение, ответной реакцией способствует распространению низких чувств, а значит, сознательно или бессознательно, увеличивает количество зла в окружающем мире.

Постничество

Постничество, упоминаемое во многих рассказах, было, по существу, почти обычным делом и, вероятно, не считалось самым трудновыполнимым подвигом. «Принявши монастырь, Феодосии ввел в нем воздержание строгое, пощение и молитвы со слезами»⁷¹, — то есть пощение было обязательным для всех монахов. Кроме того, питание в монастыре, особенно в начале его становления, было само по себе скудным. Как упоминается в Житии преподобного Феодосия, «пищею их там был только ржаной хлеб и вода; иногда лишь в субботу и воскресенье вкушали немного сочива, но часто и в эти дни, за неимением сочива варили и ели одну зелень»⁷². «Ты знаешь, чадо, убожество наше: часто и хлеба недостает в дневную пищу»⁷³, — говорил преподобный Феодосий пришедшему к нему варягу. Через некоторое время условия проживания в монастыре заметно улучшаются, появляется пекарня, кухня, складские помещения для хранения пищевых продуктов. Но, независимо от этого, некоторые монахи продолжали сознательно очень скудно питаться, на многие годы избрав постни-

чество как образ жизни.

Так, преподобный Евстратий был постником с самых ранних лет. Попад в плен с другими монахами, он, как и остальные пленники, был мучим жаждою и голодом. «По прошествии же четырнадцати дней остался в живых один только Евстратий, потому что был он постником с самых юных лет»⁷⁴. Постничество здесь является причиной спасения от голодной смерти.

Еще один замечательный пример приведен в Слове «О преподобном Святоше, князе Черниговском». До прихода в монастырь князю не приходилось испытывать нужды в еде. Петр, княжеский лекарь, говорил Святоше: «Дивлюсь я твоему чреву, которое раньше отягощалось сладкой пищей, а теперь, сырые овощи и сухой хлеб принимая, терпит»⁷⁵. Петр предостерегает, что из-за такой перемены питания князь может заболеть и даже лишиться жизни. Но Святоша непреклонен в своем решении, так как считает, что духовные недуги лечатся именно этим способом. Для него постничество не только победа над собственной плотью, но и средство, с помощью которого он достигает духовного подъема.

В Патерике мы встречаем Слово о Прохоре Лебеднике, в котором постничество является главной темой рассказа. Этот монах никогда «не вкушал ни хлеба, кроме просфоры, ни овощей никаких, ни напитков, но только лебеду и воду»⁷⁶. Когда же начался голод, из-за которого смерть нависла над всеми людьми, Прохор продолжал собирать свою лебеду. Обладая даром превращения горькой лебеды в сладкий хлеб, пепла — в соль, он в тяжелые дни голода помогает простым людям, спасает их от голодной смерти. Его подвиг становится подвигом благотворения.

Через постничество Прохор добился полной независимости внутренней жизни от внешних явлений, что, безусловно, является одним из важнейших достижений подвижничества. «И не страшился он никогда никаких бед, потому что жил, как птица»⁷⁷, — то есть ему нечего было терять. Это является такой ступенью духовного развития, когда внешние условия теряют над человеком власть: «И не роптал он никогда, но всегда служил Господу с радостью»⁷⁸. Все это находится в полном соответствии с высказыванием Христа: «Когда постичься, не будьте унылы, как лицемеры; ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися»⁷⁹. Эти слова говорят о большой значимости внутреннего состояния при внешних трудностях. Сознательное постничество — преодоление не столько физического ощущения, сколько внутреннего настроения. Подвижник, даже испытывая физические страдания от голода, не становится рабом собственных ощущений, не поникает духом, а ставит его выше тела, беря все ощущения и желания под железный контроль воли.

Лишение сна

Подобное стремление подчинить физическое тело собственной воле привело еще к одному опыту, который, впрочем, не дал особых результатов и впоследствии проводился все реже и реже. Это лишение сна, или ночные бдения, идея которых была воспринята из Евангелия: «Итак, бодрствуйте, ибо не знаете, когда придет хозяин дома: вечером, или в полночь, или в пение петухов, или поутру»⁸⁰.

Буквальное исполнение этого указания и привело к введению в монастырский уклад ночных бдений. Так, преподобный Антоний, копая себе пещеру, «не давая себе покоя ни днем, ни ночью, так жил в постоянных трудах, пребывая в бдении и молитвах»⁸¹. Преподобный Феодосий, приняв на себя игуменство, «все ночи без сна пребывал... то на молитве стоя, то по келиям ходя и братию на молитву поднимая»⁸².

Блаженный Григорий обычно «целые ночи проводил без сна, пел и молился беспрестанно, стоя посреди келии своей»⁸³. Преподобный Феодор ночи проводил «без сна, трудясь на работе и на молитве»⁸⁴.

Из вышеперечисленных примеров можно понять: подвижники длительное время практически не спали, что маловероятно, так как «сон — жизненно необходимая потребность организма, не менее важная, чем пища. Человек, попавший в исключительные условия, может голодать около двух месяцев, но без сна он не проживет двух недель»⁸⁵. Более реальной выглядит другая картина: преподобный Феодосий учредил время отдыха с обеда до вечера, «чтоб в полуденное время братия могла отдыхать, ради утомления от ночных молитв и утреннего пения»⁸⁶.

В Слове «О первых святых и блаженных черноризцах печерских» рассказано, что монахи не выдерживали ночной службы, начинали дремать, а затем под каким-нибудь предлогом уходили. Брат Матфей, стоящий на такой службе, нередко видел беса в образе ляха, ходящего между молящимися или стоящего на игуменском месте. А после заутрени, отдыхая по дороге домой, увидел беса, сидевшего на свинье. Скорее всего, но время этих видений Матфей находился в каком-то особом, переходном состоянии, которое нельзя назвать ни сном, ни бодрствованием. Но так как Матфей старался бороться со сном, а организм требовал свою порцию отдыха, то это промежуточное состояние было не кратковременным, а достаточно длительным. Именно в этот период и возможно увидеть и услышать то, что соответствует уровню сознания человека.

В Слове «О преподобном Исакии Пещернике» показана похожая ситуация: несколько лет он не имел нормальных условий для сна, так как он никогда не ложился, «и в таком житии провел семь лет... не выходя наружу, не ложился на бок, но сидя спал, понемногу»⁸⁷. Однажды, сидя

в темноте, увидел бесов в образе ангелов. Видение произошло также на границе бодрствования и сна, в полуночное время, при этом организм был ослаблен постоянным недосыпанием.

Лишение сна было не самым популярным среди монахов, и если оно совсем не ушло из монастырской жизни, то продолжалось в виде ночных бдений, после которых днем монахи отдыхали в своих кельях. Буквально воспринятый призыв «бодрствуйте» потерпел поражение, так как был воспринят в узком, «телесном» смысле. Но в христианском учении большинство указаний распространяются на духовную область, в том числе и это: «Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна»⁸⁸. Отсюда следует, что бодрствование было заповедано для духовной жизни, но не для немощного тела. Другими словами, человек должен находиться в постоянной готовности к обещанному пришествию Господа, несмотря на то, спит его тело или нет.

Борьба с плотью

Важное значение на пути самосовершенствования имела борьба со «страстями», то есть желаниями человеческого тела. Как освободиться от того, что дано природой, как обуздать естественные желания тела? И самое главное — во имя чего? Подвижники считали, что укрощая физическую плоть, они борются за собственное духовное возвышение. Победа над телом была средством очищения, искупления и завоевания права на вечную жизнь. С этой целью многие из подвижников подвергали свое тело самоистязаниям, обрекая его на невероятные страдания.

Идея подобной борьбы была взята и почти буквально воспринята из Евангельского изречения: «Если же рука твоя или нога твоя соблазняет тебя, отсеки их и брось от себя; лучше тебе войти в жизнь без руки или без ноги, нежели с двумя руками двумя ногами быть ввержену в огонь вечный»⁸⁹. Так, Иоанн Многострадальный боролся со своими страстями,

обуздывая и терзая себя жестоким постом и нося на теле тяжкие вериги. Несмотря на то, что железные вериги не помогали ему в укрощении плоти, он их не снимает до конца жизни, при этом дополняет свои страдания новым испытанием: во время поста он зарывает себя по грудь в землю. «И так, под этим тяжким гнетом пробыл я весь пост, не в силах шевельнуть ни одним суставом, но и тут не утихли желания плоти моей»⁹⁰. Вся эта борьба доходит до страшных мучений: Иоанн ощущает, что его ноги начинают гореть, а кости трещать, но стремление очиститься от «скверны» настолько велико, что он «желал лучше весь сгореть в огне том, Господа ради, нежели выйти из ямы той»⁹¹. И как высшая точка напряженной борьбы — появление огнедышащего змея, хотящего поглотить Иоанна. Змей в этом случае символизирует плотскую страсть, которая изнутри терзала монаха, стремясь его «пожрать».

Конечно же, борьба с этим огнедышащим змеем не могла ограничиться только физическими, внешними средствами, и была дополнена внутренними усилиями. Во-первых, это упорное желание очиститься от скверны, являющееся сильнейшей двигательной силой, а во-вторых — молитва, которую Иоанн «возопил из глубины сердца своего»⁹². После применения всех физических действий, которые он смог выдержать, у него остается последняя надежда на помощь свыше, и она приходит в последний момент, когда все средства уже испробованы. Но несмотря на то, что помощь приходит, а змей, как символ плотолюбия, исчезает, затворнику указано и дальше себя блюсти: «Иоанн, Иоанн! вот тебе помощь, прочее же от тебя зависит: следи за собой, чтобы не было с тобой чего-нибудь горше, и не пострадать бы тебе в будущем веке»⁹³. Показана очень важная идея постоянного контроля над своими желаниями, чувствами и мыслями.

Источником страдания подвижников могли быть также люди и окружающий мир. Евстратий Постник, попав в плен, принимает в день Пасхи мученическую смерть на распятии, которую он воспринимает как награду: «Великой благодати сподобил меня Господь — в нынешний день пострадать. И скажет он мне, как и разбойнику: "Ныне же будешь со мною в раю"»⁹⁴. Никон Сухой также попадает в плен и принимает страдания от иноверца. Но затем, чудесным образом вернувшись из плена в свой монастырь, Никон не желает прекращать своих мучений: «и не давал снять оков с рук и ног своих»⁹⁵. Ему казались недостаточными страдания, принятые от половцев, за которые он благодарил Бога все время и молился Ему непрестанно. Что же давало силы все это терпеливо переносить и даже желать продления мучений? Если соотнести данную ситуацию с Новым Заветом, то страдания Никона непременно должны быть вознаграждены блаженством: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю»⁹⁶.

Такое же кроткое перенесение страданий мы видим в истории жизни многострадального Пимена, болевшего с рождения до самой смерти. Когда у Пимена появляется дар целительства, то он даже не пытается им воспользоваться для собственного исцеления: «Бог... может и меня поднять с постели этой и немощь мою исцелить, но я не хочу»⁹⁷. Этот старец принимает страдания и скорбь как плату за будущую радость. Короткая и трудная жизнь для него ничто по сравнению с бесконечным блаженством. Только тот, кто действительно верит в такое будущее, способен безропотно и терпеливо переносить все тяготы, которые выглядят мгновением по сравнению с жизнью вечной, беспредельной.

Свое нежелание избавиться от недуга Пимен обосновывает словами: «Кто претерпит до конца, — сказал Господь, — тот спасется»⁹⁸. Терпение считалось очень важным качеством, им сопровождалась все страдания; без этого терялся всякий

смысл страданий: «Терпением вашим спасайте души ваши»⁹⁹.

Печерские монахи нередко называли болезнь «посещением Господа», и это понятие было наполнено глубоким смыслом. Верующий человек воспринимает всякое несчастье как наказание за содеянное: «Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами. (...) Если же остаетесь без наказания... то вы незаконные дети, а не сыны»¹⁰⁰. Христианское учение давало человеку шанс приблизиться к Богу только в том чае, если он заплатит за все свои грехи страданиями, перенесенными терпеливо и безропотно. Пимен знает, за что он страдает, и в этом логика его действий. Итак, мы видим, что страдания для подвижников являлись одной из важнейших сторон жизни, от которой они не собирались отказываться.

Теперь обратимся еще к одному, очень важному моменту. В некоторых рассказах ясно показано, что причиной человеческих желаний является мысль. Так, в «Похвале» преподобному Феодосию говорится: «... Различными помыслами поражают [враги — *Авт.*] сердца наши, и совращают нас с пути Божьего разумения... Помолись за нас общему Владыке, чтобы подал Он нам слово, мысль и деяние на свершение всех заповедей Его»¹⁰¹. «...Смущают помыслы душу мою, и покоряюсь я им и неодолимое желание влечет ко греху»¹⁰², — говорится в Слове «О многотерпеливом Иоанне Затворнике». Эти слова показывают, что внешний раздражитель отсутствовал, но при этом существовала внутренняя причина — мысль. «Мы погубили ум свой плотолубием»¹⁰³, — говорит Иоанн боровшемуся со своими страстями черноризцу. Отсюда вывод: на пути самосовершенствования важно было не только подчинить собственное тело, физическую его природу, но преобразовать свой дух. Страдания помогают подвижнику возвысить свое духовное, бессмертное «Я» над телесным и смертным, заставляя страдать «временное» тело. При этом приходит осознание вечности и неуязвимости духа.

Затворничество

В Патерике ярко обозначен еще один из путей самосовершенствования — затворничество, — самый нелегкий и вместе с тем самый почитаемый подвиг. Затворничество несет в себе отказ от внешнего мира и сосредоточение внимания на внутренней, духовной жизни. Сама по себе жизнь в монастырских «пещерах» уже имеет элемент затворничества.

Первое упоминание об уединении связано с именем Илариона; он уходил в дремучий лес и в там, в пещере, молился Богу «втайне»¹⁰⁴. Но основателем затворничества на Руси стал преподобный Антоний, который, поселившись в пещере Илариона, положил начало иноческого жития. Вначале это уединение не было полным, так как Антонию приходилось беседовать с людьми, приходящими для наставления, руководить жизнью монастыря, налаживать его хозяйственную и духовную жизнь. Затем он оставил игуменство блаженному Варлааму, «а сам пошел на гору и выкопал себе другую пещеру, которая теперь под новым монастырем, в ней он и умер, живши в добродетели сорок лет, не выходя из пещеры»¹⁰⁵. Нам не известно, как жил Антоний в уединении, какие трудности ему приходилось преодолевать, но известен результат этой жизни: старец обладал дарами чудотворения, после его смерти в пещере «лежат честные мощи его, творящие чудеса и доныне»¹⁰⁶.

Учеником Антония, его последователем, можно назвать уже известного нам Исакия. Он затворил себя в пещере размером в четыре локтя, оставив маленькое оконце, через которое едва проходила рука. Пищей ему служила одна просфора через день и немного воды, которую подавал сам Антоний. «И в таком житии провел семь лет Исакий, не выходя наружу...»¹⁰⁷ Афанасий Затворник не просто уединился в пещере, он «заложил за собой дверь и пробыл в ней,

никогда и ни с кем не говоря, двенадцать лет»¹⁰⁸, то есть физически устранил возможность проникновения людей в пещеру и к тому же увеличил тяжесть своего одиночества молчанием.

Наиболее подробно и в ярких красках описана история затворничества многотерпеливого Иоанна, рассказанная им самим безымянному монаху, пришедшему за наставлением. Решение уйти в затвор было подсказано Иоанну святым Антонием во время молитвы: «Иоанн, Иоанн! нужно тебе здесь затвориться, и неведением и молчанием борьба прекратится...»¹⁰⁹ Иоанн последовал этому совету, затворившись в темном месте в пещере преподобного Антония, прожил в ней около 30 лет.

Даже эти (далеко не все перечисленные) примеры затворничества показывают высокую степень самоотречения. Уходя от мирской жизни, человек стремился отгородиться от нее физически; заложив вход в пещеру, он лишал себя общения со всеми, даже с теми, кто вместе с ним ушел от мирской суеты. Исключив дисгармоничное влияние окружающего мира или хотя бы сведя его до минимума, подвижник все свои силы бросил на смирение низшей природы для достижения победы над самим собой, ради постоянного и ничем непрерываемого общения с Богом. Это были именно те «тесные врата», о которых говорил Иисус Христос: «Подвизайтесь войти сквозь тесные врата, ибо, сказываю вам, многие поищут войти и не возмогут»¹¹⁰.

Путь в вечную жизнь сопровождался неустанным трудом, который не каждому по силам. Это видно на примере Исакия Пещерника: после семи лет жизни в уединении он попал под «бесовское действие» и в течение двух лет был совершенно беспомощным: не ходил, не говорил, не мог себя обслуживать. Феодосию пришлось отхаживать его, возвращать к жизни. Оправившись от этой болезни, Исакий не возвращается в затвор, а становится юродивым — первый на Ру-

си случай подвига юродства¹¹¹.

Попытка использования затворничества в корыстных целях сразу же приводит к серьезным последствиям, о чем подробно и красочно изложено в Слове «О Никите-затворнике, который потом был епископом Новгорода». Никита, вопреки запрету игумена, решает уйти в затвор, «чтобы славили его люди»¹¹². Желание награды и прославления за свой подвиг говорят о том, что полностью отсутствовало главное условие для подобного деяния — самоотвержение, без которого подвижничество теряет свой смысл. Результат проявляется всего лишь через несколько дней: происходит «прельщение дьяволом», а затем потеря памяти. Этим эпизодом ярко показано, что для достижения высоких целей необходима чистота устремлений, которая убережет человека от опасностей на пути восхождения.

Зададимся еще раз вопросом: в чем же смысл такого многолетнего уединения, сопровождавшегося суровыми, подчас жестокими условиями? Сами подвижники называли затворничество добродетельной жизнью, делом великим, совершаемым ради Бога. Откуда у человека бралось столько сил и терпения, чтобы выдержать многолетнюю изолированность от мира? Ответ однозначный: осознание высокой цели, ради которой принимает на себя человек страдания, и дает те силы, с помощью которых он все преодолевает. И в результате все несовершенства начинают поддаваться преобразованию в высокие духовные качества. «При наличии добровольных жертв, при радостном отказе от всего, что мы имеем, с целью выразить этим свое благоговение перед Верховным Существом, самый суровый аскетизм может являться плодом в высшей степени оптимистического религиозного чувства»¹¹³.

III. МОЛИТВА

Теперь обратимся к еще одному очень важному явлению в христианстве — молитве. Чтобы понять важность этого духовного действия, представим обратное, то есть что молитвы не существует. Но в таком случае перестает существовать и само понятие религии, ведь слово «религия» в переводе с латинского означает «связь», связь с Высшим Миром, с Богом. Молитва, в более широком значении, представляет собой душу и сущность религии, она является связующим звеном, посредством которого человек общается с Богом. И не будь ее, не было бы и того общения, отсутствовала бы та нить, что связывает человека с Богом.

Под термином «молитва» подразумевается «не пустой подбор слов, не простое повторение известных освященных формул, но движение самой души, входящей в личные отношения и в соприкосновение с таинственной силой, присутствие которой она ощущает. Где нет этой внутренней молитвы, там нет и религии»¹¹⁴.

Патерике этой теме уделено исключительно важное место. Так, в Слове «О Никите-затворнике, который потом был епископом Новгорода» рассказывается о том, как монах попадает под власть беса. Представ перед затворником в образе ангела, бес указывает не молиться, а только читать книги, при этом обещая: «Я же постоянно буду молить о спасении твоём творца своего»¹¹⁵. Перестав молиться, Никита тем самым обрывает свою связь с Богом; прикоснувшись к этой связи, а затем сознательно от нее отказавшись, он остался незащищенным от «бесовских» воздействий.

Лаврентий-затворник борется со своими страстями, «умерщвляя все страсти похотей — голодом воздержания, и посекая их мечом духовным, то есть голосом молитвы»¹¹⁶. Отождествление молитвы с мечом духовным было не столько

поэтическим сравнением, сколько указанием на практическое применение, которое обязательно должно принести свои плоды.

В Евангелии есть слова, которые говорят о молитве, как о духовном действии: «молитесь во всякое время духом»¹¹⁷. Быть в духе — значит преобразовать свое внутреннее состояние, создав особое, возвышенное настроение, которое будет наиболее соответствовать Высокому Общению. Почему это так важно? Попробуем понять это на простом примере. Общаясь с различными людьми, мы стараемся говорить с ними так, чтобы нас как можно лучше поняли. Следовательно, обращение должно звучать на языке того человека, с которым мы говорим, а иначе нас просто не услышат. Чтобы обращение к Богу было услышано, необходимо привести себя в гармоническое состояние, исключив всякие низкие чувства и эмоции — раздражение, тревогу, злобу или недовольство. В древности священнослужитель должен был совершать перед молитвой и другими религиозными действиями омовение, надевать чистую одежду. Внешняя чистота как бы символизировала внутреннюю.

В Нагорной проповеди Христа указывается: «...Когда молишься, войди в комнату твою и затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, который втайне»¹¹⁸. Лишь отстранившись от окружающего мира, затворив от него «дверь» своего сознания, подвижник мог полностью погрузиться в общение с Высшим Миром. Так, преподобный Феодосий, физически и духовно отстранившись от внешнего мира, «в пещере один затворялся, и, пребывая там все сорок дней великого поста наедине, с Богом через молитву беседовал»¹¹⁹.

В Патерике указано очень важное качество молитвы — *постоянство*: Никола Святоша, не удаляясь от братии, постоянно сочетал труд и молитву, которые были непрерывными, не разделялись между собой: «...Во все годы монашества... никто никогда не видал его праздным: всегда в руках у него бы-

ло рукоделье... На устах же его постоянно была молитва Иисусова, беспрестанно повторяемая: "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня!"»¹²⁰. Такое высокое качество молитвы могло быть доступно только тому, кто имел власть не только над своей физической природой, но и над мыслительными процессами, что является наиболее трудным достижением. Управлять физическим телом намного легче, чем обуздать неуловимую мысль, а тем более держать постоянное сосредоточение на Высшем, то есть быть в состоянии постоянной молитвы. Вот почему такую молитву относили к великому подвижничеству.

Епископ Симон Владимирский и Суздальский в своем послании к Поликарпу, черноризцу печерскому, говорит о великой значимости *соборности* молитвы: «Все, что творишь ты в келии, маловажно: Псалтырь ли читаешь, двенадцать ли псалмов поешь, — все это не может сравняться с одним соборным: "Господи, помилуй!" (...) Сам Господь сказал: "Дом Мой домом молитвы наречется". "Где,— говорит Он, — двое или трое собраны во Имя Мое, там и Я посреди них"»¹²¹. Эти слова показывают, что коллективная молитва обладает наибольшей мощью; соборно, то есть объединенными усилиями, можно творить чудеса. Пример коллективной молитвы приведен в слове о Никите-затворнике, которого прельстил бес. Тринадцать преподобных отцов «пришли к прельщенному и, помолившись богу, отогнали беса от него, и после того он не видал его более»¹²².

Молитва в жизни подвижника часто выполняла роль орудия защиты от «бесовских воздействий» — от низких чувств и мыслей; с ее помощью монахи совершали исцеления, получали духовную и даже материальную помощь. Идея использовать молитву как средство защиты от бесов показана в Евангелии: «Сей же род изгоняется только молитвою и постом»¹²³. Так, преподобный Исакий, на которо-

го нападали бесы, говорил им: «...Ныне со мною Господь Иисус Христос, Бог мой, и на молитвы отца моего Феодосия надеюсь, и одержу победу над вами»¹²⁴, и таким образом отгонял бесов. Преподобный Григорий «особенное прилежание имел... к молитве, и за то получил власть над бесами, так что, находясь даже вдали от него, они вопили: "О Григорий, изгонишь ты нас молитвою своею!"»¹²⁵.

Преподобный Василий учит затворника Феодора, которого прельщал бесовский призрак: «"...Не дай ему беседовать с тобой, прежде чем не сотворит он молитву, и тогда уразумеешь, что это бес". И, сотворив запрещающую молитву, призвав святых в помощь, он ушел в свою келью, утвердив пещерника»¹²⁶. О том, что через молитву можно получить защиту, говорит игумен Никон: «...Непрестанно молятся за нас [Антоний и Феодосии — *Авт.*], и неотступно хранят эту церковь, и заботятся о своем монастыре, и пекутся о живущих в нем»¹²⁷.

Молитва, по мнению подвижников, является источником «благодати». Благодать, часто упоминаемая в Патерике (Сл. 1, 2, 3, 11, 14, 16, 24, 25, 26, 28, 34, 35, 36), а также в Библейских текстах, может быть названа нами силой, которую получает молящийся, ведь молитва применялась не только для духовного исцеления, но и для физического. Лаврентий, который захотел уйти в затвор, «ушел к святому Димитрию, в монастырь Изяславов... И за твердое житие его даровал ему у Господь благодать исцеления»¹²⁸. Преподобный Феодосий спасает Исакия Пещерника и от «козней дьявола», и от физической смерти. Этот Исакий «в течение двух лет не брал... в рот ни хлеба ни воды, ни овощей и никакой пищи не ел, ничего не говорил и лежал нем и глух два года»¹²⁹. Феодосий творил над ним молитву день и ночь, и лишь на третий год Исакий выздоравливает, начинает есть, двигаться. Каким же образом он мог жить, не употребляя никакой пищи столь длительное время, где он мог брать энергию для поддержания жизни?

Но если Феодосий торил над ним молитву день и ночь или, другими словами, притягивал к нему целительные энергии, то все становится на свои места. Эти энергии не были настолько мощными, чтобы сразу поставить на ноги Исакия, но они были достаточны для поддержания жизни и постепенного выздоровления.

Никон Сухой, попав в плен, в течение трех лет претерпевал множество мучений. «И за все это благодарил он Бога и молился беспрестанно»¹³⁰, что придавало сил выжить и даже помогать другим. Однажды пленники разболелись от голода и нужды, а Никон будучи «в узах, молитвою всех исцелил, и бежали они, став невидимыми»¹³¹. Никон спасает от смерти и своего жестокого пленителя-половчанина: «Однажды, когда тот половчанин стал умирать, велел он женам своим и детям распять над его могилой Никона. Тогда блаженный помолился и исцелил его...»¹³²

Очень интересно представлен в патерике Агапит Целитель, «бескорыстный врач», который, как и преподобный Антоний, «скрывая свою святость, исцелял больных пищей своей, а они думали, что получают от него врачебное зелье и выздоравливали его молитвою»¹³³. Это поведение очень характерно для человека, лишённого гордости и тщеславия, и говорит о его духовной чистоте. Ухаживая за больными, служа им, он постоянно молил Бога о спасении. «Если же продолжался недуг болящего, что бывало по изволению Бога, дабы умножить веру и молитву раба Его, блаженный Агапит оставался неотступно при больном, моля за него Бога непрестанно, пока Господь не возвращал здоровья болящему ради молитвы его»¹³⁴.

Молитва лишь тогда полноценна и приносит свои благие следствия, если молящийся верит в ее силу: «Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов... и если кто смертоносное выпьет, не повредит им; возложат руки на больных и они будут здоровы»¹³⁵.

Агапит и есть тот уверовавший: он выпивает яд, подосланный иноверцем армянином, и остается невредим. На вопрос армянина, чем лечит Агапит свой недуг, он отвечает: «Каким Господь подаст здоровье»¹³⁶. Эти слова показывают, что целитель глубоко понимал сущность молитвы, ее истинную ценность. К тому же он знал, что целительные силы исходят из Высшего источника, а сам он является только посредником: «...Избавил тебя Господь от смерти, а я ничего бы не смог сделать»¹³⁷.

В рассказе о многострадальном Пимене также показана сила молитвы. Пимен родился больным, и родители приносят его в монастырь, желая исцеления. «И много потрудились те преподобные отцы, но ничто не приносило пользы ему, ибо его молитва превозмогала все другие, а он просил себе не здоровья, а усиления болезни»¹³⁸, — ради того, чтобы остаться в монастыре. Показана сила молитвы Пимена, превосходящая молитву святых отцов. Исполняется и другая его молитва — о пострижении в иноки.

Подобно Агапиту, Пимен также считает, что исцеляет не он сам, но Тот, к кому он обращается. Это можно представить так: на молитву, то есть на зов подвижника, приходит ответ в виде целительных энергий, поступающих затем к больному. Молящийся является не источником энергии, а проводником, или посредником. Больному не обязательно было находиться в непосредственной близости к целителю: как показано в рассказе об Агапите, исцеление заболевшего князя Владимира Мономаха произошло на расстоянии, так как Агапит отказался ехать из монастыря в Чернигов. Он лишь, уступая просьбам, передал через посланника свое зелье и «возвратил здоровье с помощью Божьей»¹³⁹. Этим показана возможность воздействовать на окружающих на некотором расстоянии, ведь для энергии не существует преград. И хотя врач отрицает и умаляет свою значимость в этом процессе, личные качества «проводника» имеют очень большое значение.

Необыкновенная сила молитвы показана в эпизоде спасения Шимона, сына Варяжского князя. Увидев в небе великую церковь и вспомнив некогда услышанные слова молитвы, он просит о спасении: «"Господи! избавь меня от горькой этой смерти молитвами Пречистой Твоей Матери и преподобных отцов Антония и Феодосия!" И тут вдруг некая сила исторгла его из среды мертвецов, он тотчас исцелился от ран и всех своих нашел целыми и здоровыми»¹⁴⁰. Молитва Никиты, «который превзошел всех в добродетели», также обладает необъяснимой силой: «много чудес сотворил он: однажды во время бездождия, помолившись Богу, дождь с неба свел, потом пожар в городе загасил»¹⁴¹.

В Патерике есть эпизоды, где молящийся просит совета или указания. Так, перед строительством Печерской церкви преподобный Антоний сказал: «Три дня будем молиться, и Господь обозначит нам»¹⁴². В своей молитве Антоний просит Бога послать знак на то место, где нужно строить церковь, и такие знаки были посланы три раза: сухое место среди росы, роса, а затем упавший с неба огонь.

Другой эпизод. После смерти архимандрита Печерского Поликарпа в монастыре долго не могли избрать себе игумена. И тогда «вся братия собралась в церкви и стали молиться Святой Богородице»¹⁴³. И в ответ на молитву всем пришлось на ум имя Василия-попа. Такое совпадение могло означать только одно: Василий избран Богом на место игумена.

В большинстве случаев подвижники обращаются с молитвой к Богу непосредственно, но в Патерике показано несколько примеров своеобразного посредничества, имеющего иерархическую основу. В «Похвале преподобному отцу нашему Феодосию» автор обращается к преподобному: «...Помолись за нас общему Владыке, чтобы подал Он нам слово, мысль и деяние на свершение всех заповедей Его. (...)...Припадаем мы к тебе, с мольбой взывая: простри руки свои с молитвой к Владычице Деве и Пречистой Богородице,

да вспомнит Она милости Свои прежние об обители сей, которые Она даровала ей, и освободит нас от печали горькой, и отгонит врагов лукавых и хулителей нашей православной веры, и сделает неодолимой церковь Свою святую...»¹⁴⁴. С просьбами о молитвах обращались простые подвижники к своим духовным водителям, которые находились на более высокой иерархической ступени.

В Слове «Благослови, отче» Симон просит преподобного отца Феодосия: «Как о своих черноризцах, так и обо мне, грешном, помолись, и о сыне моем Георгии, и до последних рода моего»¹⁴⁵. Симон считал, что Феодосии имеет дар — благодать от Господа, что он приближен к Богу и его молитвы имеют особую силу. Симону мало простого обещания, он просит «грамотку» и получает текст молитвы: «Во Имя Отца и Сына и Святого Духа». Считается, что это событие положило начало обычаю вкладывать такое письмо в руку умершему, «прежде же никто не делал этого на Руси»¹⁴⁶.

В грамотке, выданной Симону, была сделана приписка: «Помяни меня, Господи, когда придешь во Царствие Твое, чтобы воздать каждому по делам его, тогда, Владыка, и рабов Своих, Симона и Георгия, сподоби справа от Тебя стать, в славе Твоей...»¹⁴⁷. Быть справа от Господа — значит быть спасенным во время последнего Страшного Суда. Сравним начальные строки этой приписки со словами разбойника, распятого рядом с Христом: «Помяни меня, Господи, когда приидеши в Царствие Твое»¹⁴⁸. Симон считает такую молитву самодостаточной для спасения себя и своего сына, надеясь попасть в число прощенных при последнем разделении человечества на грешников и праведников.

В Евангелии рассказывается, как одна женщина обратилась к Иисусу: «Скажи, чтобы сии два сына мои сели у Тебя один по правую сторону, а другой по левую в Царстве Твоем»¹⁴⁹, на что получила ответ: «Дать сесть у Меня по правую сторону и по левую — не от Меня зависит, но кому уготова-

но»¹⁵⁰. Другими словами, существует Закон, который невозможно произвольно изменять или нарушать кому бы то ни было. Таким образом, просьба Симона будет исполнена лишь в том случае, если он и его сын будут достойны этого.

Слове «Благослови, отче» показано, что с помощью молитвы можно получить прощение грехов для себя и для других, что входит в некоторое противоречие с евангельским положением о причинах и следствиях («что человек посеет, то и пожнет»¹⁵¹).

Анализируя рассказы, мы видим, что молитва — это важнейшая часть монастырской жизни. Даже сам монастырь отмечается по значимости выше других, так как поставлен «слезами и пощением, молитвою и бдением»¹⁵²: Антоний, находящийся у истоков монастырского жития, копал себе пещеру, «пребывая в бдении и молитвах»¹⁵³, Феодосии, принявши игуменство, ввел в монастыре «воздержание строгое, пощение и молитвы со слезами»¹⁵⁴. Молитва — одна из незыблемых основ, на которой держится духовная жизнь верующего человека, без нее невозможно представить монастырское житие.

IV. ИСПЫТАНИЯ

Все монахи, вступившие на путь преодоления своих несовершенств и достигшие определенных результатов, через какое-то время сталкивались с испытаниями, или искушениями, которые являлись своеобразной проверкой на истинность и устойчивость достигнутых качеств. Необходимость и важность подобных искушений полностью осознавалась подвижниками: «Если к самому Господу искушитель не постыдился приступить в пустыне, то насколько же больше искушений приносит он человеку!»¹⁵⁵. Таким образом, испытания считались неизбежными для последователей Христа и являлись показателем того, что подвижник идет правильным путем: если нет испытаний, то нет и достижений.

В Патерике показаны следующие виды испытаний: так называемое «страхование», то есть испытание страхом; испытание на оставленность Богом; испытание на духовное распознавание.

Преподобный Иоанн, удалившийся в пещеру, рассказывал другому монаху о своих «страхованиях»: «...Враг-дьявол страхи разные наводил на меня, чтобы выгнать меня из пещеры, и ощутил я его злодейство... И вот увидел я змея, страшного и свирепого, который хотел всего меня пожрать, дыша пламенем и обжигая меня искрами»¹⁵⁶.

Преподобный Исакий Пещерник также подвергался страхам: «Приходили они [бесы. — *Авт.*] к нему, пугая его видением, как будто пришло много народа с мотыгами и кирками, говоря: "Раскопаем пещеру эту и засыпем его здесь"; иные же говорили: "Выходи, Исакий: хотят тебя засыпать". (...) Иногда же стращали его то в образе медведя, то лютого зверя, то льва, то вползали к нему змеями, или жабами, и мышами, и всякими гадами..."¹⁵⁷.

Много раз преподобный Феодосий, находясь в своей

пещере, подвергался нападкам злых духов: однажды «раздался в пещере громкий вопль множества бесов, как будто одни ездили на колеснице, другие били в тимпаны, иные сопели в сопелки и производили вместе такой шум, что и пещера тряслась»¹⁵⁸. Но этот шум не испугал Феодосия, хотя подобное «представление» повторялось несколько раз. В одну ночь перед ним появился черный пес, мешая класть поклоны. «Тогда страх и трепет объял меня в такой степени, что я бы захотел бежать с того места, если б Господь не помог мне»¹⁵⁹.

В Патерике мы не находим прямых объяснений в необходимости этих «страхований», но в Откровении Иоанна Богослова есть такие слова: «... Боязливых же и неверных... участь в озере, горящем огнем и серою»¹⁶⁰. Таким образом, боязливость — это смертный грех, который будет препятствовать человеку попасть после Страшного Суда в Новый Иерусалим и помешает избежать «второй», окончательной смерти; боязливые не будут записаны в Книге Жизни. Если же немного поразмышлять о вредности страха, то можно увидеть различные его последствия: это парализованная воля, ненадежность, нестойкость, — все те качества, могущие довести до предательства.

Менее всего в Патерике уделено внимание испытанию, условно названному «оставленностью Богом». Показано оно лишь в одном рассказе — «О многотерпеливом Иоанне Завторнике». Когда Иоанн находился, как он считал, на грани между жизнью и смертью, в пасти огнедышащего змея, он «возопил» из глубины своего сердца: «Господи Боже, Спаситель мой! Зачем Ты меня оставил! Сжался надо мной, Владыко, так как Ты единый человеколюбец»¹⁶¹. И еще: «Господи! Зачем же оставил ты меня в такой злой муке?»¹⁶². Сравним это со словами Иисуса Христа, сказанными Им на распятии: «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты меня оставил?»¹⁶³ Иисус и Иоанн произносят эти слова в конце всех испытаний, когда напряжение их сил доходит до наивысшей точки и когда

они почувствовали себя как бы оставленными Богом без помощи, наедине со своими страданиями.

Помощь Иоанну пришла в самый последний момент, когда он был на краю гибели, в пасти змея. После избавления от смерти затворник получает ответ о смысле всех испытаний: «По мере силы терпения твоего Я навел на тебя искушение, чтобы ты очистился чрез него, как золото в огне. Господь не посылает человеку испытания выше силы, чтобы он не изнемог; но, как хозяин, рабам крепким и сильным тяжкие и большие дела поручает, немощным же и слабым определяет малые и легкие»¹⁶⁴. Таким образом, при испытаниях, выпадающих на долю подвижника, происходит выявление — насколько человек силен или слаб, на что он способен, когда остается наедине, без видимой помощи. И при всем этом указывается, что испытания даются человеку не для того, чтобы сокрушить его; они по силам каждому, их возможно пройти с успехом, убедившись в своей духовной крепости.

Другой вид испытаний можно назвать проверкой на распознавание, или на наличие духовного зрения. Необходимость такого качества указана в Евангелии: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные»¹⁶⁵, «ибо многие придут под именем Моим и будут говорить: "Я Христос", и многих прельстят»¹⁶⁶.

Преподобный Исакий Пещерник, живя в затворе в очень тяжелых условиях, которые он сам себе создал, вдруг подвергается следующему испытанию: «...Внезапно засиял свет в пещере, как от солнца, такой, что мог ослепить человека. И подошли к нему двое юношей прекрасных с лицами блистающими, как солнце»¹⁶⁷. Необычайно яркое сияние, которое исходило от них, убедило подвижника в том, что это ангелы, и он, «не поняв бесовского наваждения и забыв перекреститься, вышел из келий и поклонился, как Христу, бесовскому действию»¹⁶⁸. Указаны две важных причины пора-

жения затворника: он не распознал, кто в действительности перед ним находится, и к тому же не использовал свое средство защиты — не вспомнил о Боге, не перекрестился. В результате этого «бесовского действия» Исакий около трех лет находился в беспомощном состоянии.

Возможно, такой плачевный результат был получен из-за того, что затворник, не соизмерив свои силы и возложив на себя тягость сверх меры (голод, тесная пещера, отсутствие света и свежего воздуха), изнемогает и становится психически и физически истощенным. Но после своего выздоровления затворник сам указывает причину своего поражения: «Если вы и прельстили меня в первый раз, потому что не ведал я козней ваших и лукавства»¹⁶⁹.

Другой затворник, преподобный Никита, уходя в затвор, получает предупреждение от игумена Никона о возможном прельщении бесами, как было с Исакием Пещерником. Но, считая себя более сильным («Никогда не прельщусь я, как он»¹⁷⁰), он не поддается уговорам и затворяется в пещере. Всего лишь через несколько дней происходит «прельщение дьяволом». Для Никиты было достаточно услышать благоухание и голос молящегося, чтобы решить, что это ангел. Других доказательств для него не требовалось, так как он весь был в ожидании каких-то необыкновенных явлений и наград за свои подвиги. Таким образом, Никита не проходит испытания на распознавание и предает себя в руки искушителя со словами: «...Все же, что ты повелишь мне, я исполню»¹⁷¹, тем самым становится «одержимым» бесом. Данным сюжетом автор показывает, к чему приводит отсутствие духовного зрения. Даже эти немногочисленные примеры говорят, как важно работать над приобретением и утончением такого духовного качества, как распознавание.

В «Слове о святых преподобных отцах Феодоре и Василии» показана классическая последовательность всех со-

бытий, сопровождающих испытание. Блаженный Феодор поставил цель стать учеником Господа, используя уже знакомое нам средство, — оставив все мирское, раздав богатство, уединившись в пещере в строгом воздержании. Если человек решает избавиться от недостатков или приобрести какое-либо качество и решение это принимается в полном осознании, то, словно по магнитному притяжению, через некоторое время происходит проверка, — насколько человек действительно тверд в своем решении и насколько он сумел укрепить свое духовное качество. Этого испытания никто специально не устраивает, его проводит сама жизнь. Вначале оно не выражается в каких-то глобальных событиях. В данном рассказе — это мысли сожаления, нахлынувшие на блаженного Феодора: «...По вражьему наваждению, стал он тужить и сильно печалиться о богатстве, которое роздал нищим: приходило ему на мысль, что если он долго проживет и изнеможет телом, то не сможет довольствоваться монастырской пищей. В такое искушение его враг вводил...»¹⁷². Эти мысли, которые пришли как бы извне, по «вражьему наваждению», казалось, не были свойственны пещернику, но так как они погрузили его в тяжелые раздумья и сомнения по поводу совершенного им действия, то отказ от сребролюбия не произошел полностью: «И многие дни проводил он в таких мыслях, помраченный врагом из-за своей бедности, и открыто высказывал скорбь свою перед друзьями»¹⁷³.

Первая стадия испытания заканчивается вмешательством брата Василия, который нашел нужные слова для избавления от отчаянья. Но так как испытание не было пройдено самостоятельно (из-за посторонней помощи), то оно происходит повторно: «...И вот опять вооружается супостат и иную кознь придумывает ему на погибель»¹⁷⁴. Это испытание имеет более решающее значение, чем первое: кроме мысленных внушений, происходят явления беса во сне и на-

яву в образе человека, которому Феодор доверял. «Враг» принимает облик Василия и вступает с ним в беседу. Происходит такое же нераспознавание, как и в истории вышеупомянутого Никиты, и такое же предание себя во власть беса: «И теперь, если ты велишь мне что-нибудь, я с радостью исполню, не ослушаюсь тебя...»¹⁷⁵. Борьбы почти не происходит, Феодор во всем слушается беса, лишь однажды проявляет слабую попытку сопротивления на предложение покинуть монастырь: «Не стыдно ли мне будет, что я, оставив мир и все, что в нем, и, обещавшись Богу здесь жизнь свою кончить, в пещере этой, сделаюсь беглецом и мирским жителем?»¹⁷⁶. Появление Василия опять спасает Феодора. Но главное — «уразумел Феодор, что то была лесть дьявола»¹⁷⁷, что и явилось основной причиной избавления от «бесовских козней».

Казалось бы, что произошло такого, что заставило «врага» отступить, не появляться более перед пещерником как в чужом облике, так и в виде отемняющих мыслей? Главное — это осознание, или распознавание; ведь как известно, осознанное перестает безраздельно властвовать над человеком. За этим следует восстание духом на «темного искушителя» — на недостойные мысли и чувства. Если мишенью для нападения является духовная сторона жизни, то и отражение должно быть не физическим, а духовным.

Подвижники считали, что испытания, даже если они очень тяжелые, но успешно пройдены, являются показателем духовного восхождения и очищения от несовершенных качеств: «...Как золото, прошедшее через огонь, — кажется человеку светлым, так и сам человек, искушенный напастьми врага, преданного вечному огню, воссияет перед Богом добрыми делами своими, как солнце»¹⁷⁸. Таким образом, испытания являлись неизбежной частью подвижничества, их относили к божественному происхождению и считали признаком заботы Бога.

V. БИПОЛЯРНОСТЬ ЖИЗНЕННЫХ ЯВЛЕНИЙ

Достигнув определенной ступени духовного совершенства, подвижник смотрел на мир уже совершенно другими глазами. Каждому явлению жизни он находил свое логическое объяснение, которое черпал из основ христианского Учения и из приобретенного опыта. Особенно это касается темы, которую можно условно назвать биполярностью явлений человеческой жизни.

Жизнь и смерть, свет и тьма, добро и зло, а также множество других бинеров, — откуда и как они появились, чем обусловлена их неразрывная взаимосвязь? На эти, а также на множество других подобных вопросов и пытались ответить подвижники. Помогало им в этом, конечно же, Священное Писание. Так, в Нагорной проповеди Христа мы читаем: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся... Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся»¹⁷⁹.

В Патерике практически во всех рассказах мы встречаем пары противоположностей; именно на противопоставлениях основаны многие сюжеты. Так, многострадальный Пимен, сознательно и терпеливо перенося болезнь, говорит: «...Здесь, на земле, и скорбь, и горе, и недуг на малое время, а там радость и веселие, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания, но жизнь бесконечная. Ради того-то, брат, я и терплю все»¹⁸⁰.

В Слове «О Прохоре черноризце» показано, как противоположности сменяют друг друга: «Господь, видя терпение его и великое воздержание, превратил ему горечь ту в сладость, и была ему радость после печали, по сказанному: "Вечером водворяется плач, а наутро радость"»¹⁸¹. Сравним с Евангелием от Иоанна: «Вы печальны будете, но печаль ваша в радость будет... вы теперь имеете печаль; но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше»¹⁸². То есть человек, на до-

лю которого выпало много страданий, обязательно получит компенсацию, или утешение.

Становится понятным, почему инок, вступивший на тернистый путь подвижничества, сознательно создавал себе трудности: их преодолением он как бы обеспечивал радость в будущей жизни, обращая физические лишения в духовные приобретения. Он прекрасно понимал значение противоположностей и знал о существовании невидимой связи между ними.

Приведем еще один пример — из Слова «О преподобном Марке пещернике». Преподобный Феофил, многие годы проплакавший в своей пещере и собравший свои слезы в сосуд, молит Господа: «Утешитель благой, больным здравие, грешникам спасение, изнемогающим укрепителю, падающим восстание! Молю Тебя, Господи... излей неисчерпаемую пучину милосердия Твоего»¹⁸³. И как бы в ответ на молитву появляется ангел с большим сосудом — это благоуханные слезы, пролитые «от сердца», которые противопоставлялись горьким слезам ожидания смерти. Ангел напоминает Феофилу: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся»¹⁸⁴, обещая тем самым будущую радость после печали.

Причина и следствие

К явлению противоположностей можно отнести закон причины и следствия, нашедший отражение в Патерике, основными бинарными парами которого являются: плата — получение, преступление — наказание. Этот закон говорит, что ничего не происходит без причины, всякий поступок влечет за собой следствие. В «Слове о святых преподобных отцах Феодоре и Василии» на жизненных примерах показано действие этого закона: разгневанный князь Мстислав, «захмелев от вина, и разъярившись, взял... стрелу и вонзил ее в Василия. И когда он проткнул его, Василий вытащил стрелу из тела своего, и бросил ее князю, и сказал: "Этой стрелой сам убит бу-

дешь".

Как и сбылось по предсказанию его»¹⁸⁵. Сравним это с текстом Откровения Иоанна Богослова: «Кто ведет в плен, тот сам пойдет в плен, кто мечом убивает, тому самому надлежит быть убиту мечом»¹⁸⁶, а также с Евангельским текстом: «Все, взявшие меч, мечом погибнут»¹⁸⁷.

Подобная ситуация показана в рассказе о Григории Чудотворце, где князь Ростислав, утопив старца, погибает той же смертью — тонет в реке со своим воинством: «Каким, — сказано, — судом судите, таким будете судимы, и какою мерою мерите, такую будут мерить и вам»¹⁸⁸. Ростиславу противопоставляется Владимир Мономах, который, видимо, присутствовал при казни старца или, в крайнем случае, знал о ней. Он пошел за благословением в монастырь и затем благополучно, «по молитвам и благословению святых, переехал реку»¹⁸⁹. Раскаяние Владимира как бы являлось смягчающим обстоятельством, в отличие от Ростислава, не почувствовавшего вины в своем грехе.

Еще один пример преступления и наказания мы видим в Слове «О блаженном Евстратии-постнике» — мученике, который погибает от рук иноверца: «...У того иудея, который замучил блаженного, отняли имение и самого повесили. "Обратилась злоба его на главу его, и на его темя злодейство его пало"»¹⁹⁰. Единственное отличие от предыдущих примеров — в форме наказания, но по содержанию — полная аналогия.

Наибольший интерес в этом аспекте представляет Слово «О преподобном и многострадальном отце Пимене», в котором причинно-следственная связь раскрывается наиболее полно и даже вступает в спор с внешней, обрядовой стороной христианства. Пимену сообщают, что умирает монах, который пренебрежительно с ним обошелся, и на это Пимен отвечает: «Что человек посеет, то и пожнет: так как он оставил меня голодным и жаждущим, то и сам получил это, солгав Богу и мою немощь презрев»¹⁹¹. Из следующих слов Пимена мы ви-

дим, насколько он осознанно воспринимал закон причины и следствия: отказываясь от исцеления и принимая страдания, он тем самым платил за свое будущее спасение, мудро рассудив, что за платой последует получение: «Лучше мне всему изгнись в этой жизни, чтобы там плоть моя была нетленной и смрадный дух обратился бы там в благоухание неизреченное»¹⁹².

Самым многозначительным эпизодом в этом Слове является «открытие пречудной тайны»: преподобный Пимен рассказывает братьям о трех монахах, захороненных в пещере. Первый был без пострижения, но «жил достойно этого образа, и потому даровал ему Господь схиму: ибо творящему добрые дела — воздается, от того же, кто не творит их, но мнит себя добродетельным, — отыметсЯ: творящему добро — всегда воздается»¹⁹³. Другой был положен в схиме, но она у него отнята, так как при жизни он не показал достойных дел, а пострижение принял лишь перед смертью. Схима третьего брата, давно положенного в пещере, «нетленна и хранится ему на обличение и на осуждение, потому что дела его были недостойны монашеского образа — жизнь свою проводил он в лености и грехах, не ведая сказанного: "Кому много дается, с того много и спросится"»¹⁹⁴. В этом эпизоде показано, что пострижение в монашеский образ и захоронение в святом месте не может спасти от последствий недостойной жизни, имеет значение лишь то, как жил человек, какие творил дела. Обряд, ритуал как бы уходят на второй план, уступая место внутренним основам подвижничества.

«Что вы свяжете на земле, то будет связано на небе, и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе»¹⁹⁵, — утверждает в Евангелии от Матфея, — то есть человек в своей земной жизни является породителем причин, а в будущей, «посмертной», пожинает следствия. «И много дивились неизреченному суду Божию, и говорили: "Ты, Господи, воздаешь каждому по делам его"»¹⁹⁶, — читаем в заключительных словах рассказа.

Исходя из этого, понятие богоизбранности приобретает другой смысл. Богоизбранным является не тот, на кого укажет «перст Божий» или кому удастся быть захороненным в святом месте, а кто своими трудами, своим образом жизни докажет право быть избранным, о чем и говорит закон причины и следствия.

Свет и тьма

Эта пара противоположностей является одной из основных в христианском Учении. Обратимся к «Деяниям святых апостолов», где Иисус посылает Савла к язычникам, «чтобы они обратились от тьмы к свету и от власти сатаны к Богу»¹⁹⁷. Тьма и сатана, объединенные по сути, противопоставляются свету и Богу, которые так же неразделимы: «Я свет миру»¹⁹⁸. Из этого следует, что для выбора существует только два пути, третьего просто не существует. Избравшие путь света — те, кто имеет веру в Бога; свет, к которому они стремятся, становится их сущностью: «Кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни»¹⁹⁹. Человек, не стремящийся к Богу, находится во тьме — не знает куда идет, т.е. потерял свой жизненный ориентир. Но свет — это не просто вера, а дела человека: исполнение всех христианских Заветов, отказ от лжи, зла и ненависти: «...Всякий, делающий злое... не идет к свету... а поступающий по правде идет к свету...»²⁰⁰.

В Патерике показано, что свет является символом Божественного мира, Небесной Иерархии, а также духовной чистоты, присущей святым подвижникам. Тьмой же называется все, что удалено от Божественного мира — начиная от людей, не примкнувших к христианской вере, до прямых врагов света — бесов и «князя мира сего». Из тьмы неверия, как указано в Патерике, люди смогли обратиться к свету веры через князя Владимира, посланного Богом на спасение всех пребывающих «во тьме и в глубокой тени»²⁰¹. Весь мир — видимый и невиди-

мый — делится подвижниками на Свет и тьму. И какой путь выбрать — решает сам человек, но «нет того злее, чем от... света отречься, и возлюбить тьму»²⁰².

Епископ Владимирский Симон в своем послании упрекает Поликарпа во властолюбии, гордыне и помыслах о земном: «От света отступил ты и во тьму впал; блаженство отверг и муку вечную себе уготовил...»²⁰³. Свет в понимании подвижника являлся основой будущей небесной жизни, ожидающей всякого, кто устремлен к Высшему миру. «...Отойдешь к Господу, и увидишь там свет нескончаемый и славу неизреченную»²⁰⁴, — говорит преподобный Феофил ослепшему иноку.

В Слове «О многотерпеливом Иоанне Затворнике» мы видим, как понятие «свет» из духовного и символического превращается в видимую реальность: «И пришел на меня свет неизреченный, в котором и ныне пребываю, и не имею нужды в свече ни ночью, ни днем; да и все достойные, приходя ко мне, наслаждаются этим светом и ясно видят утешение его, осветившего мне ночь, ради надежды на свет будущий»²⁰⁵. В Откровении Иоанна Богослова примерно теми же словами описывается Новый Иерусалим: «И ночи не будет там, и не будут иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном, ибо Господь Бог освещает их...»²⁰⁶.

Подобная трансформация света духовного в свет физический не единственная в Патерике. В Слове «Об Иоанне и Сергии» рассказывается, как однажды в церкви засиял свет, ярче солнечного, на иконе Богородицы. Приняв это как особый знак, Иоанн и Сергей вступают в монастырское братство. Свет от этой иконы видит также иконописец Алимпий: «И вот опять свет, ярче солнечного, озарил всех, ослепляя глаза человеческие»²⁰⁷.

В Евангелии от Матфея указано, что ученики Христа были свидетелями, как лицо Учителя сияло, «как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет»²⁰⁸. В «Деяниях свя-

тых апостолов» рассказывается о том, как Петру явился Ангел, осветивший своим светом темницу, в которой тот находился, а Иисус, представший перед Савлом, излучал такое сияние, что Савл «от славы света того лишился зрения»²⁰⁹.

Световые явления были для монастырской братии одним из свидетельств божественного присутствия. Так, при перенесении мощей преподобного Феодосия многие «видели яркое сияние над пещерой, а когда подъехали к пещере и не стало ничего видно, то догадались, что то был ангельский свет»²¹⁰. В Житии Феодосия рассказывается, как являлся огненный столп от земли до неба, иногда облако или радуга сходили с верха старой церкви на то место, где должна быть построена новая церковь.

Но оказывается, что коварная «тьма», бесы, могут обмануть, притворяясь ангелами. Так был обманут Феодор: «И вот увидел он во сне беса, как ангела светлого и прекрасного, показывающего ему сокровище в пещере, — и много раз виделось это Феодору»²¹¹. Исакий, затворившийся в пещере, был обманут таким же образом: внезапно засиял свет в его пещере, как от солнца, такой, что мог ослепить человека. И подошли к нему двое юношей с лицами блистающими, как солнце, и сказали ему: «Исакий, мы — ангелы, а вот идет к тебе Христос с ангелами»²¹². Исакий увидел толпу бесов, и лица их были ярче солнца, а один среди них светился ярче всех — от лица его исходили лучи. Затворник, увидев такое сияние, был убежден в его божественном происхождении. Этот рассказ дает нам ясно понять, что свет «проявленный», то есть видимый для окружающих, не всегда является обязательным выразителем Света высшего мира.

Смерть и бессмертие

Одним из основных дуалистических противопоставлений христианства, нашедших отражение в Патерике, являются смертное (временное) тело и бессмертный (безвременный)

дух, находящиеся в состоянии постоянной борьбы, а также жизнь земная и жизнь небесная.

Подвижники, не дорожившие своим телом и не боявшиеся телесных страданий, безусловно верили в бессмертие духа, заключенного в тесные узы временного тела. Можно даже сказать, что их вера была равна знанию. Чтобы наиболее полно понять, какие представления о бессмертии были у монахов, обратимся к Евангелию. «Если же хочешь войти в жизнь вечную, соблюди заповеди»²¹³; «Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им право на древо жизни»²¹⁴. В Откровении Иоанна Богослова показано, как после страшного суда произойдет разделение народов; лишь спасенные смогут войти в Новый Святой Иерусалим: «И не войдет в него ничто нечистое, и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге Жизни»²¹⁵. Таким образом, бессмертие ожидало только тех, кто жил по Священному Писанию и соблюдал заповеди, стремился к духовной чистоте и желал быть спасенным: «Жаждающий пусть приходит, и жаляющий пусть берет воду жизни даром»²¹⁶.

Попытаемся сравнить двух людей, один из которых не достоин обрести вечную жизнь, а другой достоин. Первый, не исполняющий христианских заповедей, не способен (или не желает) забыть о себе, а живет жизнью, наполненной только личными интересами и проблемами. Его сознание погружено во все временное и смертное, оно занято интересами физического тела, то есть заключено в узкий круг личного, преходящего. Такой человек, стремящийся сладко есть и пить, жить беспечной и легкой жизнью, удовлетворяя все физические запросы, вдруг умирает, а значит теряет тело — главную цель своих устремлений. Следовательно, не остается ничего, к чему бы мог стремиться дух человека, и такое состояние можно назвать духовной смертью.

Такому человеку можно противопоставить другого, на-

пример, Николу Святошу, который, «уразумев обманчивость этой суетной жизни, и что все, что здесь, протекает и проходит мимо, будущие же блага непреходящи и вечны, и бесконечно Царство Небесное... оставил княжение, и честь, и славу, и власть...»²¹⁷. Из этих слов видно, что устремления Святоши выходили далеко за пределы смертного тела, а сознание не было ограничено своими личными потребностями. Соответственно, смерть тела являлась для него лишь освобождением духа, устремленного в Высший Мир. Такого человека (и ему подобных) причисляли к обретшим вечную жизнь.

В Патерике очень редко встречаются слова «умер» или «смерть», чаще они заменены другими, наиболее точно показывающими отношение подвижников к этому явлению: исход; богоугодная кончина; отошел к Господу; преставился на вечный покой; предал дух свой в руки Божий; почил о Господе. «...Преставился в жизнь вечную учитель наш, наставник и пастырь»²¹⁸. «Блаженный же князь Святоша жил после того тридцать лет, не выходя из монастыря до самого преставления в вечную жизнь»²¹⁹. «Хотя и умер он, но вселился в обители пребывающих в жизни вечной и там жив»²²⁰.

Обозначено в Патерике и особое отношение к смерти, которое отличается от общепринятого: «Радости и веселия наполнен день, когда муж праведный и преподобный оканчивает свой жизненный путь, когда успокоение трудам своим видит, когда, печаль оставив, к радости стремится, когда, землю оставив и земное все, на небеса идет, когда людей оставляет, и с ангелами водворяется, и Бога зреть сподобляется»²²¹.

Здесь можно выделить еще один важный момент: смерть являлась для подвижников своеобразной дверью, открывающую новые возможности и качественно другую, лучшую жизнь, являющуюся продолжением в бесконечность и зависящую от устремлений, заложенных в земной жизни; она виделась не конечным пунктом, а границей, разделяющей пары противоположностей: *труды — покой; печаль*

— *радость; земля — небо; люди — Бог, ангелы.*

В Слове «О преподобном Марке Пещернике» ярко показаны два различных отношения к смерти. Преподобный Марк воспринимает ее как должное и неизбежное, как избавление от «маловременного» света: «Смерти не желай: придет, хотя бы ты и не хотел»²²². В отличие от него, Феофил, ожидая разлучения с телом, измучил себя духовно и физически. Услышав предсказание о своей близкой кончине, он «стал сильно скорбеть... и думал, что тут и упадет мертвым, не зная, дойдет ли до монастыря. (...) И никто не мог его остановить от горького плача, и никто никогда не мог принудить его принять сладкой пищи»²²³.

Подобное отношение к смерти (страх перед ней, нежелание расстаться с телом и с временной жизнью) показано только в этом рассказе, в остальных же случаях смерть воспринималась как избавление от земных тягот и приближение к Высшему Миру.

VI. СВЯТОСТЬ

Пройдя через многочисленные страдания и испытания, некоторые из подвижников стали постепенно выделяться из общей массы монахов, причем отличие это касалось в основном внутренних, духовных качеств. Внешне же они практически ничем не отличались от простых черноризцев. Ярким примером этого служит история, происшедшая с преподобным Феодосием. Прислужник, везя Феодосия от князя Изяслава в монастырь и «видя его в худой одежде, и не думая, что он игумен»²²⁴, принимает старца за простого черноризца, заставляя править колесницей, а сам ложится спать. «Преподобный, смиренно встав, сел на коня и повез прислужника, разлегшагося в колеснице, радуясь и славя Бога»²²⁵. Простота в одежде и смиренное поведение как бы поставили игумена в один ряд с простыми монахами, хотя по своему духовному уровню он стоял на более высокой ступени.

Лишь только особые внутренние качества, отличающие таких подвижников от большинства обитателей, давали право называть их святыми. «Таковы были монахи Феодосиева монастыря, которые сияют и по смерти, как светила»²²⁶, — говорится в Патерике. О преподобном Феодосии сказано: «...Как солнце, воссиял он на тверди небесной, лучами своими просветив весь мир...»²²⁷; «Как утренняя звезда, на западе появившаяся и с востока воссиявшая, всю Русскую землю просветил...»²²⁸. Подобные сравнения еще раз напоминают нам, что слово «святой» производно от слова «свет». Если взять за основу, что в христианстве свет противопоставляется тьме, то святым могли называть только того, кто полностью очистил себя от «тьмы», от отрицательных качеств. «Святой человек становится в высшей степени чувствительным ко всем противоречиям внутренней жизни, и внутренний раздор и смятение делаются для него невыносимыми. Все стремления его души

должны согласоваться отныне с господствующим религиозным чувством, настраиваясь в один тон с ним. Все чуждое жизни духа оскверняет его и с негодованием отвергается»²²⁹.

Внутренняя гармония и чистота, которой обладали святые, давали им право на получение «даров»: «Здесь, на земле, в возмездие за труды их, дал им [Бог. — *Авт.*] дар чудотворения, а в будущем прославит их неизреченною славою»²³⁰. В Патерике отмечаются следующие необыкновенные способности, полученные подвижниками в награду за праведную жизнь: целительство, пророчество, влияние на людей, власть над бесами, все это обозначалось обычно одним понятием — *чудотворение*. Некоторые из подвижников обладали сразу несколькими такими дарами и их еще при жизни называли чудотворцами. В их число входят преподобные отцы Антоний, Феодосии, Григорий Чудотворец, Прохор Чудотворец (Лебедник), Алимпий Иконописец.

Наиболее распространенное явление, *целительство*, подробно описано в главе «Молитва», так как при лечении больных (а также при изгнании бесов из одержимых, что тоже называлось целительством) чудотворцы использовали силу молитвы. Совершая исцеления, никто из них не считал, что делает это собственной силой, отводя себе скромную роль посредника. Наиболее известными целителями считались преподобный Антоний, Феодосии, блаженный Агапит²³¹, Пимен Многострадальный²³², Алимпий Иконописец²³³, Никола Святоша²³⁴, Лаврентий Затворник²³⁵.

В Патерике часто упоминается *дар пророчества*, или *прозорливости*, которым обладали многие старцы. «...Исполнителями заповедей Божиих явились они, чудотворцами стали, и даром пророчества Бог сподобил их, дар прозрения от Святого Духа восприняли и слова божественного были учителями»²³⁶. Преподобного отца Антония многие знали как «совершенного в рассуждении, и много-

разумного, и пророческим даром обладающего»²³⁷. Предвидя поражение трех Ярославичей на реке Альте, Антоний говорил им: «Многие падут от острия меча, и, когда побежите вы от врагов ваших, будут вас топтать, наносить вам раны, будете тонуть в воде»²³⁸. Он также предсказал спасение варягу Шимону: «Ты же, спасенный там, будешь положен в церкви, которую здесь создадут»²³⁹. Даром прозорливости обладал и преподобный Феодосии. Он указал Марии, жене Яна, место ее будущего захоронения: «Поистине возвещаю тебе — где мое тело положено будет, там и тебя через некоторое время погребут»²⁴⁰. Предуказанное сбылось через восемнадцать лет после смерти старца.

Преподобный Пимен Постник «пророчествовал, и нужных исцелял»²⁴¹. Самым последним его предсказанием было сообщение о гибели черноризца Кукши: «"Брат наш Кукша нынче на рассвете убит". И сказавши это, умер..."»²⁴². Князь Ростислав, сын Всеволода, услышав предсказание Григория Чудотворца о своей близкой смерти, велел утопить старца. А через некоторое время он «по слову святого Григория, утонул со всем своим войском»²⁴³. Моисей Угрин предсказывает своей мучительнице скорое лишение славы, богатства и жестокую смерть. «Так потом и было, как предсказал преподобный»²⁴⁴.

Для прозорливых монахов было характерно знание срока своей собственной кончины: Пимен Постник «предсказал за два года свое отшествие к Господу»²⁴⁵, преподобный Феодосии — за несколько дней, Агапит Целитель — за несколько месяцев: «...Меня Господь известил, что я через три месяца умру»²⁴⁶.

Очень важно отметить, что присутствие даров пророчества и целительства еще не являлось доказательством святости. В этом нет никакого противоречия, так как чудотворение было *одним из следствий* подвижнической жизни, но никак не причиной того, чтобы быть причисленным к лику святых. Мы

видим это на примере армянина-врача из Слова «О святом и блаженном Агапите». Этот армянин был «столь искусный во врачевании, как еще никто не бывал прежде него»²⁴⁷. Он даже обладал в некоторой степени даром прозорливости: знал день и час смерти больного, и никогда не ошибался, чем приводил в отчаянье умирающего. Но такого целителя и прорицателя нельзя было назвать святым, так как, наряду со своими выдающимися способностями, он не обладал духовной чистотой: из зависти к Агапиту армянин пытается отравить его.

Другой пример — Никита, который попал под власть беса и с его помощью «начал пророчествовать; и пошла о нем слава великая, и дивились все, что сбываются предсказания его»²⁴⁸. Но Никита пророчествовал лишь «то, что сам [бес. — *Авт.*] делал или на что подбивал злых людей, — убить ли, украсть ли, — то и возвещал»²⁴⁹.

Самым неопровержимым доказательством чистоты и святости являлись так называемые святые мощи — тело, которое не разлагалось после смерти подвижника. Но следует учесть, что нередко мощами называли любые останки умерших, в том числе и поддавшиеся тлению. Среди множества подвижников, занимавшихся духовным совершенствованием и переносящих многочисленные страдания, нетленность тела обреталась единицами.

Мощи, лежащие в пещерах, почитались, как святые реликвии; они считались чудотворными, обладающими даром исцеления, как и их владельцы при жизни в этом теле. При построении церквей в их основание клали мощи святых мучеников: так, перед началом строительства Богородичной Печерской церкви «мощи святых мучеников положены были подо всеми стенами, и были изображены эти святые над мощами по стенам»²⁵⁰.

В Патерике показано перенесение мощей преподобного Феодосия на территорию церкви и необыкновенные

явления, сопровождающие это действие, что подчеркивало чудотворность мощей. Когда раскопали гроб с телом преподобного Феодосия, то увидели, что «все части тела целы и тление не тронуло их, волосы присохли к голове его, лицо же преподобного светло, очи закрыты и доброгласные уста его сомкнуты»²⁵¹. Такое описание внешности могло соответствовать только что умершему человеку, но на самом деле оно принадлежало подвижнику, скончавшемуся восемнадцать лет назад. Для раскопавших очень важно было и то, что «очи закрыты, уста сомкнуты». Сравним это с описанием только что умершего Евагрия, который назван немилостивым и бесчеловечным: «...Не могли мы ему ни рук расправить, ни рта закрыть, как будто он уже давно умер»²⁵².

Раскопку мощей Феодосия сопровождали необыкновенные световые явления, наблюдаемые различными людьми с разных сторон от пещеры: «...Три столпа, как радуга сияющие, которые, постояв, перешли на верх церкви Пречистой, где потом положен был преподобный Феодосии»²⁵³. Это сияние увидели и в монастыре, и в городе: «Видели яркое сияние над пещерой, а когда подъехали к пещере и не стало ничего видно, то догадались, что то был ангельский свет». Когда же мощи перенесли в церковь, то «свет свечей сиял ярче дневного света»²⁵⁴. Такие световые явления были для окружающих подтверждением того, что Феодосии приближен к Богу, к Высшему миру, то есть действительно является святым.

В рассказах обозначены еще несколько преподобных отцов, чьи тела остались нетленными, «по смерти наградил Он [Бог. — *Авт.*] их даром исцеления и венцами нетленными украсил, и Царства Своего сподобил»²⁵⁵. В их число входят преподобные Антоний и Феодосии, блаженный Варлаам, Матфей Прозорливый, Григорий Чудотворец, Моисей Угрин, Иоанн Многострадальный, Марк Пещерник, Василий и Феодор, Евстратий Постник, Никон Сухой, Афанасий Затворник,

Арефа-черноризец, пресвитер Тит, Нестор Летописец, епископ Владимирский Симон. Преподобный Антоний умер в пещере, в которой прожил около сорока лет, «в ней же лежат честные мощи его»²⁵⁶. В Печерском монастыре некоторое время жил «Леонтий, епископ ростовский, великий святитель, которого Бог прославил нетлением»²⁵⁷. После смерти Григория Чудотворца его тело «положили... в пещере, и многие годы пребывает оно там цело и нетленно»²⁵⁸. Все эти и другие примеры, упомянутые в Патерике, показывают, что нетленные мощи подвижников являлись самым неопровержимым доказательством их благодати, или святости, свидетельством приближения к Богу.

Многие мощи наделялись различными чудотворными качествами, которыми обладали при жизни их владельцы, в частности целительством. Так, в Слове «О святом Афанасии Затворнике» упоминается один из братии, много лет больной ногами, который «обнял тело блаженного и исцелился с того часа, и до самой смерти никогда уже не болели у него ни ноги, ни что другое»²⁵⁹. Другое исцеление произошло с боярином Василием, который упал с лошади и разбился. Он был положен на гробницу святого Феодосия, «и встал Василий цел и здоров всем телом»²⁶⁰. Мощи преподобного Антония творят «чудеса и доньне»²⁶¹. Многострадальный Иоанн, находясь в «борьбе с плотской страстью»²⁶², молился возле гроба святого. От такого же искушения спасается некто из братии при помощи мощей Моисея Угрина: «...Тотчас утихла страсть, омертвели члены его, и с тех пор не было ему искушения»²⁶³.

Если нетленность тела являлась свидетельством святости подвижника, то противоположное явление — быстрое разложение и сопутствующее ему зловоние — наводило всех на мысль о греховном образе жизни человека. Так, в «Сказании Симона, епископа Владимирского и Суздальского, о святых черноризцах Печерских» упоминается безымянный мо-

нах, который «притворялся постником и целомудренником, втайне же ел и пил и жил распутно»²⁶⁴. Внезапно он умер, будучи совершенно здоровым. «И никто не мог приблизиться к его телу из-за смрада, исходящего от него»²⁶⁵. Это и явилось доказательством недостойной жизни умершего. Очень ярко описана реакция окружающих на это явление: «И напал страх на всех, и насилу вытащили его, но отпевания из-за смрада не могли над ним свершить. ...Пошел такой смрад, что и бессловесные твари бегали от той пещеры»²⁶⁶. К тому же зловоние сопровождалось какими-то воплями. Все эти события являлись для монахов подтверждением того, что черноризец — страшный грешник, недостойный быть положенным в пещере рядом со святыми.

Действительно, может ли благоухать человек, который ведет порочный образ жизни, чревоугодничает, потворствует своим слабостям, предается всяческим излишествами? Такой человек и при жизни издает неприятные запахи, а уж после смерти его тело, напичканное материей низкого порядка, начинает быстро разлагаться, со всеми вытекающими отсюда последствиями, вернее — запахами.

Можно предположить, что эмоциональное или психическое состояние человека могут повлиять на его физическую природу. То есть тело человека, имеющего чистые возвышенные мысли и чувства, отличается от имеющего дурные помыслы и эмоции. Это и утверждали древнерусские монахи, опираясь на жизненный опыт, наблюдения и рассуждения о противоположных явлениях жизни, справедливо полагая, что понятия «святой, благоухание, нетление» можно объединить и противопоставить другому объединенному целому — «грешник, зловоние, разложение».

Каким же образом тела подвижников могли сохраняться многие века, не поддаваясь разложению? Конечно, можно предположить, что одной из причин является пита-

ние. Вспомним, как монахи питались, какую пищу и в каком количестве употребляли: исключалась обильная и тяжелая пища, везде упоминается вареная и сырая зелень (овощи), затем хлеб и вода, да и то в самых минимальных количествах. Такое питание, конечно же, не могло не подействовать на физическое состояние тела и на его химический состав. Но само по себе качество питания не в состоянии привести к известному нам результату.

Есть и другая причина, которая заключается не во внешнем, а внутреннем, духовном воздействии. И скорее всего, это не осознавалось подвижниками в полной мере, так как они беспокоились о судьбе духа, но не тела: «Лучше мне всему изгнать в этой жизни, чтобы там плоть моя была нетленной и смрадный дух обратился бы там в благоухание неизреченное»²⁶⁷.

Итак, «внутренней» причиной нетления можно назвать духовное состояние человека, его психическое здоровье. Представим себе два сосуда, в одном из которых долгое время хранили яд, а в другом — целительный бальзам. И когда эти сосуды освобождаются от содержимого, то они, длительное время хранившие свои сокровища, остаются напитанными их сущностью. Яд и бальзам проникают в мельчайшие поры материи до такой степени, что очистить ее практически невозможно. То же самое, скорее всего, происходит и с человеком: его тело — это сосуд, а человеческая сущность — либо яд, либо целительный бальзам, в зависимости от духовных качеств. Когда же жизнь покидает тело, то яд, напитавший его, способствует быстрому разложению, но целительный бальзам делает тело нетленным.

Конечно, скептик может возразить: почему же в наше время мы не встречаем такого явления? Но много ли мы видели в нашей жизни людей, занятых духовным совершенствованием с таким же упорством и постоянством, как

древнерусские подвижники, и освободившихся от своих недостатков до степени целительного бальзама? К тому же позволяет ли достичь нетленности окружающая среда, отравленная всевозможными ядами, которые человеческое тело впитывает, как губка?

Кроме мощей, чудотворными считались памятные вещи, оставленные подвижниками после смерти. О таких вещах есть упоминание в Слове «О преподобном Святоше, князе Черниговском», после смерти которого князь Изяслав «прислал с мольбой к игумену, прося себе на благословение крест от парамана Святоши, подушку и кладку его, на которой он преклонял колена. Игумен дал это князю, сказав: "По вере твоей да будет тебе!"»²⁶⁸. Это говорит о том, что почитание памятных вещей не было простой сентиментальностью. Здесь же показан пример воздействия Святошиной власяницы на князя Изяслава: «И всякий раз, как Изяслав заболел, то облачался он в эту власяницу и так выздоравливал. Во всех битвах надевал он эту власяницу на себя и оставался невредим. Однажды же, согрешивши, не посмел надеть ее и был убит в битве; и завещал он в той власянице похоронить себя»²⁶⁹.

Приведённые примеры дают право говорить о воздействии подвижников на окружающий мир — от собственного тела до окружающих предметов. Приведём еще несколько эпизодов на эту тему, но несколько другого характера. В Слове «О Прохоре черноризце» рассказывается о чудотворце, который молитвою из травы, называемой лебеда, делал хлебы, а из пепла соль. Вначале этот хлеб был горек, но затем «Господь, видя терпение его и великое воздержание, превратил ему горечь ту в сладость»²⁷⁰. Этот хлеб сохранял свою сладость, если блаженный давал его кому-либо с благословением. Но если же его брали тайно, «то оказывался хлеб горек, как полынь»²⁷¹. В Слове подробно описывается эксперимент, который провел игумен Иоанн: игумену приносят два хлеба, один из которых был получен от Прохора, а другой — взят

тайком. Первый был сладок, как мед, а второй — горек; украденный хлеб как бы нес на себе отпечаток злого умысла. Кроме этого чуда, Прохор с помощью молитвы делал из пепла соль и раздавал ее людям. Как и в сюжете с хлебом, злой умысел князя Святополка превращал соль обратно в пепел.

Еще один пример, показывающий влияние человека на окружающий мир, мы находим в «Послании смиренного епископа Симона Владимирского и Суздальского к Поликарпу, черноризцу Печерскому»: «Не делай же ты так, брат, чтобы ныне хвалить сидящих за трапезой, а завтра на повара и на служащего брата роптать,— этим ведь ты старейшему пакость делаешь и окажешься сам нечистоты вкушающим... Ибо дано было увидеть одному старцу, как различалась одна и та же еда: хулящие пищу — ели нечистоты, а хвалящие — мед. Ты же, когда ешь или пьешь, славь Бога, потому что себе же вредит хулящий...»²⁷².

В действительности это было или нет — уже не столь важно, главное то, что в XII веке люди твердо верили: святой своим присутствием преобразовывает мир, делает лучше, краше, а злой человек вносит в него горечь, разрушает.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Иноческое житие, зародившееся в то время, когда ещё были сильны в народе языческие традиции и представления, нашло себе крепкую опору в христианстве, и под её покровительством развивалось и давало обильные плоды. Монашество представляло собой своеобразное братство, скреплённое узами общей идеи. Представители различных социальных слоев были объединены устремлением к Высшему Миру, к слиянию с Богом через самосовершенствование.

Киево-Печерский патерик, в котором запечатлены жизнеописания этих подвижников, является своеобразным изложением поисков путей духовного преображения, а также удач и ошибок, одинаково важных для более поздних последователей. Это теория, имеющая в своей основе христианское Учение, пропущенная через сознание древнерусского человека и примененная на практике в жизни каждого для. Для средневековой Руси жития святых играли роль источника, питавшего их духовно и вдохновлявшего на возвышенные мысли и духовные подвиги. И это влияние было усилено тем, что герои-подвижники и все происходящие с ними события воспринимались действительными, ничего не подвергалось сомнению. Святых почитали, как «первых молитвенников и ходатаев пред Творцом, подобных ангелам, мученическими венцами увенчанных». Жития святых, собранные в Патерике, были букварем христианской этики, помогающим разобраться в евангельских текстах и иллюстрирующим возможность жизненно-го применения этого учения.

Обобщенно представляя образ древнерусского подвижника с его внутренним миром, мы видим, что он, отрекаясь от мирской жизни, тем самым как бы отрекался от своего личного прошлого, хотя едва ли становился от этого беднее, так как наполнял свою жизнь новым содержанием, качественно отличающимся от старого. Но жил ли он настоящим? Все поступ-

ки и устремления монахов говорят о том, что настоящего для них тоже как бы не существовало, — все мысли их были направлены только в будущее, причем беспредельное, не ограниченное рамками жизни и смерти. Они не были ограничены в возможностях, потому что видели перед собой беспредельность. Такую же картину мы увидим, если обратим внимание на представления подвижников о пространстве: кроме видимого и осязаемого мира, для них существовал «неплотный», неосязаемый, и он тоже имел характеристику беспредельного, причем светлого и прекрасного содержания — «свет нескончаемый» и «слава неизреченная». И этот мир, населенный бесплотными ангелами, святыми и праведниками, должен был стать их будущим пристанищем.

Мы не имеем права упрекать подвижников в излишне жестокой борьбе со своими естественными чувствами, данными человеку от природы, к тому же в их задачу не входило стать бесчувственными и равнодушными существами. В связи с этим очень показательно их отношение к сердцу, как к источнику чувств, желаний и мыслей. Так, Феодосий «все поведенное ему учителем усердно исполнял... и больше того... всегда в сердце держал»²⁷³. «Из глубины сердца своего»²⁷⁴ посылались Богу молитвы; сердцем воспринимали мысли, посланные Богом, но и дьявол мог вlagать в сердце мысль²⁷⁵. «Кто лишь заботами житейскими поглощен, о них же пророк сказал: "Окаменело сердце людей сих, и им трудно слышать ушами"»²⁷⁶. Сердце для подвижников — средоточие жизни, поэтому их нельзя назвать обездоленными или обделенными в эмоциональном плане.

Монашеское подвижничество сыграло очень важную роль в распространении и укреплении христианских идеалов в Древней Руси, продемонстрировав возможность следования по труднейшему пути совершенствования через отказ от мира и самоотречение.

Примечания

-
- ¹ Программа курса «Отечественная история с древнейших времен до XVII в.» Автор-составитель В.С.Елагин. Новосибирск, 1993.
- ² «Русская Правда». Методические рекомендации к семинарским занятиям для студентов исторического факультета. Автор-составитель В.С.Елагин. Новосибирск, 1993.
- ³ Повесть временных лет // Методическое пособие к семинарским занятиям. Автор-составитель В.С.Елагин. Новосибирск, 1997. (Далее: ПВЛ).
- ⁴ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. X. М. - Л., 1951. С. 347.
- ⁵ ПВЛ. С. 141.
- ⁶ Там же. С. 144.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. С. 145.
- ⁹ *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. М., 1997. Т. I. Период первый, вторая половина тома. С. 570.
- ¹⁰ Киево-Печерский патерик (далее: КПП). Послание смиренного епископа Симона Владимирского и Суздальского к Поликарпу, черноризцу печерскому. Слово 14.
- ¹¹ Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. I. Стб. 448.
- ¹² Там же. Стб. 438.
- ¹³ *Татищев В. Н.* История Российская. М.-Л., 1962. Т. I. С. 122.
- ¹⁴ КПП. Слово 14.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ *Федотов Г.* Святые Древней Руси. М., 1990. С. 68.
- ¹⁸ *Шахматов А. А.* Киево-Печерский Патерик и Печерская летопись. 1897. *Он же:* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
- ¹⁹ *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 257.
- ²⁰ *Абрамович Д. И.* Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902.
- ²¹ Ерёмин И. П. Киево-Печерский патерик. - В кн.: Художественная проза Киевской Руси XI-XIII вв. Л., 1957. С. 317-322.
- ²² Волкова Т. Ф. Художественная структура и функции образа беса в Киево-Печерском патерике. - В кн. Древнерусские литературные памятники. XXXIII том, Л., 1979. С. 228-237.
- ²³ *Адрианова-Перетц В. П.* Сюжетное повествование в житийных памятниках XI-XIII вв. // Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 96-107.
- ²⁴ Цит. по: История русской литературы. В 3-х т. Под ред. Д. Д. Благой. М.-Л. 1958. С. 133.
- ²⁵ Евангелие от Матфея. 5:48.

-
- ²⁶ Там же. 9: 10.
²⁷ Там же. 9: 12.
²⁸ КПП. Слово 14...
²⁹ Там же.
³⁰ Там же.
³¹ КПП. О Никите-затворнике, который потом был епископом Новгорода. Слово 25.
³² Матф. 19:21.
³³ Там же. 19:24.
³⁴ КПП. О блаженном Евстратии-постнике. Слово 16.
³⁵ Там же. О преподобном Святоше, князе черниговском. Слово 20.
³⁶ Там же. Слово о святых преподобных отцах Феодоре и Василии. Слово 33.
³⁷ Там же. О преподобном Исакий Пещернике. Слово 36.
³⁸ Там же. Слово 33.
³⁹ Матф. 6:21.
⁴⁰ Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М., 1992. С. 253.
⁴¹ КПП. О Еразме-черноризце. Слово 21.
⁴² Там же.
⁴³ Там же.
⁴⁴ Там же. О святом и блаженном Агапите, бескорыстном враче. Слово 27.
⁴⁵ Там же. Об Арефе-черноризце. Слово 22.
⁴⁶ Матф. 6:19,20.
⁴⁷ КПП. Слово 20.
⁴⁸ Там же.
⁴⁹ Матф. 16:24.
⁵⁰ Там же. 20: 26,27.
⁵¹ Житие преподобного Феодосия. В кн.: Киево-Печерский патерик / Перев. Е. Поселянина. М., 1996. С. 71.
⁵² Там же. С. 71-72.
⁵³ Там же. С. 80.
⁵⁴ Там же. С. 136.
⁵⁵ КПП. Слово 20.
⁵⁶ Там же.
⁵⁷ КПП. О святом Григории Чудотворце. Слово 28.
⁵⁸ Там же. Слово 36.
⁵⁹ Там же. Слово 33.
⁶⁰ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1994. С. 19.
⁶¹ КПП. Слово 20.
⁶² Матф. 5: 39.
⁶³ Житие преподобного Феодосия. С. 59.
⁶⁴ Там же. С. 69.

-
- ⁶⁵ КПП. Слово 28.
⁶⁶ Матф. 10:28.
⁶⁷ Там же. 5:44.
⁶⁸ КПП. Слово 28.
⁶⁹ Матф. 5:46.
⁷⁰ *Джеймс У.* Указ. соч. С. 223.
⁷¹ КПП. Сказание о том, почему монастырь был прозван Печерским. Слово 7.
⁷² Житие преподобного Феодосия. С. 71.
⁷³ КПП. Слово 1. Благослови, отче.
⁷⁴ Там же. Слово 16.
⁷⁵ Там же. Слово 20.
⁷⁶ Там же. О Прохоре черноризце. Слово 31.
⁷⁷ Там же.
⁷⁸ Там же.
⁷⁹ Матф. 6:16.
⁸⁰ Евангелие от Марка. 13:35.
⁸¹ КПП. Слово 7.
⁸² Там же. Похвала преподобному отцу нашему Феодосию, игумену Печерскому. Слово 11.
⁸³ Там же. Слово 28.
⁸⁴ Там же. Слово 33.
⁸⁵ *Грибак Л. П.* Резервы человеческой психики. М., 1987. С. 123.
⁸⁶ Житие преподобного Феодосия. С. 79.
⁸⁷ КПП. Слово 36.
⁸⁸ Матф. 14: 38.
⁸⁹ Там же. 18:8.
⁹⁰ КПП. О многотерпеливом Иоанне затворнике. Слово 29.
⁹¹ Там же.
⁹² Там же.
⁹³ Там же.
⁹⁴ Там же. Слово 16.
⁹⁵ Там же. О смиренном и многотерпеливом Никоне-черноризце. Слово 17.
⁹⁶ Матф. 5: 5.
⁹⁷ КПП. О преподобном и многострадальном отце Пимене. Слово 35.
⁹⁸ Там же.
⁹⁹ Евангелие от Луки. 21:19.
¹⁰⁰ Послание к Евреям. 12:7,8.
¹⁰¹ КПП. Слово 11.
¹⁰² Там же. Слово 29.
¹⁰³ Там же.

-
- ¹⁰⁴ Там же. Слово 7.
¹⁰⁵ Там же.
¹⁰⁶ Там же.
¹⁰⁷ Там же. Слово 36.
¹⁰⁸ Там же. О святом Афанасии Затворнике. Слово 19.
¹⁰⁹ Там же. Слово 29.
¹¹⁰ Лук. 13:24.
¹¹¹ КПП. Слово 36.
¹¹² Там же. Слово 25.
¹¹³ *Джеймс У.* Указ. соч. С. 239.
¹¹⁴ Там же. С. 362.
¹¹⁵ Там же.
¹¹⁶ Киево-Печерский патерик / Перев. Е. Поселянина. М., 1996. С. 217.
¹¹⁷ Послание к Ефесянам. 6:18.
¹¹⁸ Матф. 6: 6.
¹¹⁹ КПП. Слово 11.
¹²⁰ Там же. Слово 20.
¹²¹ Там же. Слово 14.
¹²² КПП. Слово 25.
¹²³ Матф. 17:21.
¹²⁴ КПП. Слово 36.
¹²⁵ Там же. Слово 28.
¹²⁶ Там же. Слово 33.
¹²⁷ Там же. Слово о приходе иконописцев к игумену Никону из Царьграда. 4.
¹²⁸ Там же. О Лаврентии-затворнике. Слово 26.
¹²⁹ Там же. Слово 36.
¹³⁰ Там же. Слово 17.
¹³¹ Там же.
¹³² Там же.
¹³³ Там же. Слово 27.
¹³⁴ Там же.
¹³⁵ Марк. 16:17,18.
¹³⁶ Там же.
¹³⁷ КПП. Слово 27.
¹³⁸ Там же. Слово 35.
¹³⁹ Там же. Слово 27.
¹⁴⁰ Там же. Слово 1.
¹⁴¹ Там же. Слово 25.
¹⁴² Там же. Слово о приходе мастеров церковных из Царьграда к Антонию и Феодосию. Слово 2.

-
- ¹⁴³ Там же. О преставлении преподобного отца нашего Поликарпа, архимандрита Печерского, и о Василии-попе. Слово 38.
- ¹⁴⁴ Там же. Слово 11.
- ¹⁴⁵ Там же. Слово 1.
- ¹⁴⁶ Там же.
- ¹⁴⁷ Там же.
- ¹⁴⁸ Лук. 23:42.
- ¹⁴⁹ Матф. 20:21.
- ¹⁵⁰ Марк. 10:40.
- ¹⁵¹ КПП. Слово 28.
- ¹⁵² Там же. Слово 7.
- ¹⁵³ Там же.
- ¹⁵⁴ Там же.
- ¹⁵⁵ Там же. Слово 36.
- ¹⁵⁶ Там же. Слово 29.
- ¹⁵⁷ Там же. Слово 36.
- ¹⁵⁸ Житие преподобного Феодосия. С. 99.
- ¹⁵⁹ Там же. С. 101.
- ¹⁶⁰ Откровение Иоанна Богослова. 21:7,8.
- ¹⁶¹ КПП. Слово 29.
- ¹⁶² Там же.
- ¹⁶³ Марк. 15:34.
- ¹⁶⁴ КПП. Слово 29.
- ¹⁶⁵ Матф. 7: 15.
- ¹⁶⁶ Там же. 24: 5.
- ¹⁶⁷ КПП. Слово 36.
- ¹⁶⁸ Там же.
- ¹⁶⁹ Там же.
- ¹⁷⁰ Там же. Слово 25.
- ¹⁷¹ Там же.
- ¹⁷² Там же. Слово 33.
- ¹⁷³ Там же.
- ¹⁷⁴ Там же.
- ¹⁷⁵ Там же.
- ¹⁷⁶ Там же.
- ¹⁷⁷ Там же.
- ¹⁷⁸ Киево-Печерский патерик. С. 201.
- ¹⁷⁹ Матф. 5:5,4.
- ¹⁸⁰ КПП. Слово 35.
- ¹⁸¹ Там же. Слово 31.

-
- 182 Евангелие от Иоанна. 16:20, 22.
183 КПП. О преподобном Марке пещернике. Слово 32.
184 Там же.
185 Там же. Слово 33.
186 Иоанн. 13:10.
187 Матф. 26: 52.
188 КПП. Слово 28.
189 Там же.
190 Там же. Слово 16.
191 Там же. Слово 35.
192 Там же.
193 Там же.
194 Там же.
195 Матф. 18:18.
196 КПП. Слово 35.
197 Деяния апостолов. 26:18.
198 Иоанн. 8:12
199 Там же.
200 Там же. 3:20,21.
201 КПП. Слово 11.
202 Там же. Слово о том, когда основана была церковь Печерская. 3.
203 Там же. Слово 20.
204 Там же. Слово 32.
205 Там же. Слово 29.
206 Откр. 22: 5.
207 КПП О преподобном Спиридоне Просвирнике и об Алимпии Иконописце.
Слово 34.
208 Матф. 17:2.
209 Деян.22:11.
210 КПП. Слово о перенесении мощей святого преподобного отца нашего Феодосия Печерского. 9.
211 Там же. Слово 33.
212 Там же. Слово 36.
213 Матф. 19:17.
214 Откр. 22:14.
215 Там же. 21:27.
216 Там же. 22:17.
217 КПП. Слово 20.
218 Там же. Слово 11.
219 Там же. Слово 20.

-
- 220 Там же. Слово 27.
221 Там же. Слово 11.
222 Там же. Слово 32.
223 Там же.
224 Киево-Печерский патерик. С. 81.
225 Там же.
226 КПП. Слово 36.
227 Там же. Слово 11.
228 Там же.
229 *Джеймс У.* Указ. соч. С. 228.
230 КПП. Слово 27.
231 Там же.
232 Там же. Слово 35.
233 Там же. Слово 34.
234 Там же. Слово 20.
235 Там же. Слово 26.
236 Там же. Слово 11.
237 Там же.
238 Там же. Слово 1.
239 Там же.
240 Там же. Слово 9.
241 Там же. О святом священномученике Кукше и о Пимене Постнике. Слово 18.
242 Там же.
243 Там же. Слово 28.
244 Там же. О преподобном Моисее Угине. Слово 30.
245 Там же. Слово 18.
246 Там же. Слово 27.
247 Там же.
248 Там же. Слово 25.
249 Там же.
250 Там же. Слово 3.
251 Там же. Слово 9.
252 Там же. О двух братьях, о Тите-попе и о Евагрии-диаконе, враждовавших между собой. Слово 23.
253 Там же. Слово 9.
254 Там же.
255 Там же. Слово 29.
256 Там же. Слово 7.
257 Там же. Слово 14.

-
- ²⁵⁸ Там же. Слово 28.
²⁵⁹ Там же. Слово 19.
²⁶⁰ Там же. О том, как была окована рака преподобного отца нашего Феодосия Печерского. Слово 10.
²⁶¹ Там же. Слово 7.
²⁶² Там же. Слово 29.
²⁶³ Там же.
²⁶⁴ Там же. Сказание Симона, епископа Владимирского и Суздальского, о святых черноризцах печерских. Слово 15.
²⁶⁵ Там же.
²⁶⁶ Там же.
²⁶⁷ Там же. Слово 35.
²⁶⁸ Там же. Слово 20.
²⁶⁹ Там же.
²⁷⁰ Там же. Слово 31.
²⁷¹ Там же.
²⁷² Там же. Слово 14.
²⁷³ Там же. Слово 11.
²⁷⁴ Там же. Слово 29.
²⁷⁵ Там же. Слово 21.
²⁷⁶ Там же. Слово 19.

СПИСОК РЕКОМЕНДОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамович Д. И.* Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902.
- Библия:* Новый Завет.
- Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. Т. I-II. М., 1997.
- Джеймс У.* Многообразие религиозного опыта. М., 1992.
- Еремин И. П.* Киево-Печерский патерик. - В кн.: Художественная проза Киевской Руси XI-XIII вв. Л., 1957.
- Еремина Т. С.* Мир русских икон и монастырей. История предания. М., 1998.
- Карташев А. В.* Очерки по истории русской церкви. Т. I. М., 1991.
- Колессо С. К.* Киево-Печерская Лавра. М., 1975.
- Макарий.* История русской церкви. Кн. 2. М., 1995.
- Милуков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. М., 1994.
- Титов Ф. И.* Путеводитель при обозрении Киево-Печерской Лавры. Киев, 1910.
- Топоров В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Т. I. М., 1995.
- Федотов Г.* Святые Древней Руси. М., 1990.
- Шахматов А. А.* Киево-Печерский патерик и Печерская летопись. ИОРЯС, 1897.
- Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

КИЕВО-ПЕЧЕРСКИЙ ПАТЕРИК

*ПАТЕРИК ПЕЧЕРСКИЙ, ПОСВЯЩЕННЫЙ
СОЗДАНИЮ ЦЕРКВИ, ЧТОБЫ ЗНАЛИ ВСЕ,
КАК САМОГО ГОСПОДА ПРОМЫСЛОМ И ВОЛЕЮ
И ЕГО ПРЕЧИСТОЙ МАТЕРИ МОЛИТВОЙ
И БЛАГОВОЛЕНЬЕМ СОЗДАЛАСЬ И СВЕРШИЛАСЬ
БОГОЛЕПНАЯ, НЕБУ ПОДОБНАЯ, ВЕЛИКАЯ
ПЕЧЕРСКАЯ ЦЕРКОВЬ БОГОРОДИЦЫ,
АРХИМАНДРИТИЯ ВСЕЙ РУССКОЙ ЗЕМЛИ,
КОТОРАЯ ЯВЛЯЕТСЯ ЛАВРОЙ СВЯТОГО
И ВЕЛИКОГО ОТЦА НАШЕГО ФЕОДОСИЯ*

СЛОВО 1. БЛАГОСЛОВИ, ОТЧЕ

Был в земле Варяжской князь Африкан, брат Якуна Слепого, который в битве потерял свой золотой плащ, сражаясь на стороне Ярослава с лютым Мстиславом. У этого Африкана было два сына — Фрианд и Шимон. Когда умер их отец, Якун изгнал обоих братьев из их владений. И пришел Шимон к благоверному князю нашему Ярославу; тот принял его, держал в чести и отослал его к сыну своему Всеволоду, чтобы был он у него старшим, и принял Шимон великую власть от Всеволода. Причина же любви Шимона такова к святому тому месту.

Во время княжения благоверного и великого князя Изяслава в Киеве, когда пришли в 6576 (1068) году половцы на Русскую землю и пошли трое Ярославичей — Изяслав, Святослав и Всеволод — навстречу им, с ними был и этот Шимон. Когда же пришли они к великому святому Антонию для молитвы и благословения, старец отверз неложные свои уста и ожидающую их погибель без утайки предсказал. Варяг же этот, пав в ноги старцу, молил, чтобы уберечься ему от такой беды. Блаженный же сказал ему: «О чадо! Многие падут от острия меча, и, когда побежите вы от врагов ваших, будут вас топтать, наносить вам раны, будете тонуть в воде; ты же, спасенный там, будешь положен в церкви, которую здесь создадут».

И вот, когда они были на Альте, сошлись оба войска, и по Божию гневу побеждены были христиане, и, когда обратились в бегство, были убиты воеводы и множество воинов в этом сражении. Тут же и раненый Шимон среди них лежал. Взглянул он вверх на небо и увидел церковь превеликую — такую, какую уже прежде видел на море, и вспомнил он слова Спасителя и сказал: «Господи! избавь меня от горькой этой смерти молитвами Пречистой Твоей Матери и преподобных отцов Антония и Феодосия!» И тут вдруг некая сила исторгла его из среды мертвецов, он тотчас исцелился от ран

и всех своих нашел целыми и здоровыми.

И он вернулся назад, и пришел к блаженному Антонию, и поведал ему историю дивную, так говоря: «Отец мой Африкан сделал крест и на нем изобразил красками богомужное подобие Христа, образ новой работы, как чтут латиняне, большой величины — в десять локтей. И воздавая честь Ему, отец мой украсил чресла Его поясом, весом в пятьдесят гривен золота, и на голову возложил венец золотой. Когда же дядя мой Якун изгнал меня из владений моих, я взял пояс с Иисуса и венец с головы Его и услышал глас от образа; обратившись ко мне, Он сказал: "Никогда не возлагай этого венца, человече, на свою голову, носи его на уготованное ему место, где создается церковь Матери Моей преподобным Феодосием, и тому в руки передай, чтобы он повесил над жертвенником Моим". Я же упал от страха и, оцепенев, лежал, как мертвый; затем, встав, я поспешно взошел на корабль.

И когда мы плыли, поднялась буря великая, так что все мы отчаялись в спасении, и начал я взывать: "Господи, прости меня, ибо ради этого пояса погибаю за то, что взял его от честного Твоего и человекоподобного образа!" И вот увидел я церковь наверху и подумал: "Что это за церковь?" И был свыше к нам голос, говорящий: "Та, что будет создана преподобным во имя Божией Матери, в ней же и ты положен будешь". И видели мы ее величину и высоту, если измерить ее тем золотым поясом, то двадцать мер — в ширину, тридцать — в длину, тридцать — в вышиину стены, а с верхом — пятьдесят. Мы же все прославили Бога и утешились радостью великой, что избавились от горькой смерти. И вот доныне не знал я, где создастся церковь, показанная мне на море и на Альте, когда я уже находился при смерти, пока не услышал я из твоих честных уст, что здесь меня положат в церкви, которая будет создана». И, вынув золотой пояс, он отдал его, говоря: «Вот мера и основа, этот же венец пусть

будет повешен над святым жертвенником».

Старец же восхвалил Бога за это и сказал варягу: «Чадо! С этих пор не будешь ты называться Шимоном, но Симон будет имя твое». Призвав же блаженного Феодосия, Антоний сказал: «Симон этот такую вот церковь хочет построить», и отдал ему пояс и венец. С тех пор великую любовь имел Симон к святому Феодосию и давал ему много денег на устроение монастыря.

Однажды этот Симон пришел к блаженному и после обычной беседы сказал святому: «Отче, прошу у тебя дара одного». Феодосии же спросил его: «О чадо, что просит твое величие от нашего смирения?» Симон же сказал: «Великого, выше силы моей, прошу я от тебя дара». Феодосии же ответил: «Ты знаешь, чадо, убожество наше: часто и хлеба недостает в дневную пищу, а другого не знаю, что и имею». Симон же сказал: «Если захочешь одарить меня, то сможешь по данной тебе благодати от Господа, Который назвал тебя преподобным. Когда я снимал венец с главы Иисуса, Он мне сказал: "Неси на приготовленное место и отдай в руки преподобному, который строит церковь Матери Моей". Вот чего прошу я у тебя: дай мне слово, что благословит меня душа твоя как при жизни, так и по смерти твоей и моей». И отвечал святой: «О Симон, выше силы прошение твое, но если ты увидишь меня, отходящего отсюда, из мира этого, и если по моем отшествии церковь эта устроится и данные ей уставы будут соблюдаться в ней, то, да будет тебе известно, что имею я дерзновение у Бога, теперь же не знаю, доходит ли моя молитва».

Симон же сказал: «От Господа было мне свидетельство, я сам слышал о тебе это из пречистых уст святого Его образа, потому и молю тебя — как о своих черноризцах, так и обо мне, грешном, помолись, и о сыне моем Георгии, и до последних рода моего». Святой же, обещавши ему это, сказал: «Не о них единых молюсь я, но и обо всех, любящих это

святое место ради меня». Тогда Симон поклонился до земли и сказал: «Не уйду, отче, от тебя, если писанием своим не удостоверишь меня».

Преподобный же, побуждаемый любовью к нему, написал такую молитву: «Во Имя Отца и Сына и Святого Духа», что и доныне вкладывают умершим в руку. И с тех пор утвердился обычай класть такое письмо с умершим, прежде же никто не делал этого на Руси. Написано же было и это в молитве: «Помяни меня, Господи, когда приидешь во Царствие Твое, чтобы воздать каждому по делам его, тогда, Владыка, и рабов Своих, Симона и Георгия, сподоби справа от Тебя стать, в славе Твоей, и слышать благой Твой глас: "Придите, благословенные Отцом Моим, наследуйте уготованное вам Царство от создания мира"».

И попросил Симон: «Прибавь к этому, отче, чтобы отпустились грехи родителям моим и ближним моим». Феодосии же, воздев руки к небу, сказал: «Да благословит тебя Господь от Сиона, и да узрите вы благодать Иерусалима во все дни жизни вашей и до последнего в роду вашем!» Симон же принял молитву и благословение от святого как некую драгоценность и дар великий. Тот, кто прежде был варягом, теперь же благодатью Христовой стал христианином, просвещенный святым отцом нашим Феодосием; оставил он латинское заблуждение и истинно уверовал в Господа нашего Иисуса Христа со всем домом своим, около трех тысяч душ, и со всеми священниками своими, ради чудес бывших от святых Антония и Феодосия. Этот Симон был первым погребен в той церкви.

С тех пор сын его, Георгий, великую любовь имел к святому тому месту. Этого Георгия послал Владимир Мономах в Суздальскую землю и поручил ему сына своего, Георгия. Спустя много лет сел Георгий Владимирович в Киеве; тысяцкому же своему Георгию, как отцу родному, поручил область Суздальскую.

*СЛОВО О ПРИХОДЕ МАСТЕРОВ ЦЕРКОВНЫХ ИЗ
ЦАРЬГРАДА К АНТОНИЮ И ФЕОДОСИЮ.*

СЛОВО 2

И это вам, братья, расскажу другое дивное и преславное чудо о той богоизбранной церкви Богородичной.

Пришли из Царьграда четыре мастера церковных, люди очень богатые, в пещеру к великому Антонию и Феодосию, и спросили они: «Где хотите ставить церковь?» Те же им ответили: «Там, где Господь место обозначит». Пришедшие же сказали: «Как же так, — свою собственную смерть предвидя, — места еще не назначили, столько золота вручив нам?» Тогда Антоний и Феодосии, призвав всю братию, стали расспрашивать греков, говоря: «Скажите истину: как это было?»

Мастера же эти рассказали: «Однажды, когда мы еще спали в домах своих, рано, на восходе солнца, пришли к каждому из нас благообразные скопцы, говоря: "Зовет вас Царица во Влахерну". Когда мы пошли, взяв с собою друзей и ближних своих, то пришли все в одно время и рассудили, что одно и то же повеление Царицы слышал каждый из нас и одни и те же посланцы были у нас. И вот увидели мы Царицу и множество воинов при Ней, мы поклонились Ей, и Она сказала нам: "Хочу церковь построить Себе на Руси, в Киеве, повелеваю же это вам, возьмите золота себе на три года". Мы же, поклонившись, сказали: "О, Госпожа Царица! В чужую страну посылаешь Ты нас, — к кому мы там придем?" Она же сказала: "К ним посылаю, к Антонию и Феодосию". Мы же сказали: "Зачем же, Госпожа, на три года золота даешь нам? Им и прикажи о нас, чтобы на пропитание от них нам было потребное, а одаришь нас, чем Сама захочешь". Царица же сказала: "Сей Антоний, только благословив, отойдет из этого мира на вечный покой, а сей Феодосии через два года после него отойдет к Господу. Вы же возьмите золота с избытком, а что до того, чтобы почтить вас, то не

может так никто, как Я: дам вам, чего и ухо не слыхало и что на сердце человеку не всходило. Я и Сама приду посмотреть церковь и в ней буду жить". Дала Она нам и мощи святых мучеников: Артемия и Полиевкта, Леонтия, Акакия, Арефы, Якова, Феодора, сказав нам: "Это положите в основание". Мы же взяли золота с избытком. И сказала Она нам: "Выйдите наружу, посмотрите церковь". И увидели мы церковь на небе, и, вернувшись, поклонились Царице, и спросили: "О Госпожа, каково имя церкви?" Она же сказала, что хочет ее Своим именем назвать. Мы же не посмели Ее спросить: "Как Твое имя?" Она же сказала: "Богородицына будет церковь", и дала нам эту икону, говоря: "Она будет наместной". Мы же, поклонившись Ей, пошли в дома свои, неся эту икону, полученную из рук Царицы».

И тогда все прославили Бога и Ту, которая Его родила. Антоний же ответил: «О чада, мы никогда не выходили из места сего». Греки же клятвенно говорили: «Из ваших рук взяли мы золото перед многими свидетелями, и до корабля с ними вас проводили, и через месяц после вашего ухода отправились в путь, и вот сейчас десятый день, как мы вышли из Царьграда. Спрашивали мы Царицу о величине церкви, и она сказала нам: «Я меру послала — пояс Сына Моего, — по Его повелению».

И отвечал Антоний: «О чада, великой благодати Христос удостоил вас, ибо вы Его воли вершители. Звавшие вас, те благообразные скопцы — пресвятые ангелы, а Царица во Влахерне — Сама, зримо явившаяся вам, Пресвятая, Чистая и Непорочная Владычица наша, Богородица и Приснодева Мария, стоявшие же при Ней воины — бесплотные ангельские силы. Подобные же нам, и данное вам золото—то Бог ведает, так как Он Сам сотворил и свершил это Своими рабами. Благословен приход ваш, и добрую спутницу имеете вы, эту честную икону Госпожи, и Она даст вам, как обещала, чего ухо не слышало и что на сердце человеку не всходи-

ло: этого никто не может дать, кроме Нее и Сына Ее, Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, пояс которого и венец, принесенные сюда варягами, являются мерою ширины, и длины, и высоты той пречистой церкви, — голос с неба известил это от великой славы».

Греки же со страхом поклонились святым и сказали: «Где то место? Покажите». Антоний же сказал: «Три дня будем молиться, и Господь обозначит нам». И в первую ночь, когда он молился, явился ему Господь и сказал: «Обрел ты благодать передо Мной». Антоний же сказал: «Господи! если я обрел благодать перед Тобой, пусть будет по всей земле роса, а место, которое Тебе угодно освятить, пусть будет сухо». Наутро нашли сухим то место, где ныне церковь стоит, а по всей земле была роса. На другую же ночь, также помолившись, Антоний сказал: «Пусть будет по всей земле сухо, а на месте святом роса». Пошли и нашли так. В третий же день, ставши на месте том, помолившись и благословив место это, измерили золотым поясом ширину и длину. И, воздев руки к небу, сказал Антоний громким голосом: «Услышь меня, Господи, ныне отметь место огнем, пусть разумеют все, что Тебе оно угодно». И тотчас пал огонь с неба и пожег все деревья и терновник, росу полизал и долину выжег, рву подобную. И все бывшие со святыми от страха упали, как мертвые. Так положено было начало той божественной церкви.

СЛОВО О ТОМ, КОГДА ОСНОВАНА БЫЛА ЦЕРКОВЬ ПЕЧЕРСКАЯ. 3

Основана же была сия божественная церковь Богородицы в 6581 (1073) году. В дни княжения благоверного князя Святослава, сына Ярославова, была заложена церковь эта, и сам он своими руками начал ров копать. Христоролюбивый князь Святослав дал сто гривен золота в помощь блаженному и размеры определил золотым поясом, как повелел голос,

услышанный с небес на море. В Житии святого Антония найдешь об этом подробнее. Из Жития же Феодосия всем известно, как являлся столп огненный от земли до неба, иногда же облако или же радуга сходили с верха старой церкви на это место, много раз и икона переходила, — ангелы переносили ее в то место, где ей надлежало быть.

Что, братия, чудеснее этого? Перелистав все книги Ветхого и Нового Заветов, нигде не найдешь таких чудес о святых церквях, как об этой: от варягов, и от самого Господа нашего Иисуса Христа, и честного Его и божественного и человекообразного изображения — святой головы Христовой венец, и божественный голос слышали от Христова изображения, повелевший венец нести на уготованное место, и небесный голос велел поясом этим измерить церковь, которую видели еще до ее созидания. А из Греции икона пришла с мастерами, и мощи святых мучеников положены были под всеми стенами, и были изображены эти святые над мощами по стенам.

Должно же нам похвалить прежде отшедших благоверных князей, и христоролюбивых бояр, и честных иноков, и всех христиан православных. Блажен и преблажен, сподобившийся погребенным быть здесь, великой благодати и милости Господней удостоится он молитвами святой Богородицы и всех святых. Блажен и преблажен, тут в поминание записанный, ибо примет он отпущение грехов и награда небесная его не минует. Ведь сказано: «Радуйтесь и веселитесь, ибо имена ваши написаны на небесах» — церковь эта любима Богом паче небесной. Родившая Его пожелала ее создать, как обещала во Влахерне мастерам, так сказав: «Приду, чтобы видеть эту церковь, и буду в ней жить». Доброе и предоброе это дело — находиться в Ее святой и божественной церкви, и какую славу и похвалу обретет положенный здесь и записанный в ней в поминальные книги — перед Ее очами будет он поминаться всегда.

И еще, возлюбленные мои, предложу вам слово, чтобы укрепить вас. Нет того злее, чем от такого света отречься, и возлюбить тьму, и отвергнуть богонареченную церковь, оставить Богом построенную и искать людьми сотворенную за мзду от насилий и грабежей, что сама взывает к Богу на строителя своего. Этой же церкви создатель, и устроитель, и художник, и творец — сам Бог, который Своим божественным огнем спалил вещи тленные, деревья же и горы сравнял для дома Матери Своей на благо рабов Своих. Разумеите, братья, основание и начало ее: Бог-Отец свыше благословил росой, и столпом огненным, и облаком светлым, Бог-Сын меру дал Своим поясом: хотя и деревянный был крест, но Божию силою облечен; Святой же Дух огнем невестственным ров ископал, где положить основание, и на таком камне создал Господь церковь эту, что и врата адовы не одолеют ее. Так же и Богородица: на три года золота дала строителям, и Своего Пречистого Образа икону даровала и ее наместницей поставила, — от иконы этой чудеса многие свершаются.

*СЛОВО О ПРИХОДЕ ИКОНОПИСЦЕВ К
ИГУМЕНУ НИКОНУ ИЗ ЦАРЬГРАДА. 4*

И вот еще дивное чудо, о котором расскажу вам. Пришли из того же богохранимого града Константинополя к игумену Никону иконописцы и стали говорить: «Поставь перед нами тех, с которыми мы рядились, хотим с ними тяжбу вести: нам они показали церковь малую, так мы и урядились с ними перед многими свидетелями, эта же церковь очень уж велика; вот возьмите ваше золото, а мы вернемся в Царьград». В ответ на это игумен спросил: «А кто рядился с вами?» Иконописцы рассказали, на кого они похожи и каков облик их, и назвали имена Антония и Феодосия. И сказал им игумен: «О чада, не в силах мы показать их: десять лет тому как отошли они из этого мира, и теперь не-

престанно молятся за нас, и неотступно хранят эту церковь, и заботятся о своем монастыре, и пекутся о живущих в нем».

Услышав такой ответ, греки, ужаснувшись, привели и других многих купцов, греков и кавказцев, которые пришли вместе с ними из тех земель. И сказали они: «Вот перед ними рядились мы и золото взяли из рук тех старцев, а ты не хочешь позвать их сюда. Если же они умерли, то покажи нам изображение их: пусть все увидят, те ли это?» Тогда игумен вынес перед всеми иконы их. Увидев лики святых, греки и кавказцы поклонились, говоря: «Воистину, это они, и мы веруем, что они живы и по смерти, и могут помогать, и спасать, и охранять прибегающих к ним». И они отдали в монастырь мозаику, которую принесли было на продажу, ею теперь святой алтарь украшен.

Иконописцы же начали каяться в своем согрешении. «Когда,— говорили, — пришли мы в Канев на ладьях, то увидели в высоте эту церковь. И спросили мы бывших с нами: "Какая это церковь?" И нам ответили: "Печерская, которую вы должны расписывать". Мы же рассердились и хотели плыть назад. И той же ночью поднялась буря сильная на реке. Утром же когда мы проснулись, то увидели, что находимся у Треполя, и ладья сама шла против течения, как будто сила некая влекла ее. Мы же с трудом удержали ее и простояли весь день, размышляя, что бы это значило, что прошли мы за одну ночь, не гребя, такой путь, какой другие в три дня с трудом проходят? На другую же ночь снова увидели мы эту церковь и чудную икону наместную, говорившую нам: "Люди, зачем напрасно мечетесь, не покоряясь воле Сына Моего и Моей; если не послушаетесь Меня и захотите бежать, — Я возьму всех вас и прямо в ладье поставлю в церкви Моей. И то знайте, что вы оттуда не выйдете, но, в монастыре Моем постригшись, там и скончаетесь, и Я вам да-

рую милость в будущем веке ради строителей этой церкви, Антония и Феодосия". Мы же, на другой день вставши, хотели плыть вниз и гребли изо всей силы, а лодка шла вверх, против течения. Тогда мы, повинувшись воле и силе Божьей, покорились, и вскоре ладья под монастырем сама пристала».

Тогда все вместе, черноризцы и греки, мастера и иконописцы, прославили Великого Бога и Его Пречистую Мать, чудотворную икону, святых отцов Антония и Феодосия. И со временем те и другие, мастера и иконописцы, окончили жизнь свою в монашеском чину в Печерском монастыре и положены в своем притворе; свиты их и ныне лежат на полатях, и книги их греческие хранятся в память такого чуда.

Когда игумен Стефан, демественник, который был изгнан из монастыря, увидал преславные чудеса — как пришли мастера, принесли икону, рассказали о видении Царицы во Влахерне, то сам создал в Клове церковь по подобию Влахернской. Благоверный же князь Владимир Всеволодович Мономах, тогда еще юный, самовидцем был того дивного чуда, когда пал с неба огонь и выгорела яма, где потом заложено было основание церкви по размерам пояса. Слух об этом разошелся по всей земле Русской. Поэтому-то Всеволод с сыном своим Владимиром приехал из Переяславля, чтобы видеть то великое чудо. Тогда Владимир был болен, и тем золотым поясом опоясали его, и он тотчас же выздоровел молитвами святых отцов наших, Антония и Феодосия.

И во время своего княжения христолюбец Владимир, взяв размеры той божественной церкви Печерской, создал во всем подобную церковь в городе Ростове такой же вышины, ширины и длины и на хартии записал, где и в каком месте церкви какой праздник изображен, и все это было повторено по образцу той великой, Богом ознаменованной церкви. Сын же его, Георгий-князь, слышавший от своего отца Владимира о всем, что было с этой церковью, и сам в своем княжении

построил в городе Суздале церковь в ту же меру. И все те церкви со временем разрушились; эта же, Богородицына, одна пребывает во веки.

*ОБ ИОАННЕ И СЕРГИИ ЧУДО НЕОБЫЧНОЕ
В БОЖЕСТВЕННОЙ ПЕЧЕРСКОЙ ЦЕРКВИ,
СВЕРШИВШЕЕСЯ ПЕРЕД ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНОЙ
БОГОРОДИЦЫ. СЛОВО 5.*

Были два неких человека именитых из города того, друзья между собой, Иоанн и Сергей. Однажды пришли они в церковь богонареченную и увидели свет, ярче солнечного, на чудной иконе Богородицы, и в духовное братство вступили.

Спустя много лет Иоанн разболелся, а у него оставался пятилетний сын, Захария. И вот больной призвал игумена Никона и раздал свое имущество нищим, а сыновнюю часть, тысячу гривен серебра и сто гривен золота, дал Сергию. Малолетнего же сына своего, Захарию, отдал на попечение другу своему, как брату верному, завещав ему: «Когда возмужает сын мой, отдай ему золото и серебро».

Когда исполнилось Захарии пятнадцать лет, захотел он взять у Сергия золото и серебро отца своего. Тот же, подстрекаемый дьяволом, задумал приобрести богатство, решившись ради этого жизнь с душою погубить, и сказал он юноше: «Отец твой все богатство свое Богу отдал, у того и проси золото и серебро: Он тебе должен, может быть и помилует тебя. Я же ни твоему отцу, ни тебе не должен ни одной златницы. Вот что сделал с тобой отец твой по безумию своему, раздав все свое имущество в милостыню, а тебя нищим и убогим оставив».

Выслушав это, юноша стал тужить о своем лишении. Обратился он с мольбой к Сергию, говоря: «Дай мне хоть половину, а половину оставь себе». Сергей же жестокими словами укорял отца его и его самого. Захария же стал просить третью часть и даже десятую. Наконец, видя, что он

лишился всего, сказал Сергию: «Приди и поклянись мне в церкви Печерской, перед чудотворной иконой Богородицы, где ты вступил в братство с отцом моим».

Тот же пошел в церковь и, став перед иконой Богородицы, сказал, клянясь, что не брал ни тысячи гривен серебра, ни ста гривен золота, и хотел поцеловать икону, но не мог приблизиться к ней. И когда выходил он из дверей, то стал вопить: «О святые Антоний и Феодосии, не велите погубить меня этому ангелу немилостивому, помолитесь святой Богородице, чтобы отогнала Она от меня бесчисленных бесов, которым я предан. Возьмите золото и серебро: оно спрятано в доме моем». И страх охватил всех. С тех пор никому не давали клясться той иконой святой Богородицы.

Послали в дом к Сергию, взяли сосуд запечатанный и нашли в нем две тысячи гривен серебра и двести гривен золота: так вот удвоил Господь богатство, вознаграждая творящих милостыню. Захария же все деньги отдал игумену Иоанну, чтобы тот употребил их, как хочет. Сам же постригся и жизнь окончил здесь. На серебро же и золото это построена была церковь святого Иоанна Предтечи, где всход на полати, в память Иоанна-боярина и сына его Захарии, чьих было золото и серебро.

СКАЗАНИЕ О СВЯТОМ ЖЕРТВЕННИКЕ И ОБ ОСВЯЩЕНИИ ТОЙ ВЕЛИКОЙ ЦЕРКВИ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ. СЛОВО 6

Освящена была церковь Печерская в 6597 (1089) году, в первый год игуменства Иоанна. И не было плиты каменной для сооружения жертвенника. И долго разыскивали, кто бы мог сделать жертвенник каменный и не нашли ни одного мастера; тогда сделали деревянную доску и положили ее. Но митрополит Иоанн не хотел, чтобы в столь великой церкви был деревянный жертвенник, и из-за этого игумен пребывал

в большой печали. Прошло несколько дней, а освящения все не было. В тринадцатый день августа вошли иноки в церковь петь, по обычаю, вечерню, и увидели, что у алтарной ограды лежит каменная плита и подпоры для устроения жертвенника. Тотчас дали знать об этом митрополиту. Он же восхвалили Бога и повелел свершить освящение и вечерню.

Долго разыскивали, откуда и кем принесена была эта плита и как в церковь внесена, когда она заперта была? И всюду расспрашивали, откуда она привезена была, водой ли или по суше, и нигде не нашлось никаких следов тех, кто привез ее. Послали туда, где делаются такие вещи, три гривны серебра, чтобы мастер взял деньги за свой труд. Посланные обошли все места и не нашли мастера. Мудрый Создатель и Помощник всех, Бог, сотворивший это чудо, жертвенник сделал, и положил, и утвердил его руками святительскими на приношение Своего пречистого тела и святой крови, возжелав, чтобы его за весь мир во все дни приносили в жертву на том жертвеннике, который Сам даровал.

На другой день пришли с митрополитом Иоанном епископ Иоанн Черниговский, Исайя Ростовский, епископ Антоний Юрьевский, епископ Лука Белгородский, никем не званные, пришли они на чин освящения. И спросил их блаженный митрополит: «Почему пришли вы, когда вас не звали?» И отвечали епископы: «Владыка, посланец от тебя сказал нам, что четырнадцатого августа будет освящение церкви Печерской, и мы все должны быть с тобой на литургии. Мы не смели послушаться твоего слова, и вот мы здесь». Антоний же, епископ Юрьевский сказал: «Я был болен, и вот этой ночью вошел чернец ко мне и сказал мне: "Завтра освящается церковь Печерская, будь там". И только что услышал я это, как сразу выздоровел, и вот я здесь по повелению твоему».

Святитель хотел разыскать тех людей, которые звали их, и вдруг раздался голос: «Да исчезнет испытывающий

предначертанное!» Тогда митрополит воздел руки к небу и сказал: «Пресвятая Богородица! как на успение Свое Ты со всех концов вселенной собрала апостолов, в честь Своего погребения, так и ныне, на освящение Своей церкви, созвала Ты их наместников и наших сослужебников!»

И все в ужасе были от великих чудес. Обошли вокруг церкви трижды и начали петь: «Поднимите, врата, верхи ваши», и не было никого в церкви, кто бы мог отпеть: «Кто есть сей Царь славы?», потому что все до одного вышли из церкви, дивясь приходу епископов. После долгого молчания вдруг из церкви раздался голос, похожий на ангельский: «Кто есть сей Царь славы?» Стали искать, что это за голоса, откуда они и чьи. Когда же вошли в церковь, то все двери были затворены, и ни одного человека не нашлось в ней. И стало ясно всем, что все свершается Божьим промыслом о той святой и божественной церкви.

После этого и мы скажем: «О бездна богатства, и премудрости, и ведения Божия! Кто познает ум Господен или кто может быть соратником Ему?» Господь да сохранит вам и будет блюсти вас во все дни жизни вашей молитвами Пречистой Богородицы и преподобных и блаженных отцов наших печерских, Антония и Феодосия, и святых черноризцев монастыря того. С ними же да удостоимся и мы получить милость в этом веке и в будущем о Христе Иисусе Господе нашем, Ему же слава с Отцом и со Святым Духом ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

*НЕСТОРА, ИНОКА ОБИТЕЛИ МОНАСТЫРЯ
ПЕЧЕРСКОГО, СКАЗАНИЕ О ТОМ, ПОЧЕМУ
МОНАСТЫРЬ БЫЛ ПРОЗВАН ПЕЧЕРСКИМ. СЛОВО 7*

Во время княжения самодержца Русской земли, благоверного великого князя Владимира Святославича, соблаго-

волил Бог, чтобы появился просветитель Русской земли и наставник иноков, о котором и будет это сказание.

Жил в городе Любече некий благочестивый муж, в которого смолоду вселился страх Божий, и захотел он стать иноком. Человеколюбивый же Господь вложил в его душу желание идти в страну Греческую и там постричься в монахи. Немедля устремился он в путь, странствуя за странствовавшего и трудившегося ради нашего спасения Господа, и достиг Царьграда. И пришел он на Святую Гору, и обошел афонские святые монастыри, и, увидев эти монастыри на Святой Горе и жизнь монахов, превосходящую человеческие возможности, — оставаясь во плоти, они подражали ангельскому житию, — еще сильнее воспыал он любовью ко Христу и захотел повторить подвиги этих монахов. Пришел он в один из тамошних монастырей и умолил игумена, чтобы тот возложил на него ангельский образ иноческого чина. Игумен же, прозрев, что он свершит великие добрые дела, послушал его, постриг под именем Антония, наставив и обучив иноческому житию. Антоний же, угождая во всем Богу, в остальном подвизался в покорности и послушании, так что все радовались за него. И сказал ему однажды игумен: «Антоний, иди снова на Русь, да будешь там и другим примером их успеха и утверждения в вере, и будет с тобой благословение Святой Горы».

Антоний же пришел в город Киев и стал думать, где бы ему жить. Походил он по монастырям и не пожелал ни в одном из них поселиться: потому что Бог не хотел. И стал он ходить по лесам, и по горам, и по разным местам, и, придя в Берестово, нашел пещеру, которую когда-то выкопали варяги, и поселился в ней, и жил в ней в великом воздержании. Через некоторое время после этого умер великий князь Владимир, и захватил власть безбожный и окаянный Святополк, и, сев в Киеве, стал избивать братьев своих, и убил святых Бориса и Глеба. Антоний же, увидев такое кровопролитие,

содеянное окаянным Святополком, снова удалился на Святую Гору.

Когда благочестивый князь Ярослав победил Святополка, то сел он в Киеве. И так как полюбил боголюбивый князь Ярослав Берестово и тамошнюю церковь святых Апостолов, то много священников содержал при ней. Был между ними пресвитер, именем Иларион, муж благочестивый, знаток Божественного Писания и постник. И ходил он с Берестова к Днепру, на холм, где ныне старый монастырь Печерский, и здесь молился, ибо был тогда там лес дремучий, и выкопал он тут маленькую двусаженную пещерку, и, приходя из Берестова, пел псалмы, и молился Богу втайне.

И, по прошествии некоторого времени, Бог вложил в сердце благоверному великому князю Ярославу благую мысль: собрал он в 6559 (1051) году епископов и поставил Илариона митрополитом в святой Софии, а пещерка его сохранилась.

Когда Антоний находился на Святой Горе, в монастыре, где свершилось его пострижение, то было от Бога возведение игумену: «Отпусти, — сказал Он, — Антония на Русь, Я его требую». Призвал его игумен и сказал ему: «Антоний! Иди снова на Русь, такова воля Бога, и будет с тобой благословение от Святой Горы, и многие от тебя черноризцами станут». Благословив, отпустил он его и сказал ему: «Иди с миром!»

Когда же Антоний вернулся в Киев и пришел на холм, где Иларион вырыл малую пещерку, полюбилось ему место это, и поселился он здесь. И начал молиться Богу со слезами, говоря: «Господи, утверди меня на месте этом, и да будет благословение на нем Святой Горы и молитва отца моего, который постриг меня». И стал он жить тут, молясь Богу. Пищей же его был хлеб сухой, и воды пил в меру, и копал он пещеру, и, не давая себе покоя ни днем, ни ночью, так жил в постоянных трудах, пребывая в бдении и молитвах. Потом узнали о нем люди, стали приходить к нему и приносили, что было

нужно. И прошла о нем слава, как о великом Антонии, и начали приходить к нему, прося от него благословения.

Потом же, когда умер великий князь Ярослав, принял власть сын его Изяслав и сел на киевский стол. Антоний к тому времени уже прославился по Русской земле. Князь же Изяслав, прослышав о житии его, пришел к нему с дружиной своей, прося у него благословения и молитвы. И сделался известен всем великий Антоний, и почитали его все. И начали приходить к нему боголюбивые люди, чтобы постричься, и он принимал их и постригал. И собралась у него братия в двенадцать человек. И Феодосии, к нему придя, постригся. И выкопали они пещеру большую, и церковь, и келий, которые целы и теперь в пещере, под старым монастырем.

Когда собралась братия, сказал им великий Антоний: «Это, братия, Бог объединил нас, и благословение на нас Святой Горы, с которым меня постриг игумен Святой Горы, я же вас постриг, и да будет же на вас благословение, во-первых, от Бога и Пречистой Богородицы, во-вторых, от Святой Горы!» И сказал он им еще: «Живите теперь сами по себе, и я поставлю вам игумена, а сам пойду на другую гору и там останусь один. Ведь я уже и прежде привык уединяться». И поставил он игуменом Варлаама, а сам пошел на гору и выкопал себе другую пещеру, которая теперь под новым монастырем, в ней он и умер, живши в добродетели сорок лет, не выйдя из пещеры, в ней же лежат честные мощи его, творящие чудеса и доныне.

Игумен же и братия продолжали жить в пещере. И умножилось их число, и не могли они уже в пещере вместиться, и задумали они рядом с пещерой поставить монастырь. И пришли игумен и братия к святому Антонию, и сказали ему: «Отче! Братии стало так много, что не можем поместиться в пещере, да благословит Бог и Пречистая Богородица, и твоя молитва, чтобы нам поставить маленькую церковь вне пе-

щеры». И разрешил им преподобный. Они же поклонились ему до земли и вышли. И поставили церковку маленькую над пещерой во имя Успения Святой Богородицы.

И стал Бог, молитвами Пречистой Богородицы и преподобного Антония, умножать черноризцев, и братия, посоветовавшись с игуменом, решили построить монастырь. И пошли опять они к Антонию, и сказали ему: «Отче, братия умножается, и хотим мы построить монастырь». Антоний же возрадовался и сказал: «Благословен Бог за все, молитва Святой Богородицы и отцов Святой Горы да будет с вами!» И сказав это, послал одного из братий к князю Изяславу, говоря так: «Княже благочестивый, Бог умножает братию, а местечко маленькое, просим у тебя, чтобы дал ты нам гору ту, что над пещерой». Князь же Изяслав, услышав это, обрадовался и послал к ним боярина своего, чтобы передать им гору ту.

Игумен же и братия заложили церковь большую и монастырь, обнесли оградой, и много келий поставили, и, поставив церковь, украсили ее иконами. И с тех пор прозвался монастырь Печерским, потому что черноризцы прежде жили в пещере. И с тех пор называется он Печерским монастырем, и на нем благословение Святой Горы.

Когда монастырь уже был основан, а игуменствовал в нем Варлаам, князь Изяслав поставил монастырь святого Димитрия и перевел Варлаама на игуменство в монастырь святого Димитрия; надеясь на богатство, он хотел сделать свой монастырь выше Печерского. Многие монастыри поставлены царями, боярами и богатством; но не таковы они, как поставленные слезами и пощением, молитвою и бдением. Антоний вот не имел ни золота, ни серебра, а все приобрел слезами и постом, как я уже рассказал.

Когда Варлаам ушел в монастырь святого Димитрия, то братия, посоветовавшись, пошли к старцу Антонию и сказали ему: «Отче, поставь нам игумена». Он же спросил

их: «Кого хотите?» Они же ответили ему: «Кого хочет Бог, и Пречистая Богородица, и ты, честной отче». И сказал им великий Антоний: «Кто еще есть среди вас столь послушлив, кроток и смирен, как блаженный Феодосий? Пусть он и будет вам игуменом». Все братья рады были, поклонились ему до земли, и поставили Феодосия игуменом. Было тогда братии двадцать человек.

Принявши монастырь, Феодосий ввел в нем воздержание строгое, пощение и молитвы со слезами. И стал принимать он многих черноризцев, и собрал братии сто человек. И начал он разыскивать устав монастырский, а в это время оказался тут честной инок Михаил из монастыря Студийского, который пришел из Греции с митрополитом Георгием. И решил Феодосий расспросить его о уставе иноков студийских, и найдя у него устав, списал его. И установил в монастыре своем, как петь пение монастырское, как поклоны держать и чтение читать, как стоять в церкви, и весь порядок церковный, и как за трапезой сидеть, и что есть в какие дни. Все это по уставу Феодосий определил и ввел в своем монастыре, а от Печерского монастыря переняли все русские монастыри этот устав. Потому и честь Печерскому монастырю, так как древнее он всех и честью выше всех.

И так, когда жил Феодосий в монастыре, ведя добродетельную жизнь, соблюдая иноческое правило и принимая всякого, приходящего к нему, пришел к нему и я, грешный и недостойный раб Нестор, и он принял меня, а было мне тогда семнадцать лет от роду. И вот я написал это и изложил, в каком году возник монастырь и почему называется Печерским. А о житии Феодосия ниже расскажем (...).

*АВГУСТА 14. НЕСТОРА, ИНОКА МОНАСТЫРЯ
ПЕЧЕРСКОГО, СЛОВО О ПЕРЕНЕСЕНИИ
МОЩЕЙ СВЯТОГО ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА
НАШЕГО ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО. 9*

«Когда умножаются праведники, веселится народ», — сказал премудрый Соломон. Обычай ведь есть в божественный праздник торжества духовного ликования предаваться богоименным людям, по словам премудрого Соломона: «Праведник, если и умрет, — жив будет, и души праведных в руке Божьей». Прославляет Господь славящих Его, как воистину этого блаженного и доблестного мужа, высокого житием, чудного добродетелями, неутомимого в чудесах, блаженного Феодосия. Соблаговолил Бог явить своего угодника, что воистину и свершилось по воле Божьей через восемнадцать лет после преставления преподобного.

В 6599 (1091) году все иноки пречистой Печерской лавры, собравшись вместе со своим наставником игуменом, единодушно порешили перенести мощи преподобного Феодосия.

Подобает за это хвалу принести им: Воистину блаженный отцы, и мудро решение ваше. О Богом собранный совет! О постнический великий собор! О пречестное воинство! О благое объединение, ведь сбылось на вас изречение Бога Отца, сказавшего: «Что может быть лучше и прекраснее, чем единение братии». Воистину добр замысел ваш, отцы, громогласнее трубы слова решений ваших. С истинным своим пастырем пожелали быть всегда вместе, — нельзя было не восклицать: «Лишены мы отца и учителя!» И все, как едиными устами, сказали: «Возьмем честные мощи любимого отца нашего Феодосия, не подобает нам быть без пастыря, а пастырю не подобает Богом порученных ему овец оставлять, чтобы страшный зверь не пришел и не разогнал стадо Христово словесных овец; пусть придет пастырь в свою ограду и

цевницею духовной божественно вострубит, пусть пастырская свирель оградит нас от нападения коварного зверя и блюстителя жизни нашей и ангелов-хранителей призовет». И все единогласно друг другу говорили: «Подобает нам, братья, всегда пред очами своими честную гробницу отца нашего Феодосия видеть и достойное поклонение всегда ему творить, как истинному отцу и учителю. Негоже лежать преподобному отцу нашему Феодосию вне монастыря и церкви своей, потому что он основал ее и черноризцев собрал».

И совет сотворив, немедля повелели устроить место, где положить мощи святого, и гробницу каменную поставили. В это время приспел праздник пречестного Успения Святой Владычицы Богородицы, и за три дня до праздника Божьей Матери повелел игумен в пещеру идти, чтобы то место отметить, где лежат мощи святого отца нашего Феодосия. По благому изволению и по повелению игумена я, грешный Нестор, сподобился быть первым, кто увидел святые мощи Феодосия. Да будет вам известно, что истинную правду поведаю я, так как не от кого-то другого это слышал, но сам был зачинщиком этого дела.

Пришел игумен и сказал мне: «Пойдем, чадо, в пещеру к преподобному отцу нашему Феодосию». И пришли мы в пещеру втайне от всех. Когда рассмотрели мы, куда копать, и обозначили место, где раскапывать, — в стороне от входа, — то сказал мне игумен: «Никому не сообщай об этом, кроме того, кого по своему желанию возьмешь в помощники, и пусть не знает об этом ни единый из братии, пока не вынесем мощи святого из пещеры». Я же приготовил в тот день мотыги, чтобы копать. Был вторник. Поздно вечером взял я с собою двух монахов, мужей особо добродетельных, и втайне от всех пришли мы в пещеру, и, сотворивши с поклонами молитвы и отпев псалмы, принялись за дело. Начал копать я и, потрудившись много, поручил продолжать дру-

гому брату, и так раскапывали мы до полуночи и не могли обнаружить мощей святого. И начали мы тужить, и, плача, решили, что не хочет объявить себя святой; и тут пришла мне на ум мысль, что не в ту сторону копаем. И я, взяв мотыгу, начал снова усердно копать. Монах же, который был со мной, стоял перед пещерой, и, когда услышал он, как ударили к заутрене в било, сказал мне брат: «Ударили в церковное било!» Я же в это время докопался до мощей святого, и, когда он мне говорил о том, что бьют в било, я сказал ему: «Докопался я, брат!» И когда раскопал я мощи святого, то великий страх охватил меня, и стал я взывать: «Преподобного ради Феодосия, Господи, помилуй меня!» В это самое время два монаха в монастыре не спали, и стерегли, когда игумен, утаившийся с кем-то, будет тайно переносить мощи преподобного, и прилежно наблюдали за пещерой. И как ударили в церковное било к заутрене, то увидели они три столпа, как радуга сияющие, которые, постояв, перешли на верх церкви Пречистой, где потом положен был преподобный Феодосии. И это увидели все монахи, которые шли к заутрене, а также многие благочестивые люди в городе. Было им до этого извещение о перенесении мощей святого, и сказали они: «Это переносят мощи честные преподобного Феодосия из пещеры». Когда наступило утро и уже занялся день, то слух об этом распространился по всему городу, и множество людей пришло со свечами и фимиамом.

Великий же и преславный Стефан, о котором уже говорилось в житии блаженного, бывший игуменом после Феодосия, а по отшествии из монастыря поставивший на Клове свой монастырь, и потом по благословению Божьему ставший епископом города Владимира, в это самое время находился в своем монастыре, и увидел он ночью за полем зарево великое над пещерой. Подумал он, что это переносят честные мощи святого Феодосия, а его накануне известили об этом, и, сильно огорчившись, что без него переносят мо-

щи святого, он в тот же час сел на коня и быстро поскакал к пещере вместе с Климентом, которого он поставил игуменом на свое место. И пока они ехали, то видели яркое сияние над пещерой, а когда подъехали к пещере и не стало ничего видно, то догадались, что то был ангельский свет.

Когда же подошли они к дверям пещеры, мы сидели у мощей святого. Я же, когда докопался до мощей, послал к игумену, говоря: «Приди, отче, да вынесем мощи преподобного», и пришел игумен с двумя иноками. И когда раскопали как следует и наклонились, то увидели, что лежат его мощи достойно его святости и все части тела целы и тление не тронуло их, волосы присохли к голове его, лицо же преподобного светло, очи закрыты и доброгласные уста его сомкнуты. И так, возложив на одр святые его и честные мощи, вынесли их из пещеры. На другой же день, изволением Божиим, собрались вместе епископы и пришли к пещере, имена же их: Ефрем Переяславский, Стефан Владимирский, Иоанн Черниговский, Марин Юрьевский, Антоний Поросский. Игумены из всех монастырей с множеством черноризцев пришли, и люди благочестивые, и взяли пречистые мощи святого Феодосия из пещеры с множеством свечей и фиамным каждением; как уже говорилось выше, множество народа со свечами в руках пришло из города встречать святого, и принесли его в богосозданную и пречистую церковь, и возрадовалась пречистая церковь, восприяв своего служителя. И было видно в церкви, как свет свечей сиял ярче дневного света; прикасаясь к святому, святители лобызали мощи его, иереи, припадая к нему, с любовью целовали, пришедшие же вместе с народом иноки прикасались к остаткам одежды святого, песни духовные к Богу воссылая и благодарственные хваления святому принося. И так положили его в его церкви Божьей Матери в притворе на правой стороне в четырнадцатый день месяца августа, в четверг, в час дня, и светло отпраздновали день тот.

В 6616 (1108) году игумен Феоктист начал с мольбою просить благоверного великого князя Святополка, чтобы стали поминать имя святого и преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерского, в синодике, ибо Бог так соизволил. Святополк с радостью обещался сделать так; зная житие его, Святополк сам начал всем рассказывать о деяниях преподобного Феодосия. И свершил это митрополит, повелев всем епископам вписать имя святого Феодосия в синодик. И все епископы с радостью вписали имя святого преподобного отца нашего Феодосия в синодик и поминают его на всех соборах и доныне.

О проречении святого. И этого нельзя молчанию предать, но поведаю вам вкратце о сбывшемся пророчестве святого отца нашего Феодосия.

Еще при жизни великого Феодосия, когда он игуменствовал и управлял порученным ему Богом стадом, то пекся он не только о единых черноризцах, но и о мирянах заботился, о душах их, как бы им спастись; особенно же о детях своих духовных, утешая и поучая приходящих к нему, а иногда и сам домой к ним приходил, чтобы дать благословение. И был некий благочестивый вельможа, духовный сын святого, по имени Ян. И вот однажды пришел Феодосии в дом к Яну и жене его Марии, а оба они были благочестивы и, по заветам божественного Павла, жили целомудренно, сохраняя супружескую верность. Потому-то и любил их блаженный Феодосии, что жили они по заповедям Господним и в любви меж собой пребывали.

И когда пришел он к ним, то стал учить их о милостыни к убогим, о Небесном Царствии, ожидающем праведников, и о муках грешников, и о смертном часе, и о многом говорил он еще от божественного Писания, в конце концов дойдя и до слов о том, когда положены будут тела их во гроб. Благочестивая жена Яна, выслушав поучения преподобного, спросила его: «Отче, честной Феодосии, кто знает, где меня похоро-

ня?» Богородица же Феодосии, даром пророческим исполненный, ответил ей: «Поистине возвещаю тебе — где мое тело положено будет, там и тебя через некоторое время погребут». И сбылось это через восемнадцать лет после представления святого. Преподобный Феодосии умер за восемнадцать лет до перенесения из пещеры тела его, а когда перенесли мощи святого, то тогда же, в этот год и месяц, преставилась жена Яна Мария, в шестнадцатый день месяца августа. И пришли черноризцы, отпели обычные песнопения, и принесли и положили тело ее в церкви Святой Богородицы Печерской напротив гробницы Феодосия, на левой стороне. Преподобный положен был четырнадцатого августа, а она — шестнадцатого.

Вот каков был досточудный этот муж — сбылось пророчество преподобного Феодосия, истинного пастыря, пасшего словесных овец нелицемерно, с кротостью и со вниманием наблюдая за ними и оберегая их, молясь за порученное ему стадо, и за всех православных христиан, и за землю Русскую. И по отшествии своем из сего света молится он за людей верных и за своих учеников, которые, взирая на его гробницу и вспоминая поучение его и воздержание, прославляют Бога.

Я же, грешный и недостойный раб его и ученик Нестор, недоумеваю, как достойно восхвалить доброе его житие и воздержание, но скажу хотя бы немного. Радуйся, отче наш и наставник, мирскую суету отвергнув и молчание возлюбив! Радуйся, послуживший Богу в тишине и в монашеском житии, преисполнившись божественным даром! Радуйся, отче, лощением вознесшийся, и плотские страсти возненавидевший, и мирские наслаждения и желания света сего отринувший! Радуйся, идущий по стопам высокомысленным вослед отцов, молчанием возвышаясь и смирением украшаясь, в словах книжных находя веселие! Радуйся, укрепившийся надеждой вечных благ, которые и восприял! Радуйся, преподобный, умертвивший плотское мудрствование, обличивший

беззаконие и мятеж усмиривший! Радуйся, козней и сетей бесовских избегший! Радуйся, что с праведными, отче, почил, восприяв за труды свои награду! Радуйся, будучи наставником отцов печерских, ты сам следовал святых отцов учению, и нраву, и воздержанию, и божественному их молитве предстоянию, более же всего подражал Великому Феодосию, обычаем и житием уподобившись житию его и следуя его привычкам, стремясь от одного дела к другому, лучшему, обычные молитвы к Богу вознося как благоуханный аромат, как ладан благовонный, кадилом молитвенным! Радуйся, победивший мирские похоти и миродержца-князя тьмы века сего! Радуйся, поправший сопротивника дьявола и козни его победивший, твердым помыслом оградившись от вражеских его стрел! Радуйся, укрепившийся оружием крестным: непобедимой верой и помощью Божьей!

Очестный пастырь Христова стада, богомудрый Феодосии! молись за нас и за меня, раба твоего Нестора, чтобы избавились мы от сети вражеской, и от дьявола охрани нас своими молитвами о Христе Иисусе, Господе нашем. Ему же подобает честь и слава и поклонение с безначальным Его Отцом, и с пресвятым, и благим, и животворящим Его Духом ныне, и присно, и во веки веков. Аминь!

*О ТОМ, КАК БЫЛА ОКОВАНА РАКА ПРЕПОДОБНОГО
ОТЦА НАШЕГО ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО.
СЛОВО 10*

Через некоторое время после кончины Феодосия захотел Георгий, сын Симона и внук Африкана, оковать гробницу преподобного отца Феодосия, что и сделал.

Послал он одного из подручных бояр своих, именем Василия, из города Суздаля в богоименитый город Киев, в Печерский монастырь, чтобы оковать гробницу преподобного Феодосия, и дал ему Георгий пятьсот гривен серебра и пятьдесят гривен золота на окование гробницы преподобно-

го. Василий взял деньги и нехотя отправился в путь; проклиная жизнь свою и день рождения своего, так говорил он в уме своем: «Что это задумал князь столько богатства погубить и какая награда ожидает его за то, что он окует гроб мертвеца, — но что даром получено, то даром и брошено. Хуже всех же мне одному, не смеющему послушаться господина. Чего ради я дом свой оставил, для кого в этот горький путь иду? И от кого честь приму: не к князю я послан и не к иному вельможе. Что я скажу, или разговаривать, что ли, стану я с этим гробом каменным, и кто ответит мне? Кто не посмеется моему безумному приходу?» Это говорил он своим спутникам, и многое другое.

Святой же явился ему во сне и кротко сказал: «О чадо, я хотел тебя вознаградить за труд твой; но если не покаешься, тяжкие ждут тебя испытания». Однако Василий не переставал роптать, и великую беду навел на него Господь за грехи его: кони все у них пали и все, что у них было, украли воры, кроме посланного с ними сокровища. Василий же открыл сокровище, посланное на окование раки святого, и взял оттуда пятую часть золота и серебра, и истратил на себя и на коней; и не уразумел он, что гнев претерпел за хулу свою.

И когда приехал он в Чернигов, то упал с коня и так разбился, что не мог и рукой пошевелить. Бывшие с ним положили его в ладью и привезли его под Киев, когда наступил уже вечер. И в ту же ночь явился ему святой, говоря: «Василий, не слышал разве ты Господа, говорящего: "Приобитай-те себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители". Хорошо уразумел сын мой Георгий слова Господа, сказавшего: "Кто принимает праведника во имя праведника, получит награду праведника". Ты же за труд свой увенчан был бы, и такой славы никто еще не устаивался, какую принял бы ты вместе с Георгием, ныне же всего этого лишился ты, однако не отчаивайся за жизнь свою. Но не иначе ты исцелишься, как

покаявшись в согрешении своем: прикажи, чтобы отнесли тебя в Печерский монастырь, в церковь Святой Богородицы, и пусть положат тебя на гробницу мою, и ты будешь здоров, а истраченное тобой золото и серебро найдешь целым». И все это наяву произошло с Василием в ту ночь, а не во сне, когда являлся ему преподобный Феодосий.

Утром же пришел к нему князь Георгий Владимирович со всеми боярами, и, видя его в столь горестном состоянии, опечалился за него и ушел.

Василий же поверил видению святого и велел свезти себя в Печерский монастырь. Когда они были уже на берегу, вошел некто неизвестный к игумену, говоря: «Скорее иди на берег, приведи Василия и положи его на гроб преподобного Феодосия, и, когда он отдаст сокровище, обличи его перед всеми, сказав, что он взял себе пятую часть из него, если же он покается, то верни ему». И сказав это, сделался невидим. Игумен стал искать, что за человек являлся ему, и никто не видал, ни как он входил, ни как вышел. Тогда игумен пошел к Днепру, ввел Василия на гору и положил его на гробницу святого, и встал Василий цел и здоров всем телом, и подал он игумену четыреста гривен серебра и сорок гривен золота. Игумен же сказал ему: «Чадю, а где еще сто гривен серебра и десять — золота?» Василий же начал каяться, говоря: «Я взял и растратил; подожди, отче, все тебе отдам; я хотел скрыть и не объявлять этого, думая утаить от всевидящего Бога». Тогда высыпали деньги из сосуда, в котором они были запечатаны, сосчитали перед всеми, и оказалось все сполна: пятьсот гривен серебра и пятьдесят — золота, — и все прославили Бога и святого Феодосия. И тогда начал Василий рассказывать все по порядку: явление святого и деяния его.

На другой день князь, взявши с собой лекарей, пришел в то место, где был прежде Василий, чтобы лечить

больного, и не застал его. Узнавши же, что Василия отвезли в Печерский монастырь, и подумав, что он уже умер, князь поспешно отправился в монастырь и нашел его здоровым, как будто он никогда и не болел. И, услышав от него о дивных чудесах, князь поразился, и, радостию духовной преисполнясь, поклонился чудотворному гробу великого Феодосия, и ушел из монастыря.

Узнав о случившемся, Симонович Георгий, тысяцкий, приложился еще больше душой к святой Богородице и святому Феодосию, и к обильному своему подаянию прибавил гривну, которую носил, весом в сто гривен золота, и написал так: «Я, Георгий, сын Симонов, раб Пресвятой Владычицы Богородицы и святого Феодосия, благословен был святою рукой его: некогда болел я три года глазами, так что и луча солнечного не видел, и по его слову исцелился, услышав из уст его: "Прозри", и прозрел. И вот поэтому пишу грамоту сию до последнего в роду моем, чтобы никто не был отлучен от дома Пресвятой Владычицы Богородицы и преподобных Антония и Феодосия. Если же кто и в крайнее убожество впадет и не сможет ничего дать, пусть будет положен в пределах церкви той: везде ведь молитва Антониева и Феодосиева помогает. Когда мы приходили с половцами на Изяслава Мстиславича, увидали мы издали ограду высокую и быстро пошли туда, а никто не знал, какой это город. Половцы же бились под ним и многие ранены были, и побежали мы от города того. После уже узнали мы, что это было село обители Святой Богородицы Печерской, а города тут никогда и не бывало, и сами, живущие в селе том, не знали о случившемся, и, лишь на другой день вышедши, увидали, что произошло кровопролитие, и подивились бывшему. Я пишу вам об этом потому, что все вы вписаны в молитву святого Феодосия; он обещал отцу моему Симону как о своих черноризцах, так и о нас молиться. Молитву эту велел отец мой, веря в обет святого, вложить в руку его, когда бу-

дет в гроб положен, и открыто явился он одному из тех богоносных отцов, и сказал ему так: "Передай сыну моему Георгию, что я получил все блага по молитве святого, постарайся и ты, сын мой, идти по моим следам добрыми делами". Если же кто не захочет молитвы и благословений святого отца Феодосия и уклонится от него, возлюбя проклятие, да получит возмездие». И вот поэтому правнуки Симона любовь имеют к храму святого Дмитрия, — у них в нем место свое есть, и если кто-нибудь из них лишится его, тот проклят своими прародителями и отцами, ибо своей волей такой отрекается от молитв, и благословения, и обещания преподобного отца Феодосия.

*ПОХВАЛА ПРЕПОДОБНОМУ ОТЦУ НАШЕМУ
ФЕОДОСИЮ, ИГУМЕНУ ПЕЧЕРСКОМУ, МОНА-
СТЫРЬ КОТОРОГО В БОГОСПАСАЕМОМ ГОРОДЕ
КИЕВЕ. СЛОВО 11*

Когда воздается похвала праведнику, то веселится народ. Радости и веселия наполнен день, когда муж праведный и преподобный оканчивает свой жизненный путь, когда успокоение трудам своим видит, когда, печаль оставив, к радости стремится, когда, землю оставив и земное все, на небеса идет, когда людей оставляет, и с ангелами водворяется, и Бога зреть сподобляется. В сей день преставился в жизнь вечную учитель наш, наставник и пастырь, великий среди отцов отец Феодосии, первый светильник, защитник и чудотворец земли Русской.

Где еще есть сей радости большая, чем то, что сподобились мы видеть отшествие к Господу отца и учителя нашего, принявшего венец нетления и близ престола Владыки предстоящего всегда и дерзновение имеющего молить о нас Владыку? Ведь радуется не только сын, но и рабы, видя гос-

подина своего в милости у земного царя за многие рати и победы над врагами царя. Мы же, сыновья и рабы господина своего, ликуем и радостно празднуем, восхваляя его подвиг и победу над духами нечистыми, и то, что он великую честь получил у Господа-вседержителя и для многих исходатайствовал жизнь вечную. И кто сможет достойно восхвалить или прославить земного ангела и небесного человека?

Люди, пребывающие во тьме и в глубокой тени, увидели свет веры через апостола нашего, посланного Богом, — князя Владимира: сам Бога познав святым крещением, он и нам Его открыл, покров неведения с душ наших сорвав; светлостью в Троице славимого Божества просвещены мы были. Другой же путь Христос своим ученикам указал, сказавши: «Всякий, кто оставит отца и мать, земли и жилища свои ради Имени Моего, получит во сто крат, а в будущей жизни наследует Царство Небесное». От кого же мы узнали сей путь и бремя легкое Иисусово и кто показал нам, как взять на себя крест и последовать за Христом? Только этот преподобный отец наш Феодосий! Были и прежде Феодосия уходящие от мирской жизни и шедшие трудным путем к спасению, но от него порядок и устройство всех в Руси монастырей происходят. Нет ведь никого другого, кто бы раньше него смог такое самоотречение проявить, как он с учителем своим, блаженным Антонием, ибо исполнил он притчу Господа, который сказал: «Если зерно пшеничное, падши в землю, не умрет, то одно останется; а если умрет, то много плода принесет». Умертвившись для всего мирского, ожил он во Христе и обильный плод принес, породив его духом и сохранив добродетелью своею и правдой, и умножил он талант, данный ему Богом, и сбылось, над ним сказанное Господом: «Добрый и верный раб, в малом ты был верен, над многим тебя поставлю». О таких, как он, сказал Христос: «Многие же будут последние первыми, а первые последними».

Сей, хотя и в нынешние времена явился, но крепость и любовь к Богу, которые в нем сияли, многих, прежде него бывших подвижников, превзошли. Уже в юном возрасте он земных благ гнушался и о небесном помышлял, от чрева матери был чистым сосудом для Святого Духа, невзлюбил он славу мира сего, нищету добровольно воспринял и во всем уподобился Господу своему. Красоты мимотекущие ни во что вменив, об одном только помышлял, — как бы прийти, предстать пред лицом Бога, наедине с Ним общаться в молитве. И от матери многие и жестокие истязания принял он, ибо этим хотел отвратить враг наш святого отрока от доброго помысла; предвидя, окаянный льстец, что от него побежден он будет, многие беды обрушил он на него. Благодать же Божия вела его туда, где, как солнце, воссиял он на тверди небесной, лучами своими просветив весь мир, и, видения не лишенный, предначертанное свыше принял, разумом восходя ежедневно на высшее, по апостолу, — «забывая заднее и вперед простираясь». Был он послушлив безмерно родившей его, но более того стремился исполнить божественные повеления; уразумев мудростью Духа Святого, что препятствуют заботы о мирском заповеди божественные исполнить, все отверг он и на бег устремился, помыслив в себе и говоря: «Лучше мать огорчить на малое время, пока наконец не даст ей Господь разум суетным пренебречь, нежели Царства Господнего лишиться».

Пришел он в город Киев, наставника ища и учителя, который ясно открыл бы ему путь божественный; и, долго искав, нашел, — не оставляет Господь без наград стремящихся к добру. Мужа чудного встретил он, совершенного в рассуждении, и многоразумного, и пророческим даром обладающего, которого звали Антоний. К нему пришел блаженный Феодосий, юный возрастом, разумом же старый, все поведенное ему учителем усердно исполнял он и больше того, и был, если сказать по Иову, — «око слепым и нога

хромым»); апостольское слово, в котором сказано: «Носите бремена друг друга и так исполните закон Христов», всегда в сердце держал. Сей же блаженный не за одного или за двух понес бремя, но всей братии служил и всем помощь оказывал. Многие из них покой обретали служением его. С помощью Бога, который даровал ему силу телесную, творил он это во все дни, и никогда службы церковной не пропускал и правила келейного никогда не нарушал, и к уставу монастырскому, который написал приходящим для доброго труда и благого послушания, с великим прилежанием относился. За это Господь и возвеличил его.

Тем же, кому он служил как самый последний из всех, и тот, кто всем слугой служил, над всеми ними пастырем, и отцом, и учителем поставлен он был. Когда князь перевел Варлаама-игумена из Печерского монастыря в другой, Феодосии, хотя он очень и не хотел этого, но не смея ослушаться своего учителя Антония и убедившись, что это Божье произволение, принял на себя игуменство неволею и еще большему труду предался, помышляя печься по мере сил своих о нуждах монастыря, а еще более того о духовном деле заботиться. И говорил себе святой Феодосии: «Приложи к трудам труды и к подвигам подвиги, а то как предстанешь перед своим Владыкой, если стада его в целости не сохранишь, или как скажешь: "Вот я и дети, которых Ты мне дал, Господи!"» После того все ночи без сна пребывал он, то на молитве стоя, то по келиям ходя и братию на молитву поднимая. И, в старейшинстве пребывая, не оставил он своих благих привычек: иногда воду носил, иногда же дрова колот, подавая собой пример всей братии. А когда приспевал великий пост, тогда воин Христов Феодосии от всех земных дел отстранялся, общение с людьми прекращал, уходил от братии и в пещере один затворялся, и, пребывая там все сорок дней великого поста наедине, с Богом через молитву беседовал. Кто сможет поведать его подвиги, и страдания, и рыдания слезные, и пост жестокий, и борьбу с лукавыми ду-

хами? А когда приближался светлый день Воскресения Господа нашего Иисуса Христа, тогда преподобный приходил как Моисей с горы Синайской, душою сияя ярче лица Моисеева, и во все годы жизни своей этого обычая он не нарушил.

В таком пребывании и откровения Божьего сподобился он и о дне исхода своего узнал, в который из сего света в жизнь бесконечную повелено ему уйти, и не утаил от друзей и учеников своих, что к Богу идет, и обещался молиться Богу о доме Пречистой Божьей Матери и о стаде чад своих до самого пришествия Господа Бога нашего. И как обещался, так и сделал.

И каких великих сподобился наград от Бога, такую и милость Господню подает нам во все времена и годы, приходя и посещая, обороняя и сохраняя и оберегая стадо свое от врагов душ наших. Кто, молив о спасении у гробницы святого, не получил надежды, или кто, призвав с верою имя его святое, не избавился от горести душевной и не исцелился от болезни телесной? Это нам апостол и проповедник, сей нам пастырь и учитель, сей нам вождь и руководитель, сей нам стена и ограда, похвала наша великая и дерзновение наше к Богу.

Сегодня нам, братья, радоваться и веселиться духовно подобает, и благоукрашаться, и праздновать радостно, имея пред очами нашими гробницу преподобного отца нашего Феодосия, в которую ныне положено многострадальное и святое тело, излучающее чудеса во все концы Русской земли. Эта гробница приняла сокровище бесценное, сосуд Святого Духа, орудие божественное, честное тело отца нашего и учителя. На нее смотря, как на самого взираем, ибо если и в гробе лежит святой, но духом с нами всегда и нас видит. Если по заповеди его живем и повеления его сохраняем, то радуется он и милостиво приближается к нам, хранит и блюдет нас, как детей возлюбленных; если же перестанем радеть о своем спасении и наставления его не сохраним, то и сами помощи его

лишимся.

О святой отче Феодосии! Сам восполни недостатки наши своими добродетелями, без твоей ведь помощи не сможем мы ничего благого свершить, и в день преставления твоего с любовью, вместе собравшись, зываем к тебе. Радуйся, просвещение Русской земли, ибо как утренняя звезда, на западе появившаяся и с востока воссиявшая, всю Русскую землю просветил ты! Радуйся, учитель и образец пути истинного, вождь, и путеводитель, и наставник иноческого жития! Радуйся, начальник и поборник, помощник и пособник хотящим спастись! Радуйся, умноживший стадо словесных овец в доме Божьей Матери-, какого ни одного ни до тебя, ни после тебя в земле нашей не было! Радуйся, насадитель виноградника Христова, побеги которого протянулись до моря и до рек разрослись ветви его, нет ведь стороны такой, ни места такого, где бы не было лозы виноградника твоего! Радуйся, откровения Божьегоместилище и строитель дома Пречистой Матери Божьей, который ты создал и великолепием украсил и в дар Богородице принес! Радуйся, умноживший талант Господу своему, от которого десять талантов получил и тысячу на них приобрел! Радуйся, на духовном пастбище сада Христова вскормивший множество словесных овец, с него же вкусивши, и иных земель овцы в доме Божьей Матери остались, и вместе с верными твоими детьми духовными соединились! Радуйся, источник сладкий, испив из которого, целые полки иноков божественную жажду утолили, и без труда путь жестокий прошли, и вселились при истоках вод превысочайших! Радуйся, пастырь и учитель, сберегший стадо от волка мысленного непорочным и невредимым, и начальнику пастырей, Христу, приведший его! Радуйся, столп огненный, светлее, чем явившийся при Моисее: тот освещал как свет обычный, ты же духовно просветил новых израильтян, через пустыню соблазна житейского провел их, и амалекитян мысленных духовными лучами устранил, и в землю обетованную вывел, скажу точнее, — в райские преде-

лы, где ученики твои ликуют! Радуйся, земной ангел и небесный человек, раб и слуга Пречистой Божьей Матери, которая не нашла другого, кроме тебя, строителя дома Своего, его же Она возлюбила и обещалась оказывать милость ему благодатию даров Своих, что и сбылось! Радуйся, отче Феодосии, наша слава и великолепие!

Лавра твоя славится тобою, и во всех концах вселенной почитается имя ее. Народы дивятся отцам, бывшим в ней, которые воссияли, как звезды, на тверди церковной: исполнителями заповедей Божиих явились они, чудотворцами стали, и даром пророчества Бог сподобил их, дар прозрения от Святого Духа восприняли и слова божественного были учителями. Приходили в нее цари и поклонялись князья, покорялись вельможи и трепетали сильные мира сего, ужасались иноязычники, видя людей небесных, по земле шествующих. И, как к престолу Господню, в дом Божьей Матери собирались иноки, воспевая песнь ангельскую беспрестанно; и с ангелами вместе сходились они у жертвенника Господня, одних ясно видя ангельский образ, с другими же мысленно и духовно беседовали и узнавали душой, когда приходили Божий ангелы; и многие из них въяве духов лукавых изгоняли и страшны были для них.

Таковы вот отрасли твоего виноградника, таковы ветви корня твоего, таковы столпы твоего храма, таковы дети, тобою порожденные, таковы отцы твоей лавры. Ибо, отче, подобает таким ученикам от такого учителя быть, ибо воистину истекла из уст твоих река Святого Духа, которую указал сам Христос, Сын Божий, когда сказал, уча иудеев: «Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой». Это же сказал Он о Духе, который хотели принять верующие в Него. Та река, нигде не останавливаясь, беспрестанно утоляет жажду чад своих до скончания лет. Ту реку изливая, апостолы привели все народы к Богу; из той реки пия, мученики пренебрегли плотью своей и предали тела свои

на истязание и на муки различные; из той реки пия, святые отцы оставили города и села, богатство и дома свои, и стали жить в горах, и в дебрях, и в пещерах земных; из той реки пия, ученики твои пренебрегли всем земным, и устремились к небесному, и получили то, к чему стремились, — вселились в селения Бога, где пребывают сонмы бесплотных. И вот мы, им последуя, пришли в дом Божьей Матери под твое покровительство и твою защиту, возложив все упование наше на Пречистую Деву Богородицу и на тебя, преблаженный отче Феодосии!

Если мы и не сподобимся идти путем первых твоих учеников, но помня, что сказали святые твои уста: «Если кто окончит жизнь свою в доме Пречистой Богоматери, уповая на мою помощь, хотя и не свершит подвигов, я это возьму и Бога умолю о них», — на эти слова надеясь, с мольбою призываем тебя. Сам знаешь, преподобный, хотя мы и молчим, что дни наши пропали в суетности мира этого, и, лишь образумившись, возложили мы на себя иго Христово, и пришли в дом Пречистой Владычицы нашей Богородицы, в ограду святую твою. Не предай же нас врагам душ наших, ибо ополчились они на нас, и пленяют нас беспрестанно, и различными помыслами поражают сердца наши, и совращают нас с пути Божьего разума, и побуждают нас стремиться к мимотекущему и тленному, и вконец низвергают нас в глубину греховную. Но тебя, кормчий, обрели мы, направь нас к пристани тихой, и бурю душевную успокой, и помолись за нас общему Владыке, чтобы подал Он нам слово, мысль и деяние на свершение всех заповедей Его. Если мы с пути заповедей Господних отклонились и по лености своей нарушаем устав монастырский, тобою составленный, то за нашу веру к Пречистой Деве и к тебе, отче святой Феодосии, да причтет нас Господь к сонму чад твоих, которые шествовали безупречно по стезям правды, и не отлучит нас от лицезрения сияющего Лица Своего, когда возьмет нас отсюда.

И еще при жизни нашей будь с нами и сохрани от многообразных козней и дел вражеских, которые отвлекают от Бога, молитвою своей помоги нам жить беспорочно и богоугодно, подними души наши, погрязшие из-за лености в земном, подай бодрость и крепость духовную и старые грехи отпусти. Хотя нерадение духа нашего все пересилило, но, имея тебя пособником и помощником и в лавре твоей находясь, надеемся с твоей помощью чистыми перед Богом предстать и не попасть во власть врагов видимых и невидимых. Сам ведь ты своим ученикам сказал, когда Богом повелено тебе было покинуть мир этот: «Да будет вам известно, чада, если по отшествии моем к Господу начнет в месте сем число иноков увеличиваться и монастырские достатки станут умножаться, то пусть это будет вам свидетельством, что угоден я Богу и молитва моя принята Им». Мы же, отче преподобный, достоверно знаем по равноангельскому житию твоему и по страстотерпческому твоему подвигу, что еще до исхода своего из сей жизни угоден ты был Вседержителю Богу. Еще сильнее по исходе своем ты подтвердил пророчество, что должно место это Пречистой Богородицы и твоя святая лавра процвести славою и величием. Ты сказал, что беспрестанно будешь молиться о святой обители своей, и свершилось истинное и неложное обещание твое, и после преставления твоего никем не захвачено и не разрушено было место твое, но с каждым годом росло и расширялось.

Когда же умножились грехи наши, и свершились беззакония наши, и злоба наша Бога прогневала, то тогда Божиим попущением, из-за грехов наших, разрушены были храмы и монастыри разорены были, и города пленены, и села опустошены народом неизвестным, народом немилостивым, народом бесстыдным, который Бога не боится, ничего человеческого в себе не имеет. И до сих пор мы в рабстве у них, и в обиде злой, и в муке лютой, и припадаем мы к тебе,

с мольбой взывая: простри руки свои с молитвой к Владычице Деве и Пречистой Богородице, да вспомнит Она милости Свои прежние об обители сей, которые Она даровала ей, и освободит нас от печали горькой, и отгонит врагов лукавых и хулителей нашей православной веры, и сделает неодолимой церковь Свою святую, которую Она Сама пожелала воздвигнуть в жилище Себе; пусть умножит Она стадо обители твоей и оказывает ей милость, как и раньше, соблюдая и укрепляя, заступаясь и храня от врагов видимых и невидимых, чтобы свободными мы стали духом и телом, чтобы в свете сем временном могли мы жить богоугодно, не обладаемые никем, кроме как Пречистой Богородицей и тобою, преподобный Феодосии, как и прежде отцы наши.

Зная о твоём милосердии, дерзнул я составить тебе похвалу, не потому, что я в силах достойную тебе похвалу написать, но надеясь награду от тебя получить, отче, и прощение грехов своих заслужить. Ибо прославили тебя небесные силы, приняли апостолы, приблизили к себе пророки, заключили в объятия мученики, вместе с тобой возрадовались святители, встретили сонмы черноризцев, возвеличила тебя и сама Царица Пречистая Мать Господа, и прославила, и сделала известным от одного конца вселенной до другого, верный раб Господен!

Как же я смогу достойно восхвалить тебя, греховные уста имея и порочный язык? Но не имея ничего, чтобы мог я принести тебе в день преставления твоего, приношу эту скромную похвалу, которая, как жалкий и зловонный ручей, вливаясь в просторы морские, не столько море наполняет, но от своего зловония очищается. Поэтому, о честной и святой отче, преподобный Феодосии, не прогневайся на меня, грешного, но помолись обо мне, рабе твоём, чтобы не осудил меня в день пришествия Своего Господь наш Иисус Христос, Ему же подобает слава с Безначальным Его Отцом и с Пресвятым, и благим, и животворящим Духом ныне и присно.

*О ПЕРВЫХ СВЯТЫХ И БЛАЖЕННЫХ ЧЕРНОРИЗЦАХ
ПЕЧЕРСКИХ, КОТОРЫЕ В ДОМЕ ПРЕЧИСТОЙ
БОЖЬЕЙ МАТЕРИ, В СВЯТОМ МОНАСТЫРЕ
ПЕЧЕРСКОМ, ПРОСИЯЛИ БОЖЕСТВЕННЫМИ
ДОБРОДЕТЕЛЯМИ, ПОСТОМ, БДЕНИЕМ И ДАРОМ
ПРОРИЦАНИЙ. СЛОВО 12*

Поистине предивное чудо, братия, проявилось в том, что собрал Господь воедино таких черноризцев в обители Матери Своей. Как пресветлые светила сияли они в Русской земле: одни были постниками, другие подвизались в бдении, иные в земных поклонах, некоторые постились через день или через два, иные питались лишь хлебом и водой, а другие только вареными или сырыми овощами, и все в любви жили: меньшие покорялись старшим и не смели при них говорить, и все это делали с покорностью и с великим послушанием; также и старшие имели любовь к младшим, наставляя и утешая их, как детей своих возлюбленных. И если какой брат впадал в какое-нибудь прегрешение, другие утешали его, и по великой любви своей епитимию, наложенную на одного, разделяли трое или четверо. Такова-то была божественная любовь меж той святой братией и такое воздержание и смирение. И если какой-нибудь брат уходил из монастыря, вся братия сильно печалилась о том, и посылали за ним, призывая в монастырь этого брата, чтобы он возвратился; и если возвращался такой брат, то шли к игумену, кланялись и просили за брата игумена, и принимали брата этого в монастырь с радостью. Вот какие были тогда черноризцы-постники, подвижники! Из них же вспомяну о некоторых чудных мужах.

Вот первый из них — Дамиан-пресвитер. Был он такой постник, что, кроме хлеба и воды, ничего не ел до самой смерти. И если когда кто-нибудь приносил больного ребенка, одержимого каким-либо недугом, в монастырь к преподоб-

ному Феодосию, то тот повелевал Дамиану сотворить молитву над больным. И тотчас, как он помолится и помажет елеем больного, то сразу выздоравливали приходящие к нему.

Когда разболелся блаженный Дамиан и, ожидая своей кончины, лежал в немощи, пришел к нему ангел в обличий Феодосия и обещал ему Царство Небесное за труды его. Вскоре затем пришел к нему и сам великий Феодосии с братией, и сели все у постели. Он же, взглянув на игумена, сказал: «Не забудь, отче, что ты мне обещал нынче ночью». И уразумел великий Феодосии, что тот видение видел, и сказал ему: «Брат Дамиан! Что я тебе обещал, то и сбудется». Он же закрыл очи и предал дух свой в руки Божий. Игумен же и вся братия похоронили тело его честно.

Был также и другой брат, Иеремия именем, который еще помнил крещение Русской земли, и был ему дан от Бога дар предсказывать будущее. Когда он прозревал в ком-нибудь дурные помыслы, то обличал его втайне и наставлял, как убежаться от дьявола, а если какой-нибудь брат задумывал уйти из монастыря, он, сразу же прийдя к нему, обличал замысел его и утешал брата; и если кому-нибудь предсказывал он — хорошее ли или дурное, — всегда сбывалось слово старца.

И еще другой брат, именем Матфей, был прозорлив. Однажды, стоя в церкви на месте своем, поднял он глаза и оглядел братию, стоящую по обеим сторонам клироса и поющую, и увидал, как по церкви ходит бес в образе ляха, держа под полой цветы шиповника, и бес вынимал из-под полы цветок и бросал на кого хотел. Если к кому-либо из стоявших иноков прилипал цветок, тот, немного постояв, начинал дремать, придумывал какую-нибудь причину, и уходил из церкви, чтобы поспать, и уже не возвращался до конца службы. Если же бросал на кого-либо другого из стоящих и к тому не прилипал цветок, то тот крепко оставался стоять на службе, пока не отпоют заутреню, и уже только после этого уходил в келью свою.

Был обычай у этого старца: отстоявши заутреню, когда уже братия расходилась по кельям своим, этот блаженный старец последним выходил из церкви. Однажды вышел он так и присел отдохнуть под билом, ибо келья его была далеко от церкви, — и вот видит он, как большая толпа идет от ворот. Поднял он глаза и увидел беса, сидящего, подбоченясь, верхом на свинье, а множество других идут около него. И спросил их старец: «Куда идете?» И сказал бес, сидевший на свинье: «За Михалем Тобольковичем». Старец же осенил себя крестным знамением и пошел в келию свою. А так как уже наступало утро, то уразумел старец видение и сказал ученику своему: «Пойди и спроси — в келий ли Михаль?» И сказали ему: «Он давеча, после заутрени, ушел за ограду монастырскую». И поведал старец о видении этом игумену и старейшей братии, и призвал игумен инока Михалю, и строго поучил его.

При этом преподобном Матфее представился блаженный игумен Феодосии, его место занял игумен Стефан, а после того — Никон, а старец все еще жил. Однажды, стоя на заутрене, поднял он глаза и увидел, что на игуменском месте стоит бес, — и уразумел старец, что еще не проснулся игумен.

И другие видения были ему, и почил старец о Господе в добром исповедании в Печерском святом монастыре.

*О БЛАЖЕННОМ НИФОНТЕ, ЕПИСКОПЕ
НОВГОРОДСКОМ, КАК В СВЯТОМ МОНАСТЫРЕ
ПЕЧЕРСКОМ, В БОЖЕСТВЕННОМ ОТКРОВЕНИИ,
ВИДЕЛ СВЯТОГО ФЕОДОСИЯ. СЛОВО 13*

Блаженный Нифонт был черноризцем Печерскофо монастыря и подражал житию святых отцов, и за свои многие добродетели поставлен был епископом Новгорода. Безграничную веру и любовь имел он к Пресвятой Богородице и к преподобным отцам печерским Антонию и Феодосию. Од-

нажды услышал он, что от вселенского патриарха идет на Русь митрополит Константин, и, духовной радости исполнившись, помыслил в душе, что сразу сможет два благих дела свершить: в доме Пречистой побывать и преподобным поклониться и благословение от святителя принять; и вот по этой причине пошел он в 6664 (1156) году в Киев. И пока оставался он там, ожидая прихода митрополита, стало ему известно, что митрополит уже вышел из Царьграда.

В то время Клим-митрополит стол святительский занял без благословения царьградского патриарха. И принуждал Клим блаженного епископа Нифонта совершать службу вместе с ним. Нифонт же сказал ему: «Раз ты не принял благословения от святого вселенского царьградского патриарха, то не буду ни служить с тобой, ни поминать тебя на святой службе, так как поминаю святого царьградского патриарха». И хотя Клим сильно гневался на Нифонта, подбивал князя Изяслава и своих сторонников осудить его, но не смог зла ему сотворить никакого.

Патриарх же Царьграда, узнав о нем, прислал к нему послание, в котором восхвалял его за величие разума и непреклонность и приравнивал его к древним святым, которые твердо стояли за православную веру. Он же, прочитав патриаршее послание, с еще большей крепостью утвердился, был же он в великой дружбе с князем Святославом Ольговичем, ибо прежде того Святослав княжил в Новгороде.

И вот, когда пребывал этот блаженный епископ Нифонт в святом Печерском монастыре, безграничную веру имея к преподобным, о чем уже говорилось выше, вскоре постигла его болезнь. И рассказал он о дивном видении. «Когда за три дня до своей болезни пришел я, — рассказывал он, — с заутрени, прилег ненадолго, то сразу же уснул чутким сном. И очутился я в Печерской церкви стоящим на месте Святоши, и стал я горячо со слезами молиться Пречистой Богородице, чтобы увидеть мне святого, преподоб-

ного отца нашего Феодосия. И когда собралось много братии в церковь, один из братии, подойдя ко мне, сказал мне: "Хочешь увидеть святого отца нашего Феодосия?" Я же ответил: "Очень хочу, если можешь сделать это, покажи мне его". И он, взяв меня за руку, ввел в алтарь и там показал мне святого отца Феодосия. Я же, увидев преподобного, от радости бросился к нему, пал ему в ноги и поклонился ему до земли. Он же поднял меня, благословил и, обняв руками своими, поцеловал меня и сказал: "Хорошо, что пришел, брат и сын Нифонт, теперь будешь с нами неразлучно". А в руке своей преподобный держал свиток, и я попросил его, он дал мне, я развернул и прочел. И было в нем в начале написано так: "Это я и дети, которых мне дал Бог". И проснулся я и теперь понимаю, что болезнь эта от Бога».

Болея же он тринадцать дней и почил с миром восьмого апреля, и Светлую неделю. И был положен честно в пещере Феодосиевой, прийдя к любимому, как и обещал ему Феодосии преподобный; вкупе они перед Владыкой Христом предстоят, наслаждаясь неизречимыми небесными красотами, и о нас, о своих чадах, молятся.

Таковы-то вот чудные мужи в том в святом Печерском монастыре были, так что многие из них апостолам уподобились и престолов их заместниками явились, о чем следующее слово в послании этом наглядно покажет нам.

*ПОСЛАНИЕ СМЕРЕННОГО ЕПИСКОПА СИМОНА
ВЛАДИМИРСКОГО И СУЗДАЛЬСКОГО К ПОЛИКАРПУ,
ЧЕРНОРИЗЦУ ПЕЧЕРСКОМУ СЛОВО 14*

Брат! Сидя в безмолвии, соберись с мыслями и скажи себе: «О, инок убогий, не ради ли Господа оставил ты мир и родителей своих?» Если же ты сюда пришел для спасения, а сам не духовное творишь, то ради чего облекся во иноческие

ризы? От мук тебя не избавят черные ризы. Знай, что почитают тебя здесь князь, и бояре, и все друзья твои, которые говорят о тебе: «Блажен он, что возненавидел мир сей и славу его, и поэтому уже не печется он о земном, помышляя только о небесном». Ты же не по-иночески живешь. Великий стыд за тебя охватывает меня! Что, если те, которые почитают нас здесь, предварят нас в Царствии Небесном и будут они упокоены, а мы в горьких муках возопием? И кто помилует тебя, самого себя погубившего?

Воспрянь, брат, и позаботься мысленно о своей, душе, служи Господу со страхом и не возносись в уме своем. Не будь таким, что нынче кроток, а завтра яр и зол; немного помолчишь, а потом снова ропщешь на игумена и его служителей. Не будь лжив — под предлогом телесной немощи от церковного собрания не отлучайся: как дождь растит семя, так и церковь влечет душу на добрые дела. Все, что творишь ты в келий, маловажно: Псалтырь ли читаешь, двенадцать ли псалмов поешь, — все это не может сравниться с одним соборным: «Господи, помилуй!» Вот что пойми, брат: верховный апостол Петр сам был церковь Бога живого, а когда был схвачен Иродом и посажен в темницу, не молитва ли церкви избавила его от руки Ирода? А Давид молился, говоря: «Одного прошу я у Господа и того только ищу, чтобы пребывать мне в доме Господнем во все дни жизни моей, созерцать красоту Господню и посещать святой храм Его». Сам Господь сказал: «Дом Мой домом молитвы наречется». «Где, — говорит Он, — двое или трое собраны во Имя Мое, там и Я посреди них». Если же соберется такой собор, в котором будет более ста братий, такому еще больше веруй, что тут Бог наш. И Его божественным огнем готовится пища их, я бы единую крупицу пищи этой предпочел всей моей нынешней трапезе. Свидетель мне в том Господь, что не вкусил бы я никакой еды, если б только был у меня ломоть хлеба и чечевица, приготовленные на святую ту братию.

Не делай же ты так, брат, чтобы ныне хвалить сидящих за трапезой, а завтра на повара и на служащего брата роптать, — этим ведь ты старейшему пакость делаешь и оказешься сам нечистоты вкушающим, как об этом в «Отечнике» написано. Ибо дано было увидеть одному старцу, как различалась одна и та же еда: хулящие пищу — ели нечистоты, а хвалящие — мед. Ты же, когда ешь или пьешь, славь Бога, потому что себе же вредит хулящий, о чем и апостол сказал: «Едите ли, пьете ли — все во славу Божию делайте». Терпи, брат, и досаждения: претерпевший до конца — спасется, такой и без труда спасется. Если случится, что кто-нибудь похулит тебя, а другой придет и расскажет, что такой-то зло порицал тебя, — ответь сказавшему тебе это: «Хотя он и укорял меня, но он мне брат, видно, я достоин того: он же не от себя делает так, а враг-дьявол подстрекнул его на это, чтобы посеять вражду между нами. Да прогонит Господь лукавого, а брата да помилует!» Говоришь, что он хулил тебя перед всеми: не скорби о том, чадо, и не поддавайся скорому гневу, но, падши, поклонись брату до земли и скажи: «Прости меня, брат!»

Исправь свои прегрешения и победишь тем всю силу вражескую; если же на укоризны будешь возражать, то только себе досадишь. Или ты больше Давида-царя? Его Семей поносил при всех, и один из слуг царя, не стерпев обиды царю своему, сказал: «Пойду, сниму с него голову: за что он, пес смердящий, проклинает господина моего, царя!» И что же Давид сказал ему? «О сын Саруш! Оставь его проклинать Давида, да увидит Господь смирение мое и воздаст мне добром за его проклятия». И больше того: подумай, чадо, как Господь наш смирил Себя, быв послушным, до самой смерти Своему Отцу: злословили на Него, и Он не противился; когда говорили, что Он одержим бесом, били Его по лицу, и заушали Его, и оплевывали, — Он не гневался, но даже за распинавших Его молился. Тому же и нас научил

Он: «Молитесь, — сказал, — за врагов наших, и добро творите ненавидящим вас, и благословляйте клянущих вас».

Довольно, брат, и того, что ты по своему малодушию сделал. Тебе теперь следует оплакивать то, что ты оставил было святой честной монастырь Печерский святых отцов Антония и Феодосия Печерских и святых черноризцев, которые с ними, и взялся игуменствовать у святых бессребренников Козьмы и Дамиана. Но ныне хорошо ты сделал, отказавшись от такого суетного начинания, и не поддался врагу своему, ибо это было вражие желание, которое погубило бы тебя. Или ты не знаешь, что дерево, если не поливать его и часто пересаживать, скоро засыхает? И ты, отлучившись от послушания отца и братии и оставивши свое место, вскоре погиб бы. Овца, пребывая в стаде, в безопасности, а отбившись от него, быстро погибает, и волк съедает ее. Следовало бы тебе сначала рассудить, чего ради хотел ты уйти из святого, и честного, и спасенного того места Печерского, в котором так благодатно всякому желающему спастись. Думаю, брат, что сам Бог устроил так, не терпя гордости твоей: Он извергнул тебя, как прежде сатану с отступниками, потому что не захотел ты служить святому мужу, своему господину, а нашему брату, архимандриту печерскому Акиндину. Печерский монастырь—это море, не держит оно ничего гнилого, но извергает вон.

А что писал ты ко мне про свои обиду, — горе тебе: погубил ты душу свою! Спрашиваю я тебя, чем ты хочешь спастись? Если и постник ты, и рассудлив во всем, и нищ, и сну не предаешься, а упреков не терпишь, то не узришь спасения. Но ныне радуется за тебя игумен и вся братия, и мы, слышав о тебе, все возрадовались о тебе и обретении твоём: ты пропал и нашелся. И еще раз поступил ты своевольно, а не по благословению игумена: снова захотел игуменствовать — у святого Димитрия, и не принуждал тебя к этому ни князь, ни я,— и вот ты вновь впал в искушение. Пойми же,

брат, что не угодно Богу твое старейшинство, для того и послал он тебе слабость зрения. Но ты не содрогнулся и не сказал, как бы следовало: «Благо мне, что смирил Ты меня, да научусь я уставам Твоим!» Убедился я, что ты санолубец и славы ищешь от людей, а не от Бога. Или не веруешь ты, окаянный, написанному: «Никто сам собой не приемлет чести, но призываемый Богом». Если же ты апостолу не веруешь, то и Христу не поверишь. Зачем ищешь ты сана от людей, а не от Бога, поставленным от Бога повиноваться не хочешь и думаешь о себе так высоко? Таковые в первые времена свержены были с Небес. «Разве я, — говоришь ты, — не достоин такого сана, что не могу принять его, или хуже я эконома этого, или его брата, который тоже начальствует?» Сам же, не получив желаемого, смуту сеешь, часто ходишь из келий в келию и ссоришь брата с братом, говоря бесполезное: «Или, говоришь, этот игумен и эконом этот думают, что только здесь и можно угодить Богу, а в другом месте и спастись нельзя? А мы, что же, ничего уж и не разумеем?» Все это дьявольские начинания, скудоумные твои измышления. Если же и сам ты получишь какую-нибудь почесть и займешь высокое место, не забывай смиренномудрия, и тогда, если случится тебе лишиться этого места, ты снова пойдешь по смиренному пути своему и не впадешь в различные скорби.

Пишет ко мне княгиня Ростиславова, Верховслава, что она хотела бы поставить тебя епископом или в Новгород, на место Антония, или в Смоленск, на место Лазаря, или в Юрьев, на место Алексея. «Я, говорит, готова до тысячи серебра издержать для тебя и для Поликарпа». И я сказал ей: «Дочь моя, Анастасия! Дело не богоугодное хочешь ты сотворить: если бы пребывал он в монастыре неисходно, с чистой совестью, в послушании игумена и всей братии, в совершенном воздержании, то не только облекся бы в святительскую одежду, но и Вышнего Царства достоин бы был».

А ты, брат, не епископства ли захотел? Доброе дело! Но послушай, что апостол Павел говорит Тимофею, и, прочитавши, ты поймешь, исполняешь ли ты сколько-нибудь то, что следует епископу. Да если бы ты был достоин такого сана, я не отпустил бы тебя от себя, но своими руками поставил бы со-престольником себе в обе епископии — во Владимир и в Суздаль, — как и князь Георгий хотел; но я воспрепятствовал ему в этом, видя твое малодушие. И если ты ослушаешься меня, захочешь власти, сделаешься епископом или игуменом, — проклятие, а не благословение будет на тебе! И после того не войдешь ты в святое и честное место, в котором постригся. Как сосуд непотребный, будешь ты извержен вон, и после много плакаться будешь, но безуспешно.

Не в том совершенство, брат, чтобы славили нас все, но чтобы правильно вести житие свое и чистым себя соблюсти. Поэтому-то, брат, из Печерского монастыря Пречистой Богоматери многие епископы поставлены были, как от Христа, Бога нашего, во всю вселенную посланы были апостолы, и, как светила светлые, осветили они всю Русскую землю святым крещением. Первый из них — Леонтий, епископ ростовский, великий святитель, которого Бог прославил нетлением, он был первопрестольник; его, после многих мучений, убили неверные, — это третий гражданин русского мира с теми двумя варягами увенченный от Христа, ради которого пострадал. Про Илариона же, митрополита, ты и сам читал в житии святого Антония, что им он пострижен был и святительства сподобился. Потом были епископами: Николай и Ефрем — в Переяславле, Исая — в Ростове, Герман — в Новгороде, Стефан — во Владимире, Нифонт — в Новгороде, Марин — в Юрьеве, Мина — в Полоцке, Николай — в Тмутарокани, Феоктист — в Чернигове, Лаврентий — в Турове, Лука — в Белгороде, Ефрем — в Суздале. Да если хочешь узнать всех, читай старую Ростовскую летопись: там

их всех более тридцати; а после них и до нас грешных будет, я думаю, около пятидесяти.

Разумей же, брат, какова слава и честь монастыря того! И, устыдившись и покаявшись, возлюби тихое и безмятежное житие, к которому Господь призвал тебя. Я бы с радостью оставил свою епископию и стал бы служить игумену в том святом Печерском монастыре. И говорю я это тебе, брат, не для того, чтобы возвеличить самого себя, а чтобы только возвестить тебе об этом. Святительства нашего власть ты сам знаешь. И кто не знает меня, грешного, епископа Симона, и этой соборной церкви, красы Владимира, и другой, Суздальской церкви, которую я сам создал? Сколько они имеют городов и сел, и десятину собирают с них по всей земле той, — и этим всем владеет наше ничтожество. И все бы это оставил я, но ты знаешь, сколь великое дело духовное лежит на мне, и молю Господа, да подаст Он мне благое время исполнить его.

Но ведает тайное Господь: истинно говорю тебе — всю эту славу и честь сейчас же за ничто посчитал бы, лишь бы колом торчать за воротами или валяться сором, попираемым людьми, в Печерском монастыре, или быть одним из убогих, просящих милостыню у ворот честной той лавры, — все это лучше было бы для меня временной сей чести. Один день пребывания в доме Божьей Матери лучше, чем тысяча лет обычной жизни, и в нем хотел бы я находиться, а не жить в селениях грешников. Поистине говорю тебе, брат Поликарп: где слышал ты о более дивных чудесах, чем те, какие свершались в святом Печерском монастыре? Где еще встречались столь блаженные отцы, озарившие все концы вселенной подобно лучам солнечным? О них же достоверно поведаю тебе этим писанием, в добавление к тем, о которых я тебе сказывал. И о том тебе, брат, расскажу, почему я имею такое усердие и веру к святым Антонию и Феодосию.

*СКАЗАНИЕ СИМОНА, ЕПИСКОПА ВЛАДИМИРСКОГО И
СУЗДАЛЬСКОГО, О СВЯТЫХ ЧЕРНОРИЗЦАХ
ПЕЧЕРСКИХ, О ТОМ, ПОЧЕМУ ДОЛЖНО ИМЕТЬ
УСЕРДИЕ И ЛЮБОВЬ К ПРЕПОДОБНЫМ АНТОНИЮ
И ФЕОДОСИЮ, ОТЦАМ ПЕЧЕРСКИМ. СЛОВО 15*

Слышал я предивную вещь от блаженных старцев печерских; они же говорили, что слышали от очевидцев этого чуда, случившегося во времена игуменства Пимена в Печерском святом монастыре.

Был там в это время муж, совершенный во всякой добродетели, именем Онисифор, пресвитер саном, и сподобился он от Бога дара прозорливости, так что видел согрешения человека всякого. Рассказывают и о других его подвигах, но я об одном расскажу.

Был у этого блаженного Онисифора сын духовный и любимый друг, некто из черноризцев, который лицемерно подражал житию этого святого: притворялся постником и целомудренником, втайне же ел и пил и жил распутно. И так проводил лета свои. И утаилось это от духовного того мужа, и никто из братий сего не знал.

В один день, совсем здоровый, внезапно он умер. И никто не мог приблизиться к его телу из-за смрада, исходящего от него. И напал страх на всех, и насилу вытащили его, но отпевания из-за смрада не могли над ним свершить. Положили тело в стороне и, ставши поодаль, творили обычное пение, иные же затыкали ноздри свои. И, внесши его внутрь пещеры, положили там, и пошел такой смрад, что и бессловесные твари бегали от той пещеры. Много раз слышался и вопль горький, словно кто-то мучил его.

И явился святой Антоний пресвитеру Онисифору, с гневом говоря ему: «Что это ты сделал? Такого скверного, и порочного, и лживого, и многогрешного здесь положил,

какого еще никогда не было положено, так что осквернил он святое место сие». Очнувшись от видения и пав ниц, Онисифор взмолился Богу, говоря: «Господи! зачем скрыл Ты от меня дела человека этого?» И приступил к нему ангел, и сказал: «В назидание всем согрешающим и не покаявшимся было это, чтобы, видевши, покаяться». И сказав сие, сделался невидим. Тогда пресвитер пошел и возвестил все это игумену Пимену. Потом в другую ночь то же увидел Онисифор: «Выбрось его скорее вон на съедение псам, — сказал Антоний, — недостойн он пребывать здесь». Пресвитер же снова стал молиться, и был к нему голос: «Если хочешь, — помоги ему».

Посоветовавшись с игуменом, решили насильно привести кого-нибудь, чтобы вытащить вон это тело и бросить его в воду, так как добровольно никто не мог приблизиться к той горе, где была пещера. И снова явился святой Антоний, и сказал: «Смиловался я над душой брата этого, потому что не могу нарушить обета моего: я обещался вам, что всякий, положенный здесь, помилован будет, хотя бы и грешен он. Ведь не хуже отцы, положенные со мною в пещере, тех, что были прежде закона и после закона, но угодили Богу. Молился я Господу моему и Пречистой Его Матери, и потому никто из монастыря этого не будет осужден на муку. Господь говорил ко мне, и я слышал голос Его: "Я тот, который сказал Аврааму: «ради двадцати праведников Я не погублю города сего»,— тем более тебя ради и тех, которые с тобою, помилую и спасу грешника: если здесь постигнет его смерть,— спасен будет"». Услышав это от святого, Онисифор возвестил все виденное и слышанное игумену и всей братии. Одного из них встретил и я, и он рассказал мне историю эту от тех первых черноризцев.

Игумен же Пимен в великом недоумении был из-за такого страшного события и со слезами молил Бога о спасении души брата. И было ему видение от Бога, и слышал он: «Так как уже здесь многие грешные положены были, и все проще-

ны были ради угодивших Мне святых, лежащих в пещере сей, и этого окаянного душу помиловал Я ради Антония и Феодосия, рабов Моих, и молитвою спасшихся с ними святых черноризцев. И вот тебе знамение прощения: смрад в благовоние превратился». Услышав это, игумен исполнился радости, созвал всю братию и, рассказав им о явлении, пошел с ними к пещере, чтобы увидеть случившееся, и обоняли все благоухание от тела умершего, а злосмрадия и вопля никакого не было слышно. И все насладились благоухания и прославили Бога и святых Его угодников, Антония и Феодосия, за спасение брата.

Оттого-то и я, грешный, епископ Симон, тужу, и скорблю, и плачу, чтобы только там положенным быть, в божественной той земле, и принять малую отраду от многих грехов моих, молитв ради святых отцов, о Христе Иисусе, Господе нашем. Ему же слава ныне.

О БЛАЖЕННОМ ЕВСТРАТИИ-ПОСТНИКЕ. СЛОВО 16

Некий человек пришел из Киева в пещеру, желая стать черноризцем; и повелел игумен его постричь, и дал имя ему Евстратий. Он же роздал все имение свое убогим, оставив немного ближним своим, чтобы они за него раздавали. Был же этот черноризец Евстратий постник и послушлив всем.

Этот блаженный с другими христианами взят был в плен, и продали его со многими другими одному иудею. Поучая и умоляя пленников, он наставлял их, говоря: «Братия, вы, которые крестились и в Бога веруете, не будьте отступниками от обета, данного при святом крещении. Христос нас искупил от проклятия и освятил водою и духом, сынами и наследниками нас сотворил: так что, если умрем, — в Господе умрем; если же жить будем, — исполним службу нашу; если за Христа умрем — то смертию жизнь купим и Христос жизнь вечную даст нам».

Через несколько дней стали умирать пленники, мучимые голодом и жаждой: иные через три дня, иные через четыре, другие через семь дней, крепкие же — через десять, и так все скончались от голода и жажды. Было же их числом пятьдесят: из монастырских работников тридцать, да из Киева двадцать.

По прошествии же четырнадцати дней остался в живых один только Евстратий, потому что был он постником с самых юных лет. Иудей же, видя, что монах этот был виновником гибели золота его, которое он уплатил за пленных, решил принести его в жертву на Пасху свою. Когда наступил день Воскресения Христова, надругался он над святым Евстратием так, как, по писаному в Евангелии, надругались иудеи над Господом нашим, Иисусом Христом: пригвоздил этого блаженного к кресту. А тот славил Бога на кресте и оставался жив и в пятнадцатый день.

Иудеи же говорили ему: «Безумец, прими наш закон и будешь жив: ведь Моисей от Бога принял закон, который дал нам, и вот в книгах сказано: "Проклят всякий, висящий на древе"». Инок же сказал: «Великой благодати сподобил меня Господь — в нынешний день пострадать. И скажет он мне, как и разбойнику: "Ныне же будешь со мною в раю". Он Сам уничтожил закон и ввел благодать. Это о Нем сказал Моисей: "Увидите жизнь вашу, висящую пред очами вашими"; Давид же: "Пригвоздили руки Мои и ноги Мои", и еще: "Разделили ризы Мои между собой и об одежде Моей метали жребий". О нынешнем же дне говорит: "Вот день, который сотворил Господь! Возрадуемся и возвеселимся в день этот". Ты же и другие иудеи с тобой заплачете ныне и зарыдаете: пришло вам время дать ответ Богу за кровь мою и кровь всех христиан, потому что субботы ваши возненавидел Господь и преложил праздники ваши в сетование, ибо убит начальник вашего беззакония».

Иудей же, слыша, как распятый поносит его, взяв копье,

пронзил его, и тот предал душу свою Господу. И видели все, как в огненной колеснице несли душу преподобного огненные кони, и раздался голос, говоривший по-гречески: «Вот добрый гражданин небесного града!» И потому протострато-ром зовется он в поминании вашем.

И вдруг в тот же день пришло об иудеях повеление от царя, чтобы изгнать всех иудеев, отнявши у них имение, а старейшин их казнить. Случилось же вот что. Некий иудейнин, богатый и отважный, крестился, и ради этого приблизил его к себе царь и вскоре назначил его епархом. Он же, получив сан, втайне оставался отступником от Христа и Его веры и дал свободу иудеям по всему царству Греческому покупать себе христиан в рабство. И обличен был этот нечестивый епарх и убит, как предсказал блаженный Евстратий, и с ним все иудеи, которые зимовали в Корсуни; а у того иудея, который замучил блаженного, отняли имение и самого повесили. «Обратилась злоба его на главу его, и на его темя злодейство его пало».

Тело же святого было брошено в море, где множество чудес свершается им. Верные искали его святые мощи, но не нашли, не от людей, а от Бога желал славы святой. Окаянные же иудеи, видев страшное чудо, крестились.

О СМИРЕННОМ И МНОГОТЕРПЕЛИВОМ НИКОНЕ- ЧЕРНОРИЗЦЕ. СЛОВО 17

Другой инок, именем Никон, был также взят в плен, и держали его в оковах. И пришел некто из Киева выкупить его. Но он не радел о том, хотя и был из знатных людей города. Христолюбец же тот, выкупив многих других пленников, возвратился домой. Услышавши об этом, родственники Никона со многим богатством пошли выкупать его. Инок же сказал им: «Не тратьте всеу богатства вашего. Если бы хотел Господь, чтобы я был свободным, то не предал бы он меня в

руки этих людей незаконных и самых коварных во всей земле. Господь сказал: "Я предаю в плен и священников". Благое приняв от руки Господней, — неужели не стерпим зла?» Родственники же, укоряя его, ушли, унося с собой большое богатство.

Половцы же, видя, что не осуществилось их желание, начали мучить инока без всякой милости. Три года каждый день издевались над ним и связывали его, бросали в огонь, резали ножами, с закованными руками и ногами оставляли под палящим солнцем, голодом и жаждой морили; так что он иногда день, иногда два и три оставался без всякой пищи. И за все это благодарил он Бога и молился беспрестанно. Зимой же на снег и на мороз выбрасывали его. Все это делали окаянные половцы, чтобы он дал за себя большой выкуп. Он же сказал им: «Христос даром избавит меня от рук ваших; я уже получил извещение об этом: являлся мне брат мой, которого вы продали иудеям на распятие. Осудятся они с сказавшими: "Возьми, возьми, распни Его, кровь Его на нас и на детях наших", — вы же, окаянные, вечно будете мучиться с Иудею, как предатели нечестивые и незаконники. И вот что сказал мне святой Герасим: "Через три дня ты будешь в монастыре по молитвам святых Антония и Феодосия, и святых черноризцев, и всех, кто с ними"». Услышав же это, половчанин подумал, что тот бежать хочет, и подрезал ему голени, чтобы он не убежал, и крепко стерегли его. В третий же день все с оружием в руках сидели около него, — вдруг в шестом часу он сделался невидим, и все услышали голос, произнесший с небес: «Хвалите Господа!»

И так перенесен был он невидимо в Печерскую церковь Пресвятой Богородицы в то время, когда начали петь канон. И стеклась к нему вся братия, и спрашивали его, как он сюда пришел? Он же сперва хотел утаить преславное то чудо. Но все видели на нем железа тяжкие, и раны неисцелимые, и все тело, гноившееся от ран, и сам он был в оковах,

и кровь еще капала из перерезанных голеней, и не поверили ему.

Наконец поведал он им истину и не давал снять оков с рук и ног своих. Игумен же сказал: «Брат, если бы хотел Господь в беде тебя оставить, то не вывел бы Он тебя оттуда, теперь же подчинись воле нашей». И, снявши с него оковы, перековали их на вещи, нужные для алтаря.

Спустя долгое время половчанин, державший в плену этого блаженного, пришел в Киев для переговоров о мире, и зашел он в монастырь Печерский. И увидел тут этого старца, и рассказал о нем все игумену и братии, и после того уже не вернулся назад, но вместе с родом своим принял крещение и сделался иноком; и здесь, в монастыре, окончили они жизнь свою в покаянии, служа пленнику своему, и положены в своем притворе.

И о многих других деяниях того блаженного Никона рассказывают; о них нет времени теперь писать, но об одном я все же тебе расскажу. Когда был в плену этот блаженный, заболели однажды пленники от голода и нужды. И велел им блаженный ничего не принимать в пищу от поганных, сам же, в узах, молитвою всех исцелил, и бежали они, став невидимыми.

Однажды, когда тот половчанин стал умирать, велел он женам своим и детям распать над его могилой Никона. Тогда блаженный помолился и исцелил его: он провидел его будущее покаяние и себя избавил от горькой смерти. Этот Никон «Сухим» именуется в поминании нашем: истек он кровью, сгнил от ран и иссох.

К Поликарпу. Как смогу я, брат, достойно прославить святых мужей, бывших в честном том и блаженном монастыре Печерском?! Ради добродетельного жития их и поганные крестились, и монахами становились, — так, ради того блаженного Христова мученика Герасима Евстратия иудеи крестились, а ради этого страстотерпца Никона половцы сде-

лались иноками. Многое же, и больше этого, слышал ты от меня, грешного епископа Симона, худшего из епископов, недостойного быть подножием тех святых черноризцев; да их, думаю, и весь мир недостойн, и нет такого книжника, который бы мог описать все чудеса их. Это им сказал Господь: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца Небесного». Что же может нарушить наш обет, переменить жизнь нашу, с такой высоты в глубину житейскую павших? Ведь мы начальников и наставников имеем, равных бесплотным, первых молитвенников и ходатаев пред Творцом, подобных ангелам, мученическими венцами увенчанных!

*О СВЯТОМ СВЯЩЕННОМУЧНИКЕ КУКШЕ
И О ПИМЕНЕ ПОСТНИКЕ. СЛОВО 18*

Как добровольно можно умолчать об этом блаженном черноризце того же Печерского монастыря, священномученике Кукше, о котором всем известно, как он бесов прогнал, и вятичей крестил, и дождь с неба свел, и озеро иссушил, и много других чудес сотворил, и после многих мучений убит был с учеником своим. В один день с ними скончался и блаженный Пимен Постник, который предсказал за два года свое отшествие к Господу, и о многом другом пророчествовал, и недужных исцелял. И вот посреди церкви, во всеулышание, сказал он: «Брат наш Кукша нынче на рассвете убит». И сказавши это, умер в одно время с теми двумя святыми.

К Поликарпу поучение. Не стану я много говорить тебе о святых. Если не довольно тебе моей беседы, того, что ты слышал из уст моих, то и мое писание не убедит тебя; если этому не веруешь, то и тому, что человек из мертвых воскрес, — не поверишь.

*О СВЯТОМ АФАНАСИИ ЗАТВОРНИКЕ,
КОТОРЫЙ УМЕР, А НА ДРУГОЙ ДЕНЬ СНОВА ОЖИЛ И
ПРОЖИЛ ПОТОМ ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ. СЛОВО 19*

Вот что еще случилось в том святом монастыре. Брат один, именем Афанасий, проводивший жизнь святую и богоугодную, после долгой болезни умер. Два брата омыли тело его мертвое и ушли, спеленав его, как подобает покойника. Случайно пришли к нему другие иноки, но, увидя, что он умер, также ушли. И оставался покойник весь день без погребения: был он очень беден, и никаких сбережений не имел, и потому был в небрежении: богатым-то всякий старается послужить как в жизни, так и при смерти, чтобы получить что-нибудь в наследство.

Ночью же явился некто игумену, говоря: «Человек божий этот второй день лежит непогребенным, а ты веселишься». Узнавши об этом, игумен утром со всею братнею пришел к умершему, и увидели его сидящим и плачущим. И ужаснулись все, видя, что он ожил, и стали спрашивать его: «Как ты ожил и что видел?» Он же не отвечал ничего и повторял только: «Спасайтесь!» Они же умоляли его рассказать о случившемся, говоря, что и им это будет на пользу. Он же сказал им: «Если я вам расскажу, не поверите мне». Братия же поклялась ему: «Соблюдаем все, что бы ты ни сказал нам». Тогда он сказал им: «Во всем слушайте игумена, во всякое время кайтесь, молитесь Господу Иисусу Христу, и Пречистой Его Матери, и преподобным Антонию и Феодосию, чтобы окончить вам жизнь здесь и сподобиться погребения в пещере, со святыми отцами. Вот три самые важные вещи из всего, если только исполнять все это по чину, не возносясь. Более не спрашивайте меня ни о чем, и молно вас простить меня».

После этого ушел он в пещеру, заложил за собой дверь и пробыл в ней, никогда и ни с кем не говоря, двенадцать

лет. Когда же пришло время преставления его, он, призвав всю братию, повторил сказанное прежде о послушании и о покаянии, добавив: «Блажен, кто здесь сподобится положенным быть». И, сказав это, почил с миром о Господе.

Был же между братией некто, уже много лет страдавший болью в ногах; и принесли его к умершему; он же обнял тело блаженного и исцелился с того часа, и до самой смерти никогда уже не болели у него ни ноги, ни что другое. Имя этому исцелившемуся — Вавила. И вот что он рассказал братии: «Лежал я, — рассказывал он, — и стenal от боли, и вдруг вошел этот блаженный и сказал мне: "Приди, я исцелю тебя". Я же хотел его спросить, когда и как он сюда пришел, но он мгновенно сделался невидим». И уразумели все после этого, что угодил он Господу: не выходил он из пещеры и не видел солнца двенадцать лет, плакал беспрестанно день и ночь, ел немного хлеба и чуть-чуть пил воды, и то через день. И это слышал я от самого Вавилы, исцеленного им.

Если кому невероятным покажется то, о чем я пишу, пусть прочтет жития святых отцов наших Антония и Феодосия, зачинателей русских монахов, и тогда уверует. Если же и тогда не переубедится, не его вина: должно сбыться притче, сказанной Господом: «Вышел сеятель сеять семя свое, и иное упало при пути, другое в терние» — в сердца тех, кто лишь заботами житейскими поглощен, о них же пророк сказал: «Окаменело сердце людей сих, и им трудно слышать ушами»; другой же: «Господи, кто поверит слышанному о нас?»

К Поликарпу. Ты же, брат и сын мой, не следуй их примеру; не для них пишу я это, но чтобы тебя приобрести. Совет же даю тебе: благочестием утвердись в святом том монастыре Печерском, не желай власти, ни игуменства, ни епископства: довольно тебе для спасения окончить жизнь свою в нем. Ты сам знаешь, что много подобного могу я рассказать тебе из разных книг; но лучше, и для тебя будет по-

лезнее, если я расскажу даже малое из того многого, что слышал о содеявшемся в том божественном и святом монастыре Печерском.

*О ПРЕПОДОБНОМ СВЯТОШЕ, КНЯЗЕ
ЧЕРНИГОВСКОМ. СЛОВО 20*

Этот блаженный и благоверный князь Святоша, в иночестве Николай, сын Давыда, внук Святослава, уразумев обманчивость этой суетной жизни, и что все, что здесь, протекает и проходит мимо, будущие же блага непреходящи и вечны, и бесконечно Царство Небесное, приготовленное Богом, любящим его, — оставил княжение, и честь, и славу, и власть, и все то ни во что вменив, пришел в Печерский монастырь и сделался иноком в 6614 (1106) году, февраля 17.

Все бывшие при нем черноризцы были свидетелями его добродетельного жития и послушания. Три года пробыл он на поварне, работая на братию; своими руками колол дрова для приготовления пищи, часто с берега на своих плечах носил дрова; и с трудом братья его, Изяслав и Владимир, отговорили его от такого дела. Однако этот истинный послушник с мольбою упросил, чтобы ему еще один год поработать в поварне на братию. После же этого, так как во всем был он искусен и совершенен, приставили его к*монастырским воротам, и пробыл он тут три года, не отходя никуда, кроме церкви. После этого велено ему было служить в трапезной. Наконец волею игумена и всей братии принудили его завести свою келию, которую он сам и построил, и доньше эта келия зовется «Святошиной», как и сад, который он своими руками насадил.

Говорят также о нем и то, что во все годы монашества его никто никогда не видал его праздным: всегда в руках у него было рукоделье, чем он и зарабатывал себе на одежду. На устах же его постоянно была молитва Иисусова, беспрестанно повторяемая: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий,

помилуй меня!» Никогда не вкушал он ничего иного, кроме монастырской пищи; хотя он и много имел, но все то на нужды странников и нищих отдавал и на церковное строение. Книги же его многие сохранились и донине.

Еще во время княжения имел этот блаженный князь Святоша лекаря весьма искусного, именем Петра, родом сирийца, который пришел с ним в монастырь. Но этот Петр, видя его добровольную нищету, службу на поварне и у ворот, ушел от него и стал жить в Киеве, врачуя многих. Он часто приходил к блаженному и, видя его во многом злострадании и безмерном ношении, увещевал его, говоря: «Княже, следовало бы тебе подумать о своем здоровье, чтобы не погубить плоть свою безмерным трудом и воздержанием: ты когда-нибудь изнеможешь так, что не в силах будешь нести лежащее на тебе бремя, которое сам принял на себя Бога ради. Не угоден ведь Богу сверх силы пост или труд, а только от сердца чистого и раскаявшегося; ты же не привык к такой нужде, какую переносишь теперь, работая как подневольный раб. И благочестивым твоим братьям, Изяславу и Владимиру, в великую укоризну нищета твоя. Как ты от такой славы и чести мог дойти до последнего убожества, ведь ты изнуришь тело свое и в болезнь впадешь из-за такой неподходящей пищи. Дивлюсь я твоему чреву, которое раньше отягощалось сладкой пищей, а теперь, сырые овощи и сухой хлеб принимая, терпит. Берегись! Когда-нибудь недуг охватит тебя всего, и ты, не имея крепости, скоро жизни лишишься, и нельзя уже мне будет помочь тебе, и повергнешь ты в плач неутешный братьев своих. Вот также и бояре твои, некогда служившие тебе, думали когда-нибудь сделаться чрез тебя великими и славными; ныне же лишены твоей любви и пеняют на тебя: поставили себе дома большие, а теперь сидят в них в великом унынии. Ты сам не имеешь куда голову приклонить, сидя на этой куче мусора, и многие считают, что ты лишился ума. Какой-нибудь князь поступал так? Блаженный ли отец твой, Да-

выд, или дед твой, Святослав, или кто из бояр делал это, или хотя желание имел идти по этому пути, кроме Варлаама, бывшего здесь игуменом? И если ты меня не слушаешь, то прежде Божьего суда осужден будешь».

Так вот, и неоднократно, говорил он ему, иногда в поварне с ним сидя, иногда у ворот, подученный на это братьями его. Блаженный же отвечал ему: «Брат Петр! Много размышлял я и решил не щадить плоти своей, чтобы снова не поднялась во мне борьба: пусть под гнетом многого труда смирится она. Ведь сказано, брат Петр, что силе совершаться подобает в немощи. Нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас. Я же благодарю Господа, что освободил Он меня от мирских забот и сделал слугой рабам Своим, этим блаженным черноризцам. Братья же мои пусть о себе подумают: каждый свое бремя должен нести и доволен с ним и моей властью. Все же это: жену, и детей, и дом, и власть, и братьев, и друзей, и рабов, и села, — оставил я ради Христа, чтобы чрез то сделаться наследником жизни вечной. Я обнищал ради Бога, чтобы Его приобрести. Да и ты, когда врачуешь, не воздерживаться ли велишь в пище! Для меня же умереть за Христа — приобретение, а на мусорной куче сидеть, подобно Иову, — царствование. Если же ни один князь не делал так прежде меня, то пусть я послужу примером им: может быть, кто-нибудь из них поревнует этому и последует за мной. До прочего же тебе и научившим тебя дела нет».

Когда бывал болен этот блаженный, лекарь, видя то, начинал готовить лекарственное зелье против той болезни, которая тогда случалась — огненного ли жжения или болезненного жара, но прежде чем он приходил, князь уже выздоравливал и не давал лечить себя. И много раз так бывало. Однажды разболелся сам Петр, и Святоша послал к нему, говоря: «Если не будешь пить лекарства, — быстро поправишься, если же не слушаешься меня, — много страдать

будешь». Но тот, рассчитывая на свое искусство и думая избавиться от болезни, выпил лекарство и едва жизни не лишился. Только молитва блаженного и исцелила его.

Снова разболелся лекарь, и святой послал объявить ему: «В третий день ты выздоровеешь, если не будешь лечиться». Послушался его сириец и в третий день исцелился по слову блаженного. Призвав же его, святой велел ему постричься в монахи и сказал: «Через три месяца я отойду из этого мира». Говорил же он это, предсказывая смерть Петру. Сириец Петр, не уразумев же того, что это с ним должно случиться, пал к ногам князя и со слезами стал говорить: «Увы мне, господин мой и благодетель мой, дороже мне самой жизни! Кто посмотрит на меня, чужеземца, кто напичкает многих людей, нуждающихся в пище, и кто будет заступником обиженных, кто помилует нищих? Не говорил ли я тебе, о княже, что оставишь ты по себе плач неутешный братьям своим? Не говорил ли я тебе, о княже, что ты меня не только словом Божиим и силою Его исцелил, но и молитвою своею? Куда же теперь отходишь, пастырь добрый? Открой мне, рабу своему, язву смертную, и, если я не вылечу тебя, пусть будет голова моя за голову твою и душа моя за душу твою! Не отходи от меня молча, открой мне, господин мой: откуда тебе такая весть, да отдам я жизнь мою за тебя. Если же известил тебя Господь о том, моли Его, чтобы я умер за тебя. Если оставляешь ты меня, то где сесть мне, чтобы оплакать свою утрату; неужели на этой мусорной куче, или в воротах этих, где ты живешь? Что достанется мне в наследство из твоего богатства? Ты сам почти наг, и когда умрешь, то положат тебя в этих заплатанных рубищах. Подари же мне твою молитву, как в древности Илия Елисею милость, чтобы проникла она в сердце мое и дошел я до райских мест крова дивного дома Божия. Знает и зверь, где скрыться, когда взойдет солнце, и ложится в логовище свое, и птица находит себе дом, и горлица гнездо себе, в котором кладет птенцов своих, — ты же шесть лет живешь в монастыре, и

места своего нет у тебя».

Блаженный же сказал ему: «Лучше уповать на Господа, нежели надеяться на человека: ведает Господь, как пропитать всю тварь и может защищать и спасать бедных. Братья же мои пусть не обо мне плачут, а о себе и о детях своих. В врачевании же я и при жизни не нуждался, а мертвые не оживают, и врачи их воскресить не могут». И пошел он с ним в пещеру, вырыл могилу себе и сказал сириянину: «Кто из нас сильнее возжелает могилу сию?» И сказал сириец: «Пусть будет, как кто хочет, но ты живи еще, а меня здесь положи». Тогда блаженный сказал ему: «Пусть будет, как ты хочешь». И так постригся сириец, и три месяца день и ночь пребывал в постоянном плаче. Блаженный же утешал его, говоря: «Брат Петр! Хочешь ли, я возьму тебя с собою?» Он же со слезами отвечал ему: «Хочу, чтобы ты отпустил меня, и я за тебя умру, ты же молись за меня». И сказал ему блаженный: «Дерзай, чадо, и будь готов: через три дня умрешь». И вот, причастился тот божественных и животворящих, бессмертных тайн, лег на одр свой, оправил одежды свои и, вытянув ноги, предал душу в руки Господа.

Блаженный же князь Святоша жил после того тридцать лет, не выходя из монастыря до самого преставления в вечную жизнь. И в день преставления его чуть ли не весь город пришел.

И когда узнал об этом брат Святоши, то прислал с мольбой к игумену, прося себе на благословение крест от парамана Святоши, подушку и кладку его, на которой он преклонял колена. Игумен дал это князю, сказав: «По вере твоей да будет тебе!» Князь же, приняв дар, бережно хранил его и дал игумену три гривны золота, чтобы не безвозмездно взять знамение братнее. Этот Изяслав однажды так разболелся, что все уже отчаялись за него и считали, что он при смерти, и сидели возле умирающего жена его, и дети, и все бояре. Он же, приподнявшись немного, попросил воды из печерского колодца и оне-

мел. Послали и набрали воды; игумен же, взяв власяницу Святошину, отер ею гроб святого Феодосия и велел облечь в нее князя, брата Святоши. И еще прежде чем вошел несший воду и власяницу, князь вдруг проговорил: «Выходите скорей за город встречать преподобных Феодосия и Николу». Когда же вошел посланный с водой и власяницей, князь воскликнул: «Никола, Никола Святоша!» И дали ему пить, и облекли его во власяницу, и он тотчас выздоровел. И все прославили Бога и угодников Его. И всякий раз, как Изяслав заболел, то облачался он в эту власяницу и так выздоравливал. Во всех битвах надевал он эту власяницу на себя и оставался невредим. Однажды же, согрешивши, не посмел надеть ее и был убит в битве; и завещал он в той власянице похоронить себя.

И о многих других деяниях этого святого рассказывают. И доныне еще знают черноризцы печерские о блаженном князе Святоше.

К Поликарпу. И опять к тебе обращаю я слово. Свершил ли ты что-нибудь подобное? Богатство ли оставил? — но ты не имел его. Славу ли? — но ты не пользовался ею, а от убожества можно к славе прийти и ко всему доброму. Подумай об этом князе — такого ни один князь на Руси не сделал: по своей воле никто не вступил в иночество. Воистину он выше всех князей русских! Что же значат твои обиды перед его власяницей? Ты вот к нищете призван, а нарядными одеждами украшаешься, и за то лишен будешь нетленной одежды и, как не имеющий брачной ризы, то есть смирения, — осудишься. Вот что пишет блаженный Иоанн в своей Лествице: «Иудей радуется субботе, чтобы по закону отпраздновать ее едой». И ты, подобаясь ему, заботишься о питье и о еде, и в том полагаешь свою славу. Послушай блаженного Евагрия: «Монах если согрешит — не имеет праздника на земле». Не насыщай тела своего, чтобы не стало оно твоим супостатом, но и не начинай подвига выше меры: если не осилишь — только укоризну себе примешь. Подражай святым отцам и не лишишься боже-

ственной славы. Если не удостоишься быть увенчанным с совершенными, то хотя бы с угодившими Богу старайся удостоиться похвалы. Вчера вступив в монашество, ты уже даешь обеты и, не привыкнув к иноческой жизни, хочешь епископства, и законодателем строгим показываешь себя; сам не выучившись покорности, всех смирить хочешь; мудствуешь о высоком, с гордынею повелевая и с дерзостью возражая. Все это привык я слышать из уст твоих, потому что помышляешь ты о земном, а не о небесном; о плотском, а не о духовном; о страстях, а не о воздержании; о богатстве, а не о нищете. От света отступил ты и во тьму впал; блаженство отверг и муку вечную себе уготовил, и, вооружившись на врага, то оружие в свое сердце вонзил. Воспрянь, брат, и поразмысли внимательно о своей жизни, чтобы мысль твоя и ум твой были твердо обращены к этому святому месту.

Но вот, брат, расскажу я тебе историю о Еразме-черноризце, которая подобна одному твоему благому деянию.

*О ЕРАЗМЕ-ЧЕРНОРИЗЦЕ, КОТОРЫЙ РАСТРАТИЛ
ИМЕНИЕ СВОЕ НА СВЯТЫЕ ИКОНЫ И ЗА НИХ СПАСЕ-
НЬЕ ПОЛУЧИЛ. СЛОВО 21*

Был в том же монастыре Печерском черноризец, по имени Еразм; он был очень богат, и все, что имел, на церковную утварь истратил и оковал много икон, которые и ныне стоят у вас над алтарем. И дошел он до последней нищеты, и все стали пренебрегать им, и стал он отчаиваться, что не получит награды за истраченное богатство, потому что в церковь, а не на милостыню роздал его. И так как дьявол вложил это ему в сердце, перестал он радеть о житии своем, во всяком небрежении и бесчинстве проводил дни свои.

Разболелся он сильно, вконец онемел и ослеп и лежал

так восемь дней едва дыша. На восьмой же день пришла к нему вся братия, и, видя страшное его мучение, удивлялись и говорили: «Горе, горе душе брата сего! В лености и во всяком грехе пребывала она и теперь видит что-то, мятется и не может выйти».

Еразм же этот встал, будто никогда и болен не был, сел и рассказал им: «Братия и отцы, послушайте, истинно все так. Как вы все сами знаете, грешен я и доныне не покаялся. И вот сегодня явились мне святые, Антоний и Феодосии, и сказали мне: «Мы молились Богу, и даровал тебе Господь время покаяться». И вот увидел я Святую Богородицу, держащую на руках Сына Своего, Христа, Бога нашего, и все святые были с Ней. И сказала Она мне: «Еразм! За то, что ты украсил церковь Мою и иконами возвеличил ее, и Я тебя прославлю в Царствии Сына Моего, убогие же всегда рядом с вами. Только, вставши от болезни, покайся и прими великий ангельский образ: в третий день Я возьму тебя, чистого, к Себе, возлюбившего благолепие дома Моего».

И, сказав это братии, Еразм начал перед всеми исповедоваться в грехах своих, не стыдясь, а радуясь о Господе, и пострижен был в схиму, и в третий день отошел к Господу в добром исповедании. Об этом слышал я от святых и блаженных старцев, бывших тому свидетелями и очевидцами.

К Поликарпу. Ведая это, брат, не думай: «Напрасно истратил, что имел», так как перед Богом сочтено все, до последнего медяка. Надейся же на милость Божию за труд свой. Твоими стараниями сооружено двое дверей в той святой, великой Печерской церкви Святой Богородицы, и та otvorит тебе двери милости своей, ибо иереи за таких всегда молятся в той церкви: «Господи, освяти любящих благолепие дома Твоего и прославь их божественною Твоею силою!» Вспомни также и того вельможу, который велел сковать крест из чистого золота. Один юноша, возревновав

ему, приложил немного и своего золота, и за то сделался наследником всего имения его. И ты, если истратишь добро свое на славу Бога и Пречистой Его Матери, не лишишься награды своей, но говори с Давидом: «Буду умножать всякую хвалу Тебе», — и скажет тебе Господь: «Прославляющих Меня прославлю». Ты сам мне говорил: «Лучше мне все, что имею, на церковные нужды истратить, чтобы не пропало понапрасну от рати, от воров или от огня». И я похвалил доброе желание твое. Сказано: «Если обещали — исполняйте». Лучше не давать обещания, чем, обещавшись, не исполнить.

Если же случится, что пропадет что-нибудь от рати или ворами украдено будет, отнюдь не хули и не смущайся, но хвали Бога за это и с Иовом говори: «Господь дал, Господь и взял». И еще расскажу я тебе об Арефе-черноризце.

ОБ АРЕФЕ-ЧЕРНОРИЗЦЕ, КАК УКРАДЕННОЕ У НЕГО ВОРАМИ БОГАТСТВО В МИЛОСТЫНЮ ЕМУ ВМЕНИЛОСЬ, БЛАГОДАРЯ ЧЕМУ ОН ПОЛУЧИЛ СПАСЕНИЕ. СЛОВО 22

Был черноризец в том же Печерском монастыре, именем Арефа, родом полочанин. Много богатства имел он в келий своей, и никогда ни одной цаты, ни даже хлеба не подал убогому, и так был скуп и немилосерд, что и сам почти от голода умирал.

И вот однажды ночью пришли воры и украли все богатство его. Арефа же этот так сильно жалел о потере золота, что хотел сам себя погубить, тяжкие обвинения возвел на неповинных и многих ни за что мучил. Мы все молили его прекратить розыск, но он и слушать не хотел. Блаженные же старцы, утешая его, говорили: «Брат! Возложи на Господа печаль свою, и Он поддержит тебя». Он же досаждал всем жестокими словами.

Через несколько дней впал он в недуг лютый и уже при смерти был, но и тут не унялся от роптания и хулы. Но Господь, который всех хочет спасти, показал ему пришествие ангелов и полки бесов, и начал он взывать: «Господи, помилуй! Господи, согрешил я, все Твое, и я не жалуюсь». Избавившись же от болезни, рассказал он нам, какое было ему явление. «Когда, — говорил он, — пришли ангелы, то пришли также и бесы, и начали они спорить об украденном богатстве моем, и сказали бесы: «Так как не обрадовался он, но возроптал, то теперь он наш и нам предан». Ангелы же говорили мне: «О окаянный человек! Если бы ты благодарил Бога о своей потере, то вменилось бы тебе это, как Иову. Если кто милостынню творит, — великое это дело пред Богом, но творят по своей воле; если же кто за взятое насилием благодарит Бога, то это больше милостыни: дьявол, делая это, хочет довести до хулы человека, а он все с благодарением предает Господу, — так вот это более милостыни». И вот, когда ангелы сказали мне это, я воскликнул: «Господи, помилуй, Господи, прости! Господи, согрешил я! Господи, все Твое, а я не жалуюсь». И тотчас бесы исчезли, и ангелы, возрадовавшись, вписали мне в милостынню пропавшее серебро».

Мы же, услышав это, прославили Бога, давшего нам знать о сем. Блаженные же те старцы, рассудивши происшедшее, сказали: «Воистину достойно и праведно за все благодарить Бога». Мы же, видевши, что Арефа во все дни славил и хвалил Бога, удивлялись изменению его ума и нрава: тот, кого прежде никто не мог отговорить от хулы, ныне же все время с Иовом взывает: «Господь дал, Господь и взял; как Господу угодно, так и будет. Будь благословенно Имя Господне вовеки!» Если бы не видел он явления ангелов и не слышал их речей, никак не перестал бы он роптать, и мы веровали, что истинно было так. И если бы было не так, то не было бы и старца, о котором сказано в Патерике, что он молился Богу, чтоб пришли к нему разбойники и взяли бы у

него все, и услышал его Бог, и отдал старец разбойникам все, что у него было.

К Поликарпу. И вот уже, брат, всевозможные наставления дал я тебе. Проси у Господа Бога, чтобы в этом монастыре жизнь свою окончить, в покаянии и в послушании игумену своему Акиндину. Эти три вещи больше всех добродетелей, как свидетельствовал Афанасий-затворник.

И еще расскажу тебе об ином дивном чуде, которое я сам видел. Вот что случилось в том же святом монастыре Печерском.

*О ДВУХ БРАТЬЯХ, О ТИТЕ-ПОПЕ И О ЕВАГРИИ-
ДИАКОНЕ, ВРАЖДОВАВШИХ МЕЖДУ СОБОЙ.
СЛОВО 23.*

Были два брата по духу, Евагрий-диакон и Тит-поп. И имели они друг к другу любовь великую и нелицемерную, так что все дивились единодушию их и безмерной любви. Ненавидящий же добро дьявол, который всегда рыкает, как лев, ища кого поглотить, посеял между ними вражду, и такую ненависть вложил он в них, что они и в лицо не хотели видеть друг друга. Много раз братья молили их примириться между собой, но они и слышать не хотели.

Когда Евагрий стоял в церкви, а Тит в это время шел с кадилом, то Евагрий отбегал от фимиама; если же Евагрий не отбегал, Тит проходил мимо него, не покадив. И так пробыли они много времени в мраке греховном. Приступали к святым тайнам,— Тит, не прося прощения, а Евагрий, — гневаясь. До того вооружил их враг.

Однажды этот Тит сильно разболелся и, лежа уже при смерти, стал горевать о своем прегрешении, и послал со смирением к диакону, говоря: «Прости меня, брат, ради Бога, что я гневался на тебя». Евагрий же отвечал жестокими

словами и проклятиями. Старцы же те, видя, что Тит умирает, привели Евагрия насильно, чтобы помирился он с братом. Больной же, увидев брата, приподнялся немного, пав ниц ему в ноги, говоря со слезами: «Прости меня, отче, и благослови». Он же, немилостивый и лютый, отказался перед всеми нами, сказав: «Никогда не хочу примириться с ним, ни в этой жизни, ни в будущей», и, произнеся это, вырвался из рук старцев и вдруг упал. Хотели мы поднять его, но увидали, что он уже мертв, и не могли мы ему ни рук расправить, ни рта закрыть, как будто он уже давно умер. Больной же вскоре встал, как будто никогда и болен не был.

И ужаснулись мы внезапной смерти одного и скорому исцелению другого, и со многим плачем погребли мы Евагрия, рот и глаза у него так и остались открыты, а руки растянуты.

Тогда спросили мы Тита: «Что случилось?» Тит же рассказал нам так: «Видел я, — говорил он, — ангелов, отступивших от меня и плачущих о душе моей, и бесов, радующихся гневу моему, и тогда начал я молить брата, чтобы он простил меня. Когда же вы привели его ко мне, я увидел ангела немилостивого, держащего пламенное копьё, и, когда Евагрий не простил меня, он ударил его, и тот пал мертвым, мне же он подал руку и поднял меня». Мы же, услышавши это, убоялись Бога, сказавшего: «Прощайте — и прощены будете». Ведь сказал Господь: «Всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду». Ефрем же говорит: «Если кому случится во вражде умереть, то неумолимый суд ждет таких».

И если этот Евагрий, ради святых Антония и Феодосия, прощения не получит — горе лютое ему, побежденному такую страстью!

К Поликарпу. Берегись ее и ты, брат, и не дай места бесу гнева: кто подчинится ему, тот и поработен им. Но скорее пойдя и поклонись вражду имеющему на тебя, да не будешь предан ангелу немилостивому, пусть и тебя Господь сохранит

от всякого гнева. Он ведь сказал: «Да не зайдет солнце во гневě вашем». Слава Ему с Отцом и со Святым Духом ныне и присно!

*ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ К АРХИМАНДРИТУ ПЕЧЕРСКОМУ
АКИНДИНУ О СВЯТЫХ И БЛАЖЕННЫХ ЧЕРНОРИЗЦАХ
ПЕЧЕРСКИХ, БРАТИИ НАШЕЙ. НАПИСАНО ПОЛИ-
КАРПОМ, ЧЕРНОРИЗЦЕМ ТОГО ЖЕ ПЕЧЕРСКОГО
МОНАСТЫРЯ. СЛОВО 24*

С помощью Господа, утверждающего слово, к твоему благоумию обращу его, пречестный архимандрит всея Руси, отец и господин мой, Акиндин. Приклони же ко мне благо-склонный твой слух, и я стану говорить тебе о жизни, деяниях и знамениях дивных и блаженных мужей, живших в этом святом монастыре Печерском, как слышал я о них от брата твоего Симона, епископа Владимирского и Суздальского, бывшего раньше черноризцем того же Печерского монастыря; он рассказывал мне, грешному, о святом и великом Антонии, положившем начало русским монахам, и святом Феодосии, и о житии и подвигах, бывших после них, святых и преподобных отцов, почивших в дому Пречистой Божией Матери. Да послушает твое благоразумие моего младоумия и несовершенного разума.

Вопросил ты меня некогда, велев рассказать о деяниях тех черноризцев; но ты знаешь мою простоту и невежество: ибо всегда со страхом, о чем бы ни шла речь, говорю с тобою, поэтому как же могу я внятно рассказать тебе о сотворенных ими знамениях и преславных чудесах? Кое-что из тех преславных чудес я поведал тебе, но гораздо больше забыл от страха и, стыдясь твоего благочестия, рассказывал невразумительно. И понудил я себя писанием изложить тебе о святой и блаженной братии нашей, чтобы и будущие после нас черноризцы узнали о благодати Божьей, бывшей в свя-

том этом месте, и прославили Отца Небесного, показавшего таких светильников в Русской земле, в Печерском святом монастыре.

*О НИКИТЕ-ЗАТВОРНИКЕ, КОТОРЫЙ ПОТОМ БЫЛ
ЕПИСКОПОМ НОВГОРОДА. СЛОВО 25*

Был во дни преподобного игумена Никона брат один, Никита именем. Этот инок, желая, чтобы славили его люди, дело великое не Бога ради замыслив, начал проситься у игумена войти в затвор. Игумен же не разрешил ему, говоря: «О чадо! Нет тебе пользы праздно сидеть, потому что ты еще молод, лучше тебе оставаться среди братии, и, работая на них, ты не лишишься награды своей. Сам ты видел брата нашего, святого Исаакия Пещерника, как прельщен он был от бесов. Только и спасла его великая благодать Божья и молитвы преподобных отцов, Антония и Феодосия, которые и доньше чудеса многие творят». Никита же сказал: «Никогда не прельщусь я, как он. Прошу же у Господа Бога, чтобы и мне подал Он дар чудотворения». Никон в ответ ему сказал: «Выше силы прошение твое; берегись, брат; вознесешься и упадешь. Велит тебе наше смирение служить святой братии, ради них и будешь увенчан за послушание твое». Никита же никак не хотел внять словам игумена, но, как захотел, так и сделал: заложил за собой двери и неисходно пребывал в келье.

Прошло несколько дней, и прельстил его дьявол. Во время пения своего услышал Никита голос молящегося с ним, и почуял благоухание неизреченное, и, прельстившись этим, говорил сам себе: «Если бы это был не ангел, то не молился бы со мною и не было бы здесь благоухания Духа Святого». И стал он прилежно молиться, говоря: «Господи, явись мне Сам воочию, чтобы я мог видеть Тебя». Тогда был голос к нему: «Не явлюсь тебе, ибо ты еще юн и, вознесшись, падешь». Затворник же со слезами ответил: «Нет, Господи, не

прельщусь я, ведь игумен мой научил меня не внимать обольщениям дьявола, все же, что ты повелишь мне, я исполню». И тогда душепагубный змей, приняв власть над ним, сказал: «Невозможно человеку видеть меня и остаться в живых, поэтому посылаю я ангела моего: он пребудет с тобой, и ты станешь исполнять волю его». И тотчас стал перед ним бес в образе ангела. Пав ниц, поклонился ему инок, как ангелу. И сказал ему бес: «Ты не молись, а только читай книги, и таким путем будешь беседовать с Богом, и из книг станешь подавать полезное слово приходящим к тебе. Я же постоянно буду молить о спасении твоём творца своего». Прельстившись, монах перестал молиться, а прилежно занимался чтением и книжной премудростью; видя же беса, постоянно молящегося о нём, радовался ему, как ангелу, творящему молитву за него. С приходившими же к нему Никита беседовал о пользе души и начал пророчествовать; и пошла о нём слава великая, и дивились все, что сбываются предсказания его.

Послал однажды Никита к князю Изяславу, говоря: «Нынче убит Глеб Святославич в Заволочье, скорее пошли сына своего Святополка на княжеский стол в Новгород». Как он сказал, так и было: через несколько дней пришла весть о смерти Глеба. И с тех пор прослыл затворник пророком, и охотно слушались его князья и бояре.

Но бес будущего не знал, а то, что сам делал или на что подбивал злых людей, — убить ли, украсть ли, — то и возвещал. Когда приходили к затворнику, чтобы услышать от него слово утешения, — бес, мнимый ангел, рассказывал, что случилось его деяниями, а Никита об этом пророчествовал, — поэтому сбывалось.

Не мог никто также померяться с ним в знании книг Ветхого завета, он его весь наизусть знал: Бытие, Исход, Левит, Числа, Книгу Судей, Книгу Царств и все Пророчества по порядку, и все книги иудейские знал хорошо. Евангелия

же и Апостола, этих святых книг, Господом в благодати переданных нам на наше утверждение и исправление, он не хотел ни видеть, ни слышать, ни читать и другим не разрешал беседовать с собою о них. И из этого все поняли, что прельщен он врагом.

Не могли стерпеть этого преподобные те отцы: Никон-игумен, Иоанн, который после него был игуменом, Пимен Постник, Исая, что был епископом в Ростове, Матфей Прозорливец, Исакий святой Пещерник, Агапит Целитель, Григорий Чудотворец, Никола, бывший после епископом Тмуторокани, Нестор, который написал Летопись, Григорий, творец канонов, Феоктист, бывший после епископом Черниговским, Онисифор Прозорливец. И все эти богоносцы пришли к прельщенному и, помолившись Богу, отогнали беса от него, и после того он не видал его более. Потом вывели его из пещеры и спрашивали о Ветхом завете, чтобы услышать от него что-нибудь. Никита же клялся, что никогда не читал книг, и тот, кто прежде наизусть знал иудейские книги, теперь не ведал ни одного слова из них, да, попросту сказать, вообще ни одного письменного слова не знал, те блаженные отцы едва его научили грамоте.

После этого предался Никита воздержанию, и послушанию, и чистому и смиренному житию, так что всех превзошел в добродетели; и впоследствии был поставлен епископом Новгорода за премногую его добродетель. И много чудес сотворил он: однажды во время бездождия, помолившись Богу, дождь с неба свел, потом пожар в городе загасил. И ныне со святыми чтут его, святого и блаженного Никиту.

О ЛАВРЕНТИИ-ЗАТВОРНИКЕ. СЛОВО 26

Потом и другой брат, именем Лаврентий, захотел также в затвор войти. Святые те отцы никак не позволяли ему

делать этого. Тогда Лаврентий ушел к святому Димитрию, в монастырь Изяславов, и затворился там. И за твердое житие его даровал ему Господь благодать исцеления.

Однажды привели к нему одного бесноватого из Киева, и не мог затворник изгнать из него беса, — очень лют был: бревно, которое десять человек снести не могли, он один, подняв, забрасывал. После того, как он оставался долгое время неизцеленным, велел затворник вести его в Печерский монастырь. Тогда бесноватый начал вопить: «К кому посылаешь меня? Я не смею приблизиться к пещере ради святых, положенных в ней, в монастыре же только тридцати иноков боюсь, а с прочими могу бороться». Ведшим же его было известно, что он никогда в Печерском монастыре не был и никого там не знает, и спросили его: «Кто же те, которых ты боишься?» Бесноватый же назвал их всех по именам: «Эти тридцать, — сказал он, — одним словом могут изгнать меня». Всех же черноризцев в Печерском монастыре было тогда сто восемьдесят.

И сказали бесноватому: «Мы хотим в пещере затворить тебя». Бесноватый же отвечал: «Что мне за польза с мертвецами бороться? Они теперь имеют у Бога большее дерзновение молиться за своих черноризцев и за приходящих к ним. Но если хотите борьбу мою видеть, ведите меня в монастырь». И начал он говорить по-еврейски, потом по-латински, потом по-гречески, и, попросту сказать, на всех языках, а прежде никогда и не слыхал их, так что испугались ведущие бесноватого такому изменению языка его и тому, что заговорил он на разных наречиях. И не успел он еще подойти к монастырю, как сразу исцелился и стал все хорошо понимать. И пришел игумен со своею братией, исцелившийся же не знал ни игумена и ни одного из тех тридцати, имена которых назвал во время беснования, И спросили его приведшие: «Кто исцелил тебя?» Он же, смотря на чудотворную икону Богородицы, сказал им: «С Нею встретили нас святые отцы, — и назвал по имени тридцать числом, — и я исцелился». И знал он имена всех их, а

самих старцев тех не знал ни одного. И так все вместе воздали славу Богу, и Пречистой Его Матери, и блаженным угодникам Его.

Для того и я написал тебе, господни мой Акиндин, чтобы не покрыть тьмою неведения дивные чудеса блаженных и преподобных отцов наших, их знамения, и чудеса, и подвиги. Пусть и другие узнают святое житие братии нашей, и то, что в одно время было в монастыре том до тридцати таких мужей, которые одним словом могли изгонять бесов. К пещере же, сказал бесноватый, он не смел и приблизиться, из-за положенных в ней святых отцов, Антония и Феодосия, и прочих святых черноризцев, имена которых вписаны в книгу жизни.

Блажен, сподобившийся быть положен с ними, блажен и спасен, сподобившийся быть написан с ними, с ними и меня Господь да сподобит милости в день судный, молитвами твоими. Аминь.

О СВЯТОМ И БЛАЖЕННОМ АГАПИТЕ, БЕСКОРЫСТНОМ ВРАЧЕ. СЛОВО 27

Некто из Киева, именем Агапит, постригся при блаженном отце нашем Антонии и последовал житию его ангельскому, будучи самовидцем подвигов его. Как тот великий, скрывая свою святость, исцелял больных пищей своей, а они думали, что получают от него врачебное зелье и выздоравливали его молитвою, так и этот блаженный Агапит, подражая святому тому старцу, помогал больным. И когда кто-нибудь из братии заболел, он, оставив келию свою, — а в ней не было ничего, что можно было бы украсть, — приходил к болящему брату и служил ему: подымал и укладывал его, на своих руках выносил, давал ему еду, которую варил для себя, и так выздоравливал больной молитвою его. Если же продолжался недуг болящего, что бывало по изволению Бога, дабы умножить ве-

ру и молитву раба Его, блаженный Агапит оставался неотступно при больном, моля за него Бога непрестанно, пока Господь не возвращал здоровья болящему ради молитвы его. И ради этого прозван он был «Целителем», потому что Господь дал ему дар исцеления. И слышали в городе, что в монастыре есть некто целитель, и многие больные приходили к нему и выздоравливали.

Был же, во времена этого блаженного, человек некий, армянин родом и верою, столь искусный во врачевании, как еще никто не бывал прежде него: только увидит он больного, сразу узнает и объявит ему смерть, назначив день и час, и не было случая, чтобы не исполнилось слово его, — и такого уже он не лечил. Один из таких больных, первый у князя Всеволода, принесен был в Печерский монастырь: армянин привел его в отчаяние, предсказав ему через восемь дней смерть. Блаженный же Агапит дал ему еды, которой сам питался, и тот выздоровел. И промчалась о нем слава по всей земле той.

Армянин же, уязвленный стрелой зависти, стал укорять блаженного и некоего осужденного на смерть послал в монастырь, повелев дать ему смертного зелья, чтобы тот, принявши яд перед Агапитом, пал мертвым. Блаженный же, видя, как тот умирает, дал ему монастырской пищи, и он стал здоров молитвою его, и так избавил от смерти осужденного на смерть. После этого ополчился на него иноверный тот армянин и наустил на святого Агапита единоверцев своих, чтобы они дали ему выпить смертного зелья, хотя его тем зельем уморить. Блаженный же испил без вреда и никакого зла не претерпел, ибо ведает Господь, как благочестивых от смерти избавлять: «Если, — говорит апостол, — что смертоносное выпьют они, не повредит им; возложат они руки на больных, и те здоровы будут».

В те же дни разболелся князь Владимир Всеволодич Мономах, и усердно лечил его армянин, по безуспешно, и только усиливался недуг. Будучи уже при конце жизни, по-

сылает князь молить игумена Печерского Иоанна, чтобы он понудил Агапита прийти к нему, — он княжил тогда в Чернигове. Игумен же, призвав Агапита, велит ему идти в Чернигов. И сказал блаженный: «Если мне к князю идти, то и ко всем идти; нельзя мне ради людской славы выйти за монастырские ворота и нарушителем стать обета, который я дал перед Богом, чтобы быть мне в монастыре до последнего вздоха. Если же ты изгонишь меня, я пойду в другое место и возвращусь после того, как минет эта беда». Никогда еще блаженный не выходил из монастыря. Посланный же князя, видя, что не хочет идти инок, стал молить его, чтобы он хотя зелья дал. И тот, будучи принужден игуменом, дал ему для больного зелья от своей еды, чтобы дали болящему. И только что князь принял это зелье, как тотчас выздоровел.

После этого, будучи в Киеве, Владимир пошел в Печерский монастырь, желая почтить инок и увидеть того, кто дал ему зелья и возвратил здоровье с помощью Божьей, — никогда он его не видал, — и хотел одарить его. Агапит же, избегая славы, скрылся. И принесенное для него золото князь отдал игумену. Потом послал Владимир к блаженному Агапиту одного из бояр своих со многими дарами. Посланный боярин нашел его в келий, и принес, и положил перед ним принесенные дары. И сказал инок: «О чадо! никогда и ни от кого ничего не брал я, — неужели теперь губить мне дар свой ради золота, которого ни от кого не требую?» И отвечал боярин: «Отче! знает пославший меня, что не требуешь ты награды, но, для меня, утешь сына своего, которому ты даровал, о Боге, здоровье, возьми это и раздай нищим». И отвечал ему старец: «С радостью приму сие ради тебя, как будто бы мне требуется. Пославшему же тебя скажи: «Все, что ты имел, было чужое, и, отходя из этого мира, ты ничего не можешь взять с собой, — раздай же теперь нуждающимся все, что имеешь, ибо ради этого избавил тебя Господь от смерти, а я ничего бы не смог сделать, и не думай послушать-

ся меня, чтобы, как прежде, не пострадать». И взял Агапит принесенное золото, вынес вон из келий, бросил его, а сам скрылся. Боярин, вышедши, увидал брошенным принесенное им золото и дары, взял и отдал все игумену Иоанну, и рассказал князю о старце. И поняли все, что то истинный раб Божий. Князь же не посмел послушаться старца и все имение свое роздал нищим по слову блаженного.

После этого разболелся Агапит, и пришел посетить его армянин, о котором мы говорили прежде. И начал он беседовать с иноком о врачебном искусстве, спрашивая его, каким зельем какой недуг лечится? И отвечал блаженный: «Каким Господь подаст здоровье». Армянин понял, что он несколько не сведущ в этом, и сказал своим: «Ничего он не знает». Потом взял его руку и сказал, что через три дня он умрет. «И это истинно, — прибавил врач, — и не изменится слово мое; если же будет не так, то я сам стану монахом».

Блаженный же с негодованием сказал ему: «Так вот в чем суть твоего врачевания: смерть мне предсказываешь, а помочь не можешь! Если ты искусен, то дай мне жизнь, а если этим не владеешь, — за что же укоряешь меня, осуждая на смерть через три дня? А меня Господь известил, что я через три месяца умру». И сказал ему армянин: «Раз сам ты уже понял, что умрешь, то никак не переживешь третьего дня», а блаженный изболел уже весь так, что сам и двинуться не мог.

В это время принесли одного больного из Киева, и Агапит встал, как будто вовсе и не болел, взял зелье, которое сам ел, и показал лекарю, говоря: «Вот целебное зелье, смотри и разумеи». Лекарь посмотрел и сказал инок: «Это не из наших зелий, думаю, что его из Александрии приносят». Посмеялся блаженный невежеству его, дал зелье больному, и тот стал здоров. Потом сказал лекарю: «Сын мой, поешь и ты, но не погневайся: убоги мы, и нечем нам угостить тебя». Армянин же сказал ему: «Теперь, отче, четыре дня этого ме-

сяца мы постимся». Блаженный же спросил его: «Кто же ты и какой веры?» Лекарь же ответил ему: «Разве ты не слыхал, что я армянин?» И сказал ему блаженный: «Как же смел ты войти, и осквернить мою келью, и держать мою грешную руку? Иди прочь от меня, иноверный и нечестивый!» Армянин, посрамленный, ушел. Блаженный же Агапит прожил три месяца, потом, немного поболевши, отошел к Господу.

После смерти его пришел армянин в монастырь и сказал игумену: «С этих пор и я буду черноризцем, и отрекаюсь от армянской веры, и истинно верую в Господа Иисуса Христа. Явился мне блаженный Агапит, говоря: «Ты обещался принять иноческий образ, и если солжешь, то с жизнью и душу погубишь». И так я уверовал. Но если бы этот блаженный захотел долгое время жить здесь, то Бог не взял бы его к Себе из этого мира, но, принявши его, Господь даровал ему жизнь вечную, и думаю я, что отошел он от нас по своей воле, желая Небесного Царства, а мог бы и еще жить с нами. Так как я узнал, что жить ему не больше трех дней, — он прибавил себе три месяца; а если бы я сказал: три месяца, — он три года бы прожил. Хотя и умер он, но вселился в обители пребывающих в жизни вечной и там жив». И постригся этот армянин в Печерском монастыре, и тут кончил жизнь свою в добром исповедании.

Вот такие дела, — и больше этих, — делались теми святыми черноризцами. Вспоминая же их добродетельное житие, дивлюсь я, почему остались замолчаны великие дела преподобного отца нашего Антония? Если такое светило угасло из-за нашего небрежения, то как же воссияют от него лучи? — разумею преподобных отцов и братьев наших. Поистине, как сказал Господь; «Никакой пророк не признается в отечестве своем».

Я бы написал тебе, честной архимандрит, господин Акиндин, о прежде упомянутых святых и преподобных отцах, — одних чудотворения, иных — подвиги, других —

твердое воздержание, тех — послушание, иных — прозорливость, и все эти знамения и чудеса засвидетельствованы верою твоего черноризца, а моего господина, епископа Симона. Но иные не признают истины моих сказаний из-за величия описанных в них дел, и причина этого недоверия та, что они как грешника знают меня, Поликарпа. Но, если повелит твое преподобие написать это, я исполню, как мой ум постигнет и память припомнит. Если не пригодится тебе, то пусть останется написанное на пользу тем, которые будут после нас, как сделал блаженный Нестор — написал в Летописи о блаженных отцах — о Дамиане, Иеремии, и Матфее, и Исаакии. И в «Житии святого Антония» все их жития вписаны, хотя и вкратце.

Постараюсь я подробнее, чем об упомянутых черноризцах, поведать, ничего не утаивая, как и до этого делал: ведь если я умолчу и предам их полному забвению, то и совсем не вспомнятся имена их, как было и до сего дня. Это говорится в пятнадцатый год твоего игуменства, а за сто шестьдесят лет не вспоминали о них, и только теперь, твоей ради любви, утаенное услышалось, и память любящих Бога постоянно почитаемая и хвалимая, так как угодившие Ему, они Им и увенчаны. Для меня же величие — украшать труд их именами — это, надеюсь, оправдывает недостатки труда моего, я же только вспомнил слышанное и пересказал разысканные мною чудеса их.

Если, как сказал Господь, «радость бывает на небесах и об одном грешнике кающемся», то сколь радостнее веселие ангелов о таких праведниках, житие которых подобно на небесах живущим, и достойны они их славы быть наследниками. Здесь о плоти не радели они, и, как бесплотные, земным пренебрегали, и все житейское за ничто вменяли, чтобы единого Христа приобрести; Его одного возлюбили они, и к любви Его привязались, и Ему волю свою предали, чтобы через Него приблизиться к Богу; и Он здесь, на земле, в возмездие за тру-

ды их, дал им дар чудотворения, а в будущем прославит их неизреченною славою. Без Духа Святого ничто не дается человеку на земле, если не дано это свыше.

Потому и я, грешный Поликарп, покоряясь воле твоей, державный отец Акиндин, это и написал тебе. Но повели, и еще расскажу тебе нечто — о блаженном и преподобном отце нашем Григории Чудотворце.

О СВЯТОМ ГРИГОРИИ ЧУДОТВОРЦЕ. СЛОВО 28

Этот блаженный Григорий пришел в Печерский монастырь к святому отцу нашему Феодосию и от него научился житию иноческому: нестяжанию, смирению, послушанию и прочим добродетелям. Особенное прилежание имел он к молитве, и за то получил власть над бесами, так что, находясь даже вдали от него, они вопили: «О Григорий, изгоняешь ты нас молитвою своею!» У блаженного был обычай после каждого пения творить запретительные молитвы.

Не желая более терпеть гонений от инока, древний враг, не в силах ничем навредить ему, наустил злых людей обокрасть его. Он же не имел ничего, кроме книг. Однажды ночью пришли воры и подстерегали старца, чтобы, когда он пойдет к заутрене, войти и взять все его имущество. Но почуял Григорий приход их, — обычно он целые ночи проводил без сна, пел и молился беспрестанно, стоя посреди келий своей. Помолился он и о пришедших обокрасть его: «Боже! дай сон рабам Твоим, ибо утрудились они всею, врагу угождая». И спали они пять дней и пять ночей, до тех пор, пока блаженный, призвав братию, не разбудил их, говоря: «Долго ли будете вы стеречь напрасно, думая обокрасть меня? Идите теперь по домам своим». Они встали, но не могли идти, так как изнемогли от голода. Блаженный же дал им поесть и отпустил их.

Об этом узнал властитель города и велел наказать воров тех. И затужил Григорий, что из-за него осуждены они; он

пошел, отдал свои книги властителю, а воров отпустил. Остальные же книги продал, а деньги роздал убогим, говоря так: «Да не впадет кто-нибудь в беду, думая украсть их». Ведь сказал Господь: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где воры подкопывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небесах, где ни моль не истребляет и где воры не крадут. Где сокровище ваше, там и сердце ваше будет». Воры же те, ради чуда, бывшего с ним, покаяться и более не возвращались к прежним делам своим, но, пришедши в Печерский монастырь, стали работать на братию.

Имел этот блаженный Григорий маленький палисадник, где выращивал овощи и плодовые деревья. И на это опять позарились воры, и когда, взвалив на себя ношу, хотели идти, то не смогли. И стояли они два дня неподвижно, под гнетом своей ноши, и начали они вопить: «Господин наш Григорий, пусти нас, мы покаемся в грехах своих и не сделаем больше такого». Услышали это монахи, пришли и схватили их, но не могли свести с места. И спросили они их: «Когда пришли вы сюда?» Воры же отвечали: «Два дня и две ночи стоим мы здесь». Монахи же сказали: «Мы все время тут ходим, но вас здесь не видали». Воры же сказали: «Если бы и мы вас видели тут, то со слезами молили бы вас, чтобы он нас отпустил. Но вот, уже изнемогши, начали мы кричать. Попросите теперь старца, чтобы он отпустил нас».

И пришел Григорий, и сказал им: «Так как вы всю жизнь свою пребывали праздными, расхищая чужие труды, а сами не хотите трудиться, то теперь стойте здесь праздно и дальше, до конца жизни». Они же со слезами молили старца, обещая, что больше не совершат такого греха. Старец же смиростивился и сказал: «Если хотите работать и трудом своим других кормить, то я отпущу вас». Воры клятвенно обещались: «Ни за что не ослушаемся тебя». Тогда Григорий сказал: «Благословен Бог! Отныне будете вы работать на святую братию: приносить от труда своего на

нужды ее». И так отпустил их. Воры же эти окончили жизнь свою в Печерском монастыре, занимаясь огородом; потомки их, думаю я, живут еще и донныне.

В другой раз снова пришли трое неизвестных, надеясь обмануть этого блаженного. Двое из них стали молить святого, ложно говоря: «Вот это друг наш, и осужден он на смерть. Молим тебя, помоги спасти его — дай ему, чем откупиться от смерти». Заплакал Григорий от жалости, провидя, что на самом деле приспел конец жизни того, и сказал: «Горе человеку этому, ибо приспел день гибели его!» Они же сказали: «Но если ты, отче, дашь что-нибудь, то он не умрет». Говорили же они это, чтобы получить от него что-нибудь и разделить между собой. Григорий же сказал: «Я дам, но он все равно умрет». И спросил он их: «На какую смерть осужден он?» Они отвечали: «Будет повешен на дереве». Блаженный сказал им: «Точно присудили вы ему, завтра он повесится». После этого сошел он в пещеру, — где обыкновенно молился, чтобы не слышать ничего земного и очами не видеть ничего суетного, — и, вынеся оттуда оставшиеся книги, отдал им, сказав: «Если это вам не пригодится, то возвратите мне». Они же, взяв книги, стали смеяться, говоря: «Продадим их, а деньги разделим». И увидели они плодовые деревья, и решили: «Придем нынче ночью и оберем плоды его».

Когда настала ночь, пришли эти трое и заперли инок в пещере, где он был на молитве. Один же из них, тот, о котором они говорили, что его на дереве повесят, взлез на верхушку дерева и начал обрывать яблоки, и ухватился он за одну ветку, а она обломилась; те двое испугались и побежали, а он, падая вниз, зацепился одеждою за другую ветку и, оставленный без помощи, задушился воротом. Григорий же был заперт и не смог прийти в церковь, на молитву со всей братией. Когда стали выходить из церкви, то все увидали висящего на дереве мертвого человека, и ужас напал на них.

Стали искать Григория и нашли его в пещере запертым. Вышедши же оттуда, блаженный велел снять мертвого, друзьям же его сказал: «Вот и сбылась ваша мысль! Бога обмануть нельзя. Если бы вы не заперли меня, я пришел бы и снял его с дерева и он бы не умер. Но так как враг научил вас покрывать суетное ложью, то Бог и не помиловал вас». Обманщики же те, видя, что сбылось слово его, пришли и упали ему и ноги, прося прощенья. И Григорий осудил их на работу Печерскому монастырю, чтобы теперь, трудясь, свой хлеб ели они, и достанет им, чтобы и других питать от своих трудов. И так они и окончили жизнь свою, с детьми своими работая в Печерском монастыре на рабов Пресвятой Богородицы и учеников святого отца нашего Феодосия.

Подобает же рассказать и о том, как претерпел блаженный муку смертную. Случилось однажды в монастыре, что осквернился сосуд от падения в него какого-то животного; и по этому случаю преподобный Григорий пошел к Днепру за водой. В то же время проходил здесь князь Ростислав Всеволодич, шедший в Печерский монастырь для молитвы и благословения: он, с братом своим Владимиром, шел в поход против воевавших с Русью половцев. Увидали княжеские слуги старца и стали издеваться над ним, выкрикивая срамные слова. Инок же, провидя, что близок их смертный час, стал говорить им: «О чада! В то время как вам следовало бы быть благочестивыми и призывать всех молиться за вас, вы великое зло творите, — не угодно Богу это. Плачьте о своей гибели и кайтесь в своих согрешениях, чтобы хотя в страшный день принять отраду, ведь вас уже постиг суд: все вы и с князем вашим умрете в воде». Князь же, страха Божия не имея, не внял сердцем словам преподобного, а подумал, что лишь пустые речи — пророчества его, и сказал: «Мне ли предсказываешь смерть от воды, когда я плавать умею!» И рассердившись, князь велел связать старцу руки и ноги, повесить камень на шею и бросить в во-

ду. Так был он потоплен. Братия же два дня искала его и не находила, на третий же день пришли в келью его, чтобы взять оставшееся после него, и мертвый оказался в келье, связанный, с камнем на шее, одежды же его были еще мокры, лицо же светло и сам, как живой. И не нашли того, кто принес его, а келья была заперта. Слава Господу Богу, творящему дивные чудеса ради угодников своих! Братия же, вынеся тело преподобного, честно положили его в пещере, и многие годы пребывает оно там цело и нетленно.

Ростислав же не считал за вину греха своего и не пошел в монастырь от ярости. Не захотел он благословения, и оно удалилось от него; возлюбил проклятие, и проклятие пало на него. Владимир же пришел в монастырь для молитвы. И были они у Треполя, и произошло сражение, и побежали князья наши от лица врагов. Владимир, по молитвам и благословению святых, переехал реку, Ростислав же, по слову святого Григория, утонул со всем своим войском. «Каким, — сказано, — судом судите, таким будете судимы, и какою мерою мерите, такою будут мерить и вам».

Подумайте как следует, обидчики, над притчей, сказанной Господом в святом Евангелии о судье немилостивом и вдове обиженной, как она часто приходила к нему и докучала ему, говоря: «Защити меня от противника моего». Говорю вам, что вскоре сотворит Господь отмщение рабам Своим, ибо Он сказал: «Мне отмщение, и Я воздам». Говорит Господь: «Не обижайте ни одного из малых сих, ибо ангелы их на небесах всегда видят лицо Отца Моего Небесного». Ибо праведен Господь и правду возлюбил, и праведники увидят лицо Его. Что человек посеет, то и пожнет. Таково гордым отмщение, которым Господь противится, а смиренным даст благодать. Слава Ему с Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

О МНОГОТЕРПЕЛИВОМ ИОАННЕ ЗАТВОРНИКЕ.

СЛОВО 29

Все рожденные на земле первому человеку подобны образом и все равную с ним страсть приняли, ибо, увидев красоту запрещенного плода, не удержался он, и ослушался Бога, и был поработщен страстями. Когда создан он был, то не имел на себе порока, как Божие создание: Господь Бог наш, взяв прах земной своими руками пречистыми и непорочными, создал человека благого и исполненного добром, но он, из грязи созданный, возлюбил земное, за наслаждениями земными погнался, и наслаждения эти овладели им, и с тех пор страсти владеют родом человеческим, и к новым наслаждениям стремятся люди, и побеждаются ими всегда.

И я один из них — побеждают меня страсти, и поработщен я ими, смущают помыслы душу мою, и покоряюсь я им и неодолимое желание влечет ко греху, и нет мне подобного на земле по множеству грехов моих, в которых я и до сего часа пребываю.

Но тот один из всех обрел истину, предав себя Божьей воле и заповеди Его сохранивши непорочно, в чистоте сохранил он свое тело и душу, чуждый всякой скверны плотской и духовной. Я разумею Иоанна преподобного, затворившегося в тесном месте пещеры. Там пребывал он в великом воздержании тридцать лет, многим постом обуздывая и терзая тело свое и нося на всем теле своем тяжкие вериги.

Часто приходил к нему один из братии, томимый, по действию дьявола, вожделением плотским, и просил он блаженного Иоанна молить Бога за него, чтобы Господь избавил его от страстей и утолил похоть плотскую. И много раз приходил он с этой просьбой. Блаженный Иоанн говорил ему: «Брат, мужайся и крепись, потерпи Господа ради и старайся сохранить пути Его, и Он не оставит тебя в руках врагов и не предаст нас на растерзание зубов их». И отвечал

брат затворнику: «Поверь мне, Отче, если не облегчишь муку мою, то я покоя не найду и стану переходить с места на место». Тогда блаженный Иоанн сказал ему: «Зачем хочешь ты предать себя на съедение врагу? Уподобись ты человеку, стоящему на краю пропасти, и когда враг подойдет внезапно, толкнет его вниз, и люто будет падение его, так что не сможет он уже встать. Если же здесь останешься, в святом и блаженном монастыре сем, — подобен будешь мужу, стоящему далеко от пропасти, и враг будет стараться спихнуть тебя в нее и не сможет, пока Господь не извлечет тебя терпением твоим из рва страстей и грязной тины, и утвердит на камне ноги твои. Но послушай меня, чадо: я расскажу тебе все, что случилось со мной в юности моей.

Много страдал я, томимый нечистым желанием, и не знаю, чего только не делал я для своего спасения; по два, по три дня оставался без пищи, и так три года провел, часто и по целой неделе ничего не ел, и без сна проводил все ночи, и жаждою мною морил себя, и тяжкие вериги на себе носил, и провел я в таком злострадании года три, но и тут покоя не нашел. И пошел я в пещеру, где лежит святой отец наш Антоний, стал на молитву и молился день и ночь у гроба его. И услышал я голос его ко мне: "Иоанн, Иоанн! нужно тебе здесь затвориться, и невидением и молчанием борьба прекратится, и Господь поможет тебе молитвами преподобных Своих". С того часа, брат, поселился я здесь в этом тесном и скорбном месте, и вот уже тридцатый год, как я живу здесь, и только немного лет назад нашел успокоение.

Всю жизнь свою неутомимо боролся я с помыслами плотскими. И сначала жестокой я сделал жизнь свою воздержанием в пище. И потом, не зная, что еще сделать, не в силах терпеть борьбы с плотью, задумал я жить нагим, и надел на себя вериги тяжкие, которые с тех пор и доньше остаются на теле моем, и сушит меня холод и железо. Наконец прибег я к тому, в чем и нашел пользу. Вырыл я яму,

глубиною до плеч, и, когда пришли дни святого поста, вошел я в яму и своими руками засыпал себя землей, так что свободны были только руки и голова, и так, под этим тяжким гнетом, пробыл я весь пост, не в силах шевельнуть ни одним суставом, но и тут не утихли желания плоти моей. К тому же враг-дьявол страхи разные наводил на меня, чтобы выгнать меня из пещеры, и ощутил я его злодейство. Ноги мои, засыпанные землей, начали снизу гореть, так что жилы скорчились и кости затрещали, потом пламень достиг до утробы, и загорелись члены мои, я же забыл лютую ту боль и порадовался душою, что она очистит меня от такой скверны, и желал лучше весь сгореть в огне том, Господа ради, нежели выйти из ямы той. И вот увидел я змея, страшного и свирепого, который хотел всего меня пожрать, дыша пламенем и обжигая меня искрами. И так много дней мучил он меня, чтобы прогнать из пещеры. Когда же наступила ночь Воскресения Христова, вдруг напал на меня лютый тот змей и пастью своей ухватил голову и руки мои, и опалились у меня волосы на голове и бороде, как ты можешь видеть и теперь. Я же в пасти змея того уже был и возопил из глубины сердца своего. Молитва: "Господи Боже, Спаситель мой! Зачем Ты меня оставил! Сжался надо мной, Владыко, так как Ты единый человеколюбец. Спаси меня, грешного, единый Боже безгрешный! Избавь меня от скверны беззакония моего, да не увязну в сети вражеской во веки веков! Избавь меня от зубов врага сего! Вот он, рыкая как лев, ходит, желая меня поглотить. Воздвигни силу Свою и прийди, чтобы спасти меня; блесни молнией Своей и прогони его: пусть исчезнет он от лица Твоего!" И когда я окончил молитву, вдруг блеснула молния, и лютый тот змей исчез от меня, и после того я не видел его и доныне.

Тогда свет божественный, как солнце, осиял меня, и услышал я голос, говоривший мне: "Иоанн, Иоанн! вот

тебе помощь, прочее же от тебя зависит: следи за собой, чтобы не было с тобой чего-нибудь горше, и не пострадать бы тебе в будущем веке". Я же поклонился и сказал: "Господи! Зачем же оставил ты меня в такой злой муке?" И отвечал мне, говоря: "По мере силы терпения твоего Я навел на тебя искушение, чтобы ты очистился чрез него, как золото в огне. Господь не посылает человеку испытания выше силы, чтобы он не изнемог; но, как хозяин, рабам крепким и сильным тяжкие и большие дела поручает, немощным же и слабым определяет малые и легкие. Знай же вот что: при борьбе с плотской страстью, о которой ты молишься, молись лежащему против тебя мертвецу, чтобы он облегчил тебя от блудной брани; сей более Иосифа сделал и может помогать сильно страждущим такою страстью". Я же, не зная имени, начал звать: "Господи, помилуй меня!"

Уже потом узнал я, что это Моисей, венгр родом. И пришел на меня свет неизреченный, в котором и ныне пребываю, и не имею нужды в свече ни ночью, ни днем; да и все достойные, приходя ко мне, наслаждаются этим светом и ясно видят утешение его, осветившего мне ночь, ради надежды на свет будущий. Мы погубили ум свой плотолюбием, и творящий праведное Христос посылает страсть на нас, погрязших в грехе, чтобы нас испытать. Но, брат мой, я говорю тебе: "Молись этому преподобному Моисею, и он поможет тебе"».

И взявши одну кость от мощей этого святого, Иоанн подал ее брату и сказал: «Приложи ее к телу своему». Тот сделал так, и тотчас утихла страсть, омертвели члены его, и с тех пор не было ему искушения. И возблагодарили они вместе Бога, прославляющего святых Своих, угодивших Ему при жизни, и по смерти наградил Он их даром исцеления и венцами нетленными украсил, и Царства Своего сподобил. Слава Ему с Отцом и Святым Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

О ПРЕПОДОБНОМ МОИСЕЕ УГРИНЕ. СЛОВО 30

Вот что известно об этом блаженном Моисее Угрии, которого любил святой Борис. Был он родом венгр, брат того Георгия, на которого святой Борис надел гривну золотую и которого убили со святым Борисом на Альте и отрубили голову из-за золотой гривны. Этот же Моисей один избавился тогда от гибели, избежав горькой смерти, и пришел он к Предславе, сестре Ярославовой, и оставался там. И так как в то время нельзя было никуда пойти, — он, крепкий душою, оставался здесь и пребывал в молитве к Богу до тех пор, пока благочестивый князь наш Ярослав, побуждаемый горячей любовью к убитым братьям, не пошел на их убийцу и не победил безбожного, и жестокого, и окаянного Святополка. Но тот бежал в Польшу, и пришел опять с Болеславом, и изгнал Ярослава, а сам сел в Киеве. Болеслав же, возвращаясь в Польшу, захватил с собой обеих сестер Ярославовых и многих бояр его, с ними же и этого блаженного Моисея, и вели его закованного по рукам и по ногам в железа тяжкие, и крепко стерегли его, потому что он был крепок телом и прекрасен лицом.

И увидела его одна знатная женщина, красивая и молодая, имевшая богатство большое и власть. И поразила она красоте этого юноши, и уязвилось сердце ее вожделением, и захотела она склонить к тому же преподобного. И стала она увещевать его льстивыми словами, говоря: «Юноша, зачем ты напрасно переносишь такие муки, когда имеешь разум, который мог бы избавить тебя от этих мук и страданий». Моисей же отвечал ей: «Богу так угодно». Она же сказала ему: «Если мне покоришься, я избавлю тебя и сделаю великим во всей Польской земле, и будешь ты владеть мною и всеми поместьями моими».

Уразумел блаженный вожделение ее нечистое и сказал ей: «Какой муж, взявши женщину и покорившись ей, спасся?

Адам первозданный покорился женщине и из рая изгнан был. Самсон, превзойдя всех силою и всех врагов одолев, после женщиной предан был иноплеменикам. И Соломон постиг глубину премудрости, а, повинувшись женщине, идолам поклонился. И Ирод многие победы одержал, поработившись же женщине, Иоанна Предтечу обезглавил. Как же я, свободный, сделаюсь рабом женщины, если я со дня рождения своего с женщинами не сближался?» Она же сказала: «Я тебя выкуплю, сделаю знатным, господином над всем домом моим поставлю, и будешь ты мужем моим, только исполни мою волю, утоли вожделение души моей, дай мне красотой твоей насладиться. Для меня довольно твоего согласия, не могу я перенести, что гибнет даром твоя красота, и сердечный пламень, сжигающий меня, утихнет. И перестанут мучить меня помыслы, и успокоится страсть моя, а ты насладишься моей красотой и будешь господином всему богатству моему, наследником моей власти, старшим между боярами». Блаженный же Моисей сказал ей: «Твердо знай, что не исполню я воли твоей; я не хочу ни власти твоей, ни богатства, ибо для меня лучше всего этого душевная чистота, а более того телесная. Не пропадут для меня втуне те пять лет, которые Господь даровал мне претерпеть в оковах этих. Не заслужил я таких мук и потому надеюсь, что за них избавлен буду мук вечных».

Когда женщина эта увидела, что лишена такой красоты, то, по дьявольскому внушению, пришла к такой мысли: «Если я выкуплю его, он поневоле покорится мне». И послала она к владельцу юноши, чтобы тот взял у нее денег, сколько хочет, только продал бы ей Моисея. Он же, видя подходящий случай для приобретения богатства, взял у нее около тысячи гривен серебра и уступил Моисея ей. И насильно без всякого стыда повлекли его на дело нечестивое. Получив власть над ним, эта женщина велит ему сочетаться с собой, она освобождает его от оков, в драгоценные одеж-

ды одевает, сладкими кушаньями кормит, объятиями и любовными обольщениями понуждает его утолить ее страсть.

Преподобный же, видя неистовство женщины этой, стал еще прилежнее молиться и изнурять себя постом, предпочитая лучше, Бога ради, есть сухой хлеб и пить воду с чистотою, нежели многоценное кушанье и вино со скверною. И не только одну сорочку, как Иосиф, совлек он с себя, но и всю одежду сбросил, избегая греха, и ни во что вменил жизнь здешнего мира; и в такую ярость привел он эту женщину, что хотела она голодом уморить его.

Но Бог не оставляет рабов Своих, надеющихся на Него. Он преклонил на милость одного из слуг женщины той, и тот тайно давал Моисею пищу. Другие же увещевали преподобного, говоря: «Брат Моисей! что мешает тебе жениться? Ты еще молод, а эта вдова, прожившая с мужем только один год, прекраснее многих других женщин, и богатство имеет бесчисленное, и власть великую в Польше; если бы она захотела выйти за какого-нибудь князя, и тот бы ею не погнушался; а ты, пленник и невольник женщины этой, господином ее стать не хочешь! Если же скажешь: "Не могу преступить заповеди Христовой", то не говорит ли Христос в Евангелии: "Оставит человек отца своего и мать, и прилепится к жене своей, и будут оба единой плотью: так что они уже не двое, а одна плоть". И апостол говорит: "Лучше вступить в брак, нежели распаяться". Вдовам же велит вступать во второй брак. Зачем же ты, когда ты не инок и свободен, предаешь себя на злые и горькие муки, чего ради страдаешь? Если придется тебе умереть в беде этой, какая тебе похвала будет? Да и кто же от первых людей доньше гнушался женщин, кроме монахов? Авраам, и Исаак, и Иаков? И Иосиф сначала победил женскую любовь, а потом и он женщине покорился. И ты, если теперь жив останешься, все равно же потом женишься, и кто тогда не посмеется твоему безумию? Лучше тебе покориться женщине этой и стать свободным, и

господином быть всему».

Он же отвечал им: «Ей, братья и добрые друзья мои, добрые вы мне советы даете! Понимаю я, что слова ваши лучше тех, что нашептывал змей в раю Еве. Вы убеждаете меня покориться этой женщине, но я никак не приму вашего совета. Если и придется умереть мне в этих оковах и страшных муках — знаю я, что за это от Бога милость приму. Пусть все праведники спаслись с женами, я один грешен и не могу спастись с женой. Ведь если бы Иосиф покорился жене Потифара, то не царствовал бы он после: Бог, видя стойкость его, даровал ему царство; за то и прошла слава о нем в поколениях, что остался целомудренным, хотя и детей прижил. Я же не Египетского царства хочу и не власти, не хочу быть великим между поляками, почитаемым во всей Русской земле сделаться — ради Вышнего Царства я всем этим пренебрег. Если же я живой избавлюсь от руки женщины этой, то монахом стану. А что в Евангелии Христос говорит? "Всякий, кто оставит отца своего, и мать, и жену, и детей, и дом, тот есть Мой ученик". Христа ли мне больше слушаться или вас? Апостол же говорит: "Женатый печется о том, как угодить жене, а неженатый думает, как угодить Богу". Спрошу я вас: кому больше следует служить, — Христу или жене? Написано ведь: "Рабы должны повиноваться господам своим на благое, а не на злое". Пусть же будет известно вам, заботящимся обо мне, что никогда не прельстит меня красота женская, никогда не отлучит от любви Христовой».

Услыхала об этом вдова и, затаив в сердце лукавый помысел, повелела предоставить Моисею коней и в сопровождении многочисленных слуг возить его по городам и селам, принадлежащим ей, сказав ему: «Тут все, что тебе угодно, — твое; делай со всем этим что хочешь». Людям же говорила: «Это господин ваш, а мой муж, встречая его, кланяйтесь ему». А в услужении у ней было множество рабов и

рабынь. Посмеялся блаженный безумию этой женщины и сказал ей: «Всуге трудишься: не можешь ты прельстить меня тленными вещами мира сего, ни отнять у меня духовного богатства. Пойми это и не трудись всуге».

Она же сказала ему: «Или ты не знаешь, что ты мне продан, кто избавит тебя от рук моих? Я ни за что тебя живого не отпущу; после многих мук смерти тебя предам». Он же без страха отвечал ей: «Не боюсь я того, что ты говоришь; но на предавшем меня тебе больше греха. Я же отныне, если Богу угодно, стану иноком».

В те дни пришел один инок со Святой Горы, саном иерей; по наставлению Божию, пришел он к блаженному и облек его в иноческий образ, и, много поучив его о чистоте, о том, как избавиться от этой скверной женщины, чтобы не предать себя во власть врага, он ушел от него. Стали искать его и нигде не нашли.

Тогда женщина эта, потеряв всякую надежду, подвергла Моисея тяжким истязаниям: распластав его, повелела бить палками, так что и земля напилалась кровью. Избивая его, говорили ему: «Покорись госпоже своей и исполни волю ее. Если не послушаешься, то на куски раздробим тело твое; не думай, что избежишь этих мучений; нет, во многих и горьких муках предашь душу свою. Помилуй сам себя, сбрось эти измочаленные рубища и надень многоценные одежды, избавь себя от ожидающих тебя мук, пока мы еще не начали терзать тело твое». И отвечал Моисей: «Братья, повеленное вам исполнять — исполняйте, не медлите. А мне уже никак нельзя отречься от иноческой жизни и от любви Божией. Никакие истязания, ни огонь, ни меч, ни раны не могут отлучить меня от Бога и от великого ангельского образа. А эта бесстыдная и безумная женщина показала свое бесстыдство, не только не побоявшись Бога, но и человеческий срам презревши, без стыда принуждая меня к осквернению и прелюбодеянию. Не покорюсь я ей, не исполню во-

лю окаянной!»

Много думая о том, как отомстить за свой позор, женщина эта посылает к князю Болеславу, так говоря: «Ты сам знаешь, что муж мой убит в походе с тобою, и ты дал мне волю выйти замуж за кого захочу. Я же полюбила одного прекрасного юношу из твоих пленников, и, заплативши за него много золота, выкупила его, взяла его в свой дом, и все, что было у меня, — золото, серебро и всю власть свою даровала ему. Он же все это ни во что вменил. Много раз и ранами и голодом томила я его, но ему и того мало. Пять лет пробыл он в оковах у пленившего его, и вот шестой год находится у меня и за свое непослушание много мук принял от меня, которые сам на себя навлек из-за непреклонности сердца своего; а теперь какой-то черноризец постриг его в монахи. Что повелишь ты мне сделать с ним, так я и сделаю».

Князь велел ей приехать к себе и Моисея привезти с собою. Она же пришла к Болеславу и Моисея привела с собою. Увидав преподобного, Болеслав долго принуждал его взять за себя эту вдову и не уговорил его. И сказал он ему: «Можно ли быть таким бесчувственным, как ты; столькой ты благ и какой чести лишаешь себя и отдаешься на горькие муки! Отныне да будет тебе ведомо, что жизнь или смерть ожидают тебя: если волю госпожи своей исполнишь, то от нас в чести будешь и великую власть примешь, если ослушаешься, то после многих мук смерть примешь». Ей же сказал: «Пусть никто из купленных тобою пленных не будет свободен, но делай с ними, что хочешь, как госпожа с рабами, чтобы и прочие не дерзали ослушаться господ своих».

И ответил Моисей: «А что говорит Господь: "Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит или какой выкуп даст человек за душу свою?" Что ты мне обещаешь славу и честь, которых сам ты скоро лишишься, и гроб примет тебя, ничего не имеющего! И эта

скверная женщина жестоко убита будет». Так потом и было, как предсказал преподобный.

Женщина же эта, приобретя над ним еще большую власть, бесстыдно влекла его на грех. Однажды велела она насильно положить его на постель с собою, целовала и обнимала его; но и этим соблазном не смогла привлечь его к себе. Блаженный же сказал ей: «Напрасен труд твой, не думай, что я безумный или что не могу этого дела сделать: я, ради страха Божия, тебя гнушаюсь, как нечистой». Услышав это, вдова приказала давать ему по сто ударов каждый день, а потом велела обрезать тайные члены, говоря: «Не пощажу его красоты, чтобы не насытились ею другие». И лежал Моисей, как мертвый, истекая кровью, едва дыша.

Болеслав же, по прежней любви к этой женщине потакая ей, воздвиг великое гонение на черноризцев и всех их изгнал из земли своей. Но Бог скоро отмстил за рабов Своих. Однажды ночью Болеслав внезапно умер, и поднялся великий мятеж во всей Польской земле: восставший народ побил своих епископов и бояр, как и в Летописце рассказано. Тогда и эту вдову убили.

Преподобный же Моисей, оправившись от ран, пришел к Святой Богородице, в святой Печерский монастырь, нося на себе мученические раны и венец исповедания, как победитель и воин Христов. И Господь даровал ему силу против страстей.

Некто из братьев, одержимый плотской страстью, пришел к этому преподобному и молил его помочь ему, говоря: «Даяю обет сохранить до смерти все, что ты велишь мне». Блаженный же сказал ему: «Никогда за всю свою жизнь ни с одной женщиной не говори ни слова». Он же с любовью обещался исполнить это. У святого же в руке был посох, без которого он не мог ходить от тех ран, ударил он им в лоно пришедшего к нему брата, и тотчас омертвели члены его, и с тех пор не было искушения этому брату.

О том, что случилось с Моисеем, записано и в житии святого отца нашего Антония, так как во времена святого Антония пришел блаженный; и скончался он о Господе в добром исповедании, пробыв в монастыре десять лет, а в плену страдал пять лет в оковах, шестой же год за чистоту.

Я упомянул и о изгнании чернецов из Польши, за пострижение преподобного, предавшегося Богу, которого он возлюбил. Об этом рассказано в житии святого отца наше Феодосия. Когда святой отец наш Антоний был изгнан князем Изяславом из-за Варлаама и Ефрема, жена князя, полячка, удерживала его от этого, говоря: «И не думай поступать так. То же было некогда в нашей земле: некоей ради вины изгнаны были черноризцы из пределов земли нашей и великое зло тогда сделалось в Польше!» Из-за Моисея это произошло, как уже прежде рассказано.

И вот то, что мы узнали, то все и написали о Моисее Угрине и Иоанне Затворнике, о том, что сделал чрез них Господь во славу свою, прославляя их за терпение, и дарами чудотворения наделил их. Слава Ему ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

*О ПРОХОРЕ ЧЕРНОРИЗЦЕ, КОТОРЫЙ МОЛИТВОЮ
ИЗ ТРАВЫ, НАЗЫВАЕМОЙ ЛЕБЕДА, ДЕЛАЛ ХЛЕБЫ,
А ИЗ ПЕПЛА СОЛЬ. СЛОВО 31*

Такова воля человеколюбца-Бога о Своем творении: во все времена и лета заботится Он о роде человеческом и дарует ему полезное. Ожидая нашего покаяния, наводит Он на нас иногда голод, иногда рати за межусобные распри властелина. Этим Владыка наш направляет человеческое нерадение к добродетели, напоминая суть неподобных дел, ибо делающие злые и неподобные дела преданы будут злым и немилостивым властелинам за грехи свои, но и те не избегут

суда: суд бывает без милости тому, кто сам не творит милости.

Произошло это во дни княжения Святополка в Киеве. Много насилий делал людям Святополк, без вины искоренил до основания семьи многих знатных людей и имение у них отнял. И за то попустил Господь взять поганым силу над ним: и много тогда было войн с половцами. К тому же были в те времена усобицы и голод сильный, и во всем была скудость великая в Русской земле.

В те дни пришел некий человек из Смоленска к игумену Иоанну, желая стать иноком; игумен постриг его и назвал Прохором. Став черноризцем, Прохор предал себя на послушание и такое безмерное воздержание, что отказался даже от хлеба. Он собирал лебеду, растирая ее своими руками, делал из нее хлеб и этим питался. И заготавливал он себе ее на год, а на следующее лето собирал новую, и так довольствовался он лебедой вместо хлеба всю жизнь свою.

И Господь, видя терпение его и великое воздержание, превратил ему горечь ту в сладость, и была ему радость после печали, по сказанному: «Вечером водворяется плач, а наутро радость». И ради этого прозвали его Лебедником, потому что, как сказано выше, никогда он не вкушал ни хлеба, кроме просфоры, ни овощей никаких, ни напитков, но только лебеду и воду. И не роптал он никогда, но всегда служил Господу с радостью. И не страшился он никогда никаких бед, потому что жил, как птица: не приобретал ни сел, ни амбаров, где бы хранить добро свое. Он не говорил, как тот Богач: «Душа! много добра лежит у тебя на многие годы: ешь, пей, веселись!» Не имел он ничего, кроме лебеды, да и ту приготавливал только на один год, говоря себе: «Человече! В эту ночь возмут от тебя душу твою ангелы, так кому же останется приготовленная тобой лебеда?» Он на деле исполнил слово Господа, который сказал: «Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы, и

Отец ваш Небесный питает их». Подражая им, преподобный Прохор легко проходил путь до того места, где росла лебеда, и оттуда на своих плечах, как на крыльях, приносил ее в монастырь и приготавливал себе в пищу: на непаханой земле несеянный хлеб был ему.

Настал великий голод, и смерть из-за голода нависла над всеми людьми; блаженный же продолжал дело свое, собирая лебеду. Увидев его, собирающим лебеду, один человек и сам стал собирать лебеду для себя и для домашних своих, чтобы пропитаться ею в голодное время. Блаженному же тогда пришлось гораздо больше собирать лебеды на пищу, и принял он на себя в те дни еще больший труд: собирая это зелье и, как я уже говорил, растирая его своими руками, делал из него хлеба и раздавал их неимущим и от голода изнемогающим. Многие приходили к нему в это голодное время, и он всех оделял этими хлебами, и сладкими, как с медом, казались они всем; и никому так настоящего хлеба не хотелось, как руками этого блаженного приготовленного из дикого зелья. И если он сам давал с благословением, то светел, и чист, и сладок бывал его хлеб; если же кто брал тайком, то оказывался хлеб горек, как полынь.

Некто из братии потихоньку украл хлеб, и стал есть его без благословения того старца, и не мог его есть, потому что в его руках он сделался как полынь и без меры горьким. И так повторялось не раз. Но стыдился брат, от срама не мог открыть блаженному своего согрешения. Однако будучи голоден, не стерпев естественной нужды и видя смерть пред глазами своими, пришел он к Иоанну-игумену и, прося прощения за свое согрешение, рассказал ему о случившемся. Игумен не поверил рассказанному и, чтобы узнать, подлинно ли это так, велел другому брату сделать то же: взять хлеб тайно. Принесли хлеб, и оказалось то же, что говорил укравший брат: никто не мог есть его от горечи. Держа этот хлеб в руках, игумен послал попросить хлеб

у блаженного. «Один хлеб, — сказал он, — возьмите из рук его, а другой хлеб, уходя от него, украдите». Когда принесли эти хлеба, украденный изменился пред всеми и сделался как прах, и был горек, как и первый, а хлеб, взятый из рук блаженного, — светел и сладок, как мед. После такого чуда повсюду прошла слава об этом муже, и многих голодных прокормил он, и многим был полезен.

Когда Святополк, в союзе с Володарем и самим Васильком, пошел ратью на Давида Игоревича в отместку за Василька, которого ослепил он, подстрекаемый Давыдом Игоревичем, не стали пускать ни купцов из Галича, ни ладей из Перемышля, и не было соли во всей Русской земле. Наступило трудное время, начались незаконные грабежи, как сказал пророк: «Съедающие народ мой, как едят хлеб не призывающие Господа». И были все люди в великой печали, изнемогли от голода и от войны, не имели ни пшеницы, ни даже соли, чем бы преодолеть скудость свою.

Блаженный Прохор тогда имел уже келью свою; и собрал он к себе из всех келий множество пепла, но так, что никто не знал, и раздавал его приходящим к нему, и для всех, по молитве его, делался он чистой солью. И чем больше он раздавал, тем больше у него становилось. И ничего не брал за это, а всем даром давал, сколько кому нужно, и не только монастырю было довольно, но и мирские люди приходили к нему и обильно брали, сколько кому требовалось для дома своего. Торжище опустело, а монастырь был полон приходящими за солью. И пробудило это зависть у продавцов соли, потому что не получили они, чего желали. Они думали приобрести в это время большой барыш от соли, и впали они в великую печаль: то, что они прежде продавали по дорогой цене, за куну — две меры, теперь же, за ту же цену, и десяти мер никто не брал.

И собрались все, продававшие соль, пришли к Святополку и стали наущать его против инока, говоря: «Прохор,

чернец Печерского монастыря, отнял у нас богатства много: дает соль всем приходящим к нему безотказно, и мы от того обнищали». Князь, же, хотя им угодить, и о другом про себя подумал: между ними прекратить ропот, а себе богатство приобрести. Обдумав это, решил он со своими советниками, что цена на соль будет высокая и, отнявши у инок, сам будет продавать ее. Крамольников этих он успокоил, сказав: «Ради вас пограблю чернеца», а сам таил мысль о приобретении богатства себе. Он хотел хотя бы немного угодить им и только больше вреда сделал: ибо зависть никакой пользы принести не может.

Послал князь всю соль у инок отнять. Когда привезли соль, князь с теми крамольниками, которые наущивали его против блаженного, пошел посмотреть ее, и увидели все перед глазами своими, что это пепел. Сильно удивились все, говоря — что бы это значило? — и недоумевали. Желая узнать доподлинно, в чем дело, князь велел хранить ее три дня. И повелел он одному человеку отведать, и оказался пепел в устах у того.

Как обычно, множество народа продолжало приходить к блаженному, желая получить соль, и узнав, что старец ограблен, возвращались с пустыми руками, проклиная сделавшего это. Блаженный же им сказал: «Когда выбросят ее, тогда идите и заберите себе». Князь продержал ее три дня, потом велел ночью выбросить ее. Высыпали пепел, и он сразу же превратился в соль. Горожане же, узнавши об этом, пришли и разобрали соль.

От такого дивного чуда пришел в ужас сделавший насилие: не мог он скрыть происшедшего, потому что свершилось это на глазах всего города, и стал князь выпытывать, что бы это значило. Тогда рассказали князю и о другом чуде, которое сотворил блаженный, кормя лебедой множество народа, и в устах их она становилась хлебом сладким; когда же некоторые брали хлеб без его благословения, то оказывался

он как прах и на вкус горек, как полынь. Услышавши это, устыдился князь содеянного им, пошел в монастырь к игумену Иоанну и покаялся перед ним. Прежде же он питал к нему ненависть из-за того, что игумен обличал его за ненасытную жадно к богатству и за чинимые насилия. Святополк тогда схватил его и заточил в Туров; но поднялся на него Владимир Мономах, и Святополк, испугавшись гнева его, скоро с честью возвратил игумена в Печерский монастырь.

Теперь же, ради такого чуда, воспылал князь великой любовью к обители святой Богородицы и к святым отцам Антонию и Феодосию, черноризца же Прохора он с этих пор сильно почитал и восхвалял, так как убедился, что он воистину раб Божий. И дал он слово Богу не делать более никому насилия. И старцу князь дал крепкое слово, сказав: «Если по изволению Божию я прежде тебя отойду из света сего, то ты своими руками в гроб положи меня, и да явится в этом твое беззлобие ко мне; если же ты прежде меня престоавишься и пойдешь к неподкупному судии, то я на плечах своих в пещеру внесу тебя, чтобы Господь подал мне прощение в великом грехе моем перед тобой». Сказав это, князь пошел от него.

Блаженный же Прохор еще много лет прожил в добром исповедании, богоугодным, чистым и непорочным житием. И вот разболелся святой, а князь в это время на войне был. Тогда святой извещение послал к нему, говоря: «Приблизился час исхода моего из тела; приди, если хочешь, да простимся с тобой, и исполнишь обещание свое — своими руками положишь меня в гроб и прощение примешь от Бога. Я только ожидаю твоего прихода, и если помедлишь, я отойду; и не опасайся — война окажется для тебя успешной, если ты придешь ко мне». Услышав это, Святополк тотчас же воинов распустил и пришел без промедления к блаженному. Преподобный же долго наставлял князя о милостыне, и о будущем суде, и о вечной жизни, и о бесконечной муке, потом дал ему благословение и прощение, простился со всеми, бывшими с

князем, и, подняв руки к небу, испустил дух. Тогда князь, взяв святого старца, отнес его в пещеру и своими руками в гроб положил.

После погребения блаженного он пошел на войну, и великую победу одержал над безбожными агарянами, покорил всю землю их, и привел много пленных. Это была Богом дарованная победа в Русской земле, предсказанная преподобным.

С тех пор Святополк, шел ли на войну или на охоту, всегда приходил в монастырь с благодарением, поклонялся Святой Богородице и гробу Феодосиеву, потом входил в пещеру к святому Антонию и блаженному Прохору и, всем преподобным отцам поклонившись, шел в путь свой. И процветало оберегаемое Богом княжение его. Сам будучи свидетелем, он открыто возвещал о чудесах и знамениях преславного Прохора и других преподобных, да получим и мы все с ними милость о Христе Иисусе, Господе нашем, слава Ему с Отцом и со Святым Духом, ныне и присно.

*О ПРЕПОДОБНОМ МАРКЕ ПЕЩЕРНИКЕ, ПОВЕЛЕНИЙ
КОТОРОГО МЕРТВЫЕ СЛУШАЛИСЬ.*

СЛОВО 32

Мы, грешные, подражаем писаниям древних святых, в которых они нам изъясняли и написали о житии и чудесах и делах богоугодных преподобных мужей, которых с великим трудом обрели в пустынях, и в горах, и в ущельях, одних они сами видели, а о других лишь слышали; слышали мы и о житии, чудесах и деяниях тех, кто жил еще прежде них, о каких, Патерик сложив, поведали отцы, а мы читаем его, наслаждаясь духовными словами.

Я же, недостойный, и разума истины не постиг и ничего такого не видел, а последую слышанному мной; то, что мне рассказал преподобный епископ Симон, то я и написал твое-

му преподобию. И никогда не обходил я святых мест, не видел ни Иерусалим, ни Синайские горы и не могу приложить чего-нибудь к повести для прикрасы, как это в обычае у хитрословесников. Я не буду хвалиться ничем, кроме этого святого монастыря Печерского, и бывшими в нем черноризцами, их житием и чудесами, их же поминаю я радуясь, и уповаю я, грешный, на молитву тех святых отцов. Отсюда положу начало повести о преподобном Марке Пешернике.

Этот святой Марко жил в пещере, при нем перенесен был святой отец наш Феодосии из пещеры во святую и великую церковь. Этот преподобный Марко много могил в пещере своими руками выкопал, вынося землю на своих плечах, и так трудился он днем и ночью для дела Божия. Выкопал он много могил на погребение братии и ничего не брал за это, а если же кто сам что-нибудь давал ему, он принимал и раздавал убогим.

Однажды копал он, по обычаю, и, много трудившись, изнемог, и оставил могилу узкой и не расширенной. Случилось же, что один больной брат отошел к Богу в этот день, и не было другой могилы, кроме той — тесной. Принесли мертвого в пещеру и от тесноты едва уложили его. И стала братия роптать на Марка, потому что нельзя было ни одежд поправить на мертвом, ни даже елей на него возлить, так узка была могила. Пешерник же со смирением кланялся всем, говоря: «Простите меня, отцы, за немощью не dokonчил». Они же еще больше стали укорять его. Тогда Марко сказал мертвому: «Так как тесна могила эта, брат, окропись сам: возьми елей и возлей на себя». Мертвый же, приподнявшись немного, протянул руку, взял елей и возлил себе крестообразно на грудь и на лицо, потом отдал сосуд и перед всеми сам оправил на себе одежды, лег и снова умер. И когда произошло это чудо, охватил всех страх и трепет от свершившегося.

Потом другой брат, после долгой болезни, умер. Некто из друзей его отер тело губкой и пошел в пещеру посмотреть

могилу, где будет лежать тело друга его, и спросил он о ней блаженного. Преподобный же Марко ответил ему: «Брат, пойдди, скажи брату: "Подожди до завтра, я выкопаю тебе могилу, тогда и отойдешь от жизни на покой"». Пришедший же брат сказал ему: «Отче Марко, я уже губкой отер мертвое тело его, кому мне велишь говорить?» Марко же опять сказал: «Видишь, могила не dokonчена. И как велю тебе, иди и скажи умершему: «Говорит тебе грешный Марко: брат, поживи еще этот день, а завтра отойдешь к возлюбленному Господу нашему. Когда я приготовлю место, куда положить тебя, то пришло за тобой»».

Послушался пришедший брат преподобного, и когда пришел в монастырь, то нашел братию совершающей обычное пение над умершим. Он же, став пред мертвым, сказал: «Говорит тебе Марко, что не приготовлена еще для тебя могила, брат, подожди до завтра». Удивились все словам таким. Но только что произнес их пред всеми пришедший брат, тотчас мертвый открыл глаза и душа его возвратилась в него, весь тот день и всю ночь пробыл он с открытыми глазами, но никому ничего не говорил.

На другой день тот брат, который ходил к Марку, пошел в пещеру, чтобы узнать, готово ли место. Блаженный же сказал ему: «Пойди и скажи умершему: "Говорит тебе Маркою — оставь эту временную жизнь и перейди в вечную, вот уже место готово для принятия тела твоего, предай Богу дух свой, а тело твое положено будет здесь, в пещере, со святыми отцами"». Пришел брат, сказал все это ожившему, и тот пред всеми, пришедшими посетить его, тотчас сомкнул глаза и испустил дух. И положили его честно, в предназначенном ему месте в пещере. И дивились все такому чуду: как по одному слову блаженного ожил мертвец и по повелению его снова преставился.

Были еще два брата в том же великом монастыре Печерском, с юности связанные сердечной любовью, и имели одни мысли, одни желания, обращенные к Богу. И умолили они

блаженного Марка, чтобы сделал он им общую могилу, где бы лечь вместе, когда Господь повелит.

Спустя долгое время Феофил, старший брат, отлучился куда-то по надобности; меньшей же разболелся и отошел на покой, в иную жизнь, и его положили в приготовленном месте. Через несколько дней возвратился Феофил. Узнавши о брате, он сильно горевал и, взяв с собой некоторых из иноков, пошел в пещеру посмотреть, где и на каком месте положен умерший. Увидав же, что его положили на верхнем месте, вознегодовал и роптал много на Марка, говоря: «Зачем ты положил его здесь? Я старше его, а ты положил его на моем месте». Пещерник же, человек смиренный, кланяясь ему, говорил: «Прости меня, брат, согрешил я перед тобой». И, промолвив это, сказал умершему: «Брат! встань и дай место умершему брату, а сам ляг на нижнем месте». И вдруг по слову преподобного встал мертвец и лег на нижнем месте на глазах у всех пришедших. И видели все чудо страшное и полное ужаса.

Тогда брат, роптавший и сердившийся на блаженного за то, как он положил умершего брата, припал к ногам Марка, говоря ему: «Отче Марко, согрешил я, подняв брата с места. Молю тебя: вели ему опять лечь на своем месте». Блаженный же сказал ему: «Господь пресек вражду между нами. Он сделал это из-за твоего роптания, чтобы ты не враждовал вечно и не хранил злобу на меня. Вот и бездушное тело показывает любовь к тебе, почитая и по смерти твое старшинство. Я хотел, чтобы ты, не выходя отсюда, воспользовался своим старшинством, и теперь же и положен был бы здесь, но так как ты еще не готов к исходу, то иди, позаботься о своей душе, и через несколько дней сюда принесен будешь. Воскрешать же мертвых есть дело Божие, а я человек грешный. И этот мертвец, боясь твоей обиды и укоров мне, которые он не стерпел бы от тебя, оставил тебе половину места, приготовленного для вас обоих. Бог может поднять его, а я не могу

сказать умершему: "Встань", а потом: "Опять ляг на верхнем месте". Вели ему ты и скажи — может быть, тебя послушается, как теперь». Услышав это, Феофил стал сильно скорбеть от таких страшных слов Марковых и думал, что тут и упадет мертвым, не зная, дойдет ли до монастыря.

И когда пришел он в свою келью, то охватил его плач неутешный. Роздал все до последней рубашки, оставив себе только одну свитку да мантию, и стал ожидать часа смертного. И никто не мог его остановить от горького плача, и никто никогда не мог принудить его принять сладкой пищи. Когда наступал день, говорил он сам себе: «Не знаю, доживу ли до вечера»; приходила ночь, и он плакал и говорил: «Что мне делать, если доживу я до утра? Многие ведь, встав утром, не доживали до вечера, ложились на ложах своих и уже не вставали с них; как же быть мне, получившему извещение от преподобного, что скоро кончится жизнь моя?» И он молил Бога со слезами дать ему время на покаяние.

Так проводил он каждый день, изнуряя себя голодом, и молясь и плача, все время ожидая дня и часа смертного. В этом ожидании разлучения с телом до того истомил он плоть свою, что можно было счесть все его кости. Многие хотели утешить его, но только доводили до большего рыдания. Наконец от многих слез ослепли очи его, и так проводил он все дни жизни своей в великом воздержании, угождая Богу добрым житием.

Преподобный же Марко, узнав о часе отшествия своего к Господу, призвал Феофила и сказал ему: «Брат Феофил, прости меня, что я огорчил тебя на много лет! Вот я отхожу из мира этого, молись обо мне; если же я получу милость у Бога, то не забуду тебя, да сподобит нас Господь свидеться там и быть вместе с отцами нашими, Антонием и Феодосием!» С плачем отвечал ему Феофил, говоря: «Отче Марко, зачем ты меня оставляешь? Или возьми меня с собой, или дай мне прозрение». Марко же сказал ему: «Брат, не скорби, по-

тому что Бога ради ослеп ты очами телесными, но духовными на разумение Его призрел. Я, брат, был виною твоей слепоты: предсказав тебе смерть, хотел я сделать душе твоей пользу и высокоумие твое на смирение обратить, ибо сердца сокрушенного и смиренного Бог не отвергнет». Феофил же сказал ему: «Я знаю, отче, что за грехи мои я пал бы мертвый перед тобой в пещере, когда ты мертвеца поднял, но Господь, ради святых твоих молитв, даровал мне жизнь, покаяния моего ожидая. Теперь же вот чего прошу у тебя: или с тобой отойду к Господу, или даруй мне прозрение». Марко же сказал: «Нет тебе нужды видеть маловременный свет этот, проси у Господа, чтобы там увидеть славу Его; и смерти не желай: придет, хотя бы ты и не хотел. Но вот тебе знамение твоего отшествия: за три дня до преставления своего ты прозришь, и так отойдешь к Господу, и увидишь там свет нескончаемый и славу неизреченную». И сказав эти, блаженный Марко преставился о Господе, и был положен в пещере, где сам себе вырыл могилу.

Разлука с отцом Марком уязвила сердце Феофила и удвоила его рыдания; целые источники слез проливал он, и слезы все умножались ему. Он имел сосуд, и, когда становился на молитву и приходили ему слезы, он ставил сосуд и над ним плакал; и за много лет наполнил его слезами, потому что всякий день ожидал исполнения пророчества преподобного.

Когда же почувствовал он свою кончину о Господе, то стал прилежно молиться Богу, чтобы угодны были слезы его пред Ним, и, воздев руки к небу, стал молиться, так говоря. Молитва: «Владыко-человеколюбец, Господи Иисусе Христе, Царь мой пресвятой, Ты не хочешь смерти грешников, но ожидаешь их обращения, ведая немощ нашу, Утешитель благой, больным здравие, грешникам спасение, изнемогающим укрепитель, падающим восстание! Молю Тебя, Господи, в час сей покажи мне, недостойному, милость Свою и излей неисчерпаемую пучину милосердия Твоего, избавь меня от

искушений врагов на мытарствах и не дай им овладеть мной, по молитвам угодников Твоих, великих отцов наших, Антония и Феодосия, и всех святых, от века угодивших Тебе. Аминь».

И тут вдруг некто, прекрасный видом, стал перед ним и сказал ему: «Ты хорошо помолился, но зачем хвалишься тщетой слез?» И, взяв сосуд гораздо больше Феофилова, благоухания исполненный, как мирра благовонного, он сказал: «Это часть твоих же слез, которые в молитве к Богу излил ты от сердца, — те, которые ты отер рукою, или платком, или одеждою, или которые на землю упали из глаз твоих. Все их, по повелению Творца нашего, я собрал и хранил в этом сосуде, и ныне я послан поведать тебе радость: с веселием отойдешь к Тому, который сказал: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся». И сказав это, сделался невидим.

Тогда блаженный Феофил призвал игумена и поведал ему явление ангела и речи его, и показал ему оба сосуда: один был полон слез, другой же благовония, несравнимого ни с какими ароматами, и попросил он вылить их ему на тело. Через три дня он отошел к Господу. И положили его достойно в пещере, около Марка Пещерника; когда тело его помазали из ангелова сосуда, вся пещера наполнилась благоуханием; вылили и сосуд слез на него, чтобы сеявший слезами в радости пожал плод дела рук своих: сказано — сеющие слезами о Христе утешены будут, — Ему же слава с Отцом и со Святым Духом!

СЛОВО О СВЯТЫХ ПРЕПОДОБНЫХ ОТЦАХ ФЕОДОРЕ И ВАСИЛИИ. СЛОВО 33

Сказано: как мать всему благову есть нестяжание, так корень и мать всему злomu — сребролюбие. Лествичник говорит: «Любящий собирать имение за иглу до смерти тягаться, а тот, кто не любит богатства, Господа возлюбит и заповеди Его сохранит». Такой сберечь имения не может, но растра-

чивает его благопристойно, всем нуждающимся подавая; так и Господь сказал в Евангелии: «Если человек не отрешится от всего, что имеет, не может быть моим учеником».

Последуя этому слову, Феодор оставил все мирское, богатство роздал нищим и стал иноком и крепко подвизался в добродетели. По повелению игумена стал он жить в пещере, называемой Варяжской, и провел в ней много лет в великом воздержании.

И вот, по вражьему наваждению, стал он тужить и сильно печалиться о богатстве, которое роздал нищим: приходило ему на мысль, что если он долго проживет и изнеможет телом, то не сможет довольствоваться монастырской пищей. В такое искушение его враг вводил, он же не поразмыслил, не помянул Господа, сказавшего: «Не заботьтесь о завтрашнем дне и не говорите: "Что нам есть?" или "Что пить?", или: "Во что одеться?" Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, и Отец ваш Небесный питает их». И много раз смущал его враг, желая привести его в отчаяние тем, что обвинял он, раздав богатство свое убогим. И многие дни проводил он в таких мыслях, помраченный врагом из-за своей бедности, и открыто высказывал скорбь свою перед друзьями.

И вот однажды некто Василий, один из совершеннейших иноков того же монастыря, сказал ему: «Брат Феодор, молю тебя, не погуби мзды своей. Если ты хочешь богатства, то все, что у меня есть, я отдам тебе, только скажи перед Богом: "Пусть все, что я роздал, Твоей будет милостыней", и живи тогда без печали, получив снова богатство свое; но берегись: простит ли тебе это Господь?» Услышав это, убоялся Феодор страхом великим гнева Божия. Услышал он также от этого Василия о том, что сделалось в Константинополе с пожалевшим розданное в милостыню золото: упав посреди церкви, умер он и лишился того и другого — с золотом и жизнь сбою погубил. Поразмыслив об этом, Феодор стал оплакивать свое согрешение и брата благодарить, избавившего

его от такого недуга. О таких сказал Господь: «Если кто извлечет драгоценное из ничтожного, то будет как мои уста». И с тех пор зародилась великая любовь между ними. И преуспевал Феодор в заповедях Господних, и творил угодное Господу, и это было великим огорчением для дьявола, что он не смог прельстить Феодора богатством, — и вот опять вооружается супостат и иную кознь придумывает ему на погибель.

Игумен послал Василия по некоторому делу из монастыря, тогда, найдя удобное время для своего злого замысла, враг принял облик Василия и вошел к пещернику; сначала он говорил ему доброе: «Как живешь теперь, Феодор? Отступила ли от тебя сила бесовская или еще смущают они тебя любовью к богатству, напоминая о розданном имении?» Не понял Феодор, что то был бес, думая, что брат говорит ему это, и отвечал ему блаженный: «Твоими, отче, молитвами хорошо мне теперь; ты утвердил меня, и я не буду больше слушать бесовского нашептывания. И теперь, если ты велишь мне что-нибудь, я с радостью исполню, не ослушаюсь тебя, потому что великую пользу для души нашел я от твоего наставления». Бес, мнимый брат, взял силу над ним, так как Феодор не помянул Господа Бога, и сказал ему: «Даю тебе теперь другой совет, благодаря которому обретешь покой и скоро воздаяние получишь; только попроси у Бога, и он даст тебе золота и серебра множество; и не разрешай никому входить к себе и сам не выходи из пещеры своей». Пещерник обещался сделать так. И отошел от него бес.

И вот невидимо стал внушать ему помышления пронырливый о сокровище так, что подвиг блаженного на молитву просить у Бога золота и, получив его, раздать в милостыню. И вот увидел он во сне беса, как ангела светлого и прекрасного, показывающего ему сокровище в пещере, — и много раз виделось это Феодору. Наконец, спустя много времени, пришел он на указанное место, стал копать и на-

шел сокровище — множество золота и серебра и сосуды многоценные.

Тогда опять пришел к нему бес, в образе брата, и стал говорить пещернику: «Где сокровище, данное тебе? Являвшийся к тебе мне сказал, что дано тебе множество золота и серебра по молитве твоей». Феодор же не хотел показывать ему сокровища. Бес явно говорил с пещерником, а втайне влагал ему мысль, взявши золото, уйти в иную страну. И говорит он: «Брат Феодор! Не говорил ли я тебе, что скоро ты примешь воздаяние? Господь сказал: "Всякий, кто оставит дом и земли или имение ради Меня, получит во сто крат и жизнь вечную наследует". И вот уже в руках твоих богатство, делай с ним что хочешь». Пещерник же сказал: «Я просил у Бога для того, что, если мне даст, то все в милостыню раздать; для этого он и даровал мне». Супостат же сказал ему: «Брат Феодор! Берегись, чтобы тебе опять по действию бесовскому не затужить, как прежде, о розданном, — это дано тебе взамен того, что ты роздал убогим. Я велю тебе: возьми это, иди в иную страну и там купи себе села и все, что будет тебе нужно, и там ты можешь спастись и избавиться от бесовских козней; после же смерти ты отдашь свое братство куда захочешь, и это будет в память по тебе». Феодор же сказал ему: «Не стыдно ли мне будет, что я, оставив мир и все, что в нем, и, обещавшись Богу здесь жизнь свою кончить, в пещере этой, сделаюсь беглецом и мирским жителем? Все, что тебе угодно, то и будет, и все, что ты скажешь, сделаю, но живя монастыре». Бес же, мнимый брат, сказал: «Утаить сокровища ты не можешь, — непременно узнают о нем и возьмут, прими мой совет, который я тебе даю. Если бы это не угодно было Богу, то не даровал бы тебе богатства и меня не известил бы».

Тогда пещерник поверил ему, как брату, и стал готовиться выйти из пещеры: приготовил возы и ящики, чтобы, собрав в них сокровище, уйти, куда захочет, повелением бе-

совским; хотел бес причинить ему какое-нибудь зло своим кознодейством, отлучивши его от Бога и святого места, и от дома Пречистой и преподобных отцов наших Антония и Феодосия. Но Бог, не хотящий погибели ни одного человека из сего святого места, спас и этого молитвами святых Своих.

В это время возвратился посланный игуменом Василий, который прежде уже спас пещерника от помышления злого. Пришел он в пещеру, желая увидеть живущего в ней брата, и сказал ему: «Феодор, брат, как в Боге живешь ныне?» Удивился Феодор вопросу, что говорит так, как будто долгое время не виделись, — и сказал ему: «Вчера и третьего дня ты постоянно был со мною и поучал меня, и вот я иду, куда ты велишь мне». Василий же сказал: «Скажи мне, Феодор, что значат эти слова, которые ты говоришь: "Вчера и третьего дня все время был со мною и поучал меня?" Уж не бесовское ли это мечтание? Не утай от меня Бога ради». Феодор же с гневом сказал ему: «Что искушаешь меня и зачем смущаешь душу мою, то так мне говоришь, то иначе, и какому же слову верить?» И так прогнал его от себя с жестокими словами.

Василий же, все это выслушав, пошел в монастырь. Бес же опять пришел к Феодору в образе Василия и сказал ему: «Потерял ты, брат, из-за сомнений свой разум. Но не попомнив обиды твоей, которую принял от тебя сегодня ночью, снова тебе говорю: уходи скорее, в эту ночь, взяв найденное». И, сказав это, бес ушел от него.

Когда же настал день, снова пришел Василий к нему, взяв с собой некоторых из старцев, говоря пещернику: «Их привел я в свидетели, что три месяца прошло с тех пор, как я виделся с тобой, и в монастыре я третий день, ты же говоришь: "Вчера и третьего дня". Здесь какое-то бесовское действо. Когда тот придет к тебе, не дай ему беседовать с тобой, прежде чем не сотворит он молитву, и тогда уразумеешь, что это бес». И, сотворив запрещающую молитву, призвав свя-

тых в помощь, он ушел в свою келью, утвердив пещерника.

Бес же после этого не смел явиться к пещернику, и уразумел Феодор, что то была лесь дьявола. И с тех пор всякого, кто приходил к нему, он заставлял сначала помолиться и тогда уже беседовал с ним. И после этого укрепился он на врагов и узнал пронырство их, и Господь избавил его от воображаемых чудищ и не допустил его быть рабом их, что случается со многими, пребывающими в пустыне, или в пещерах, или в затворах, живущими уединенно. Великая твердость нужна, чтобы не погибнуть от бесов, как хотели они этого погубить, но избавил Господь его.

Для найденного же сокровища Феодор вырыл глубокую яму и, положив его туда, закопал, и с того времени и доныне никто не знает, где скрыто оно.

Сам же он предал себя на работу тяжкую, чтобы не облениться, пребывая в праздности, ибо из-за этого пропадает страх Божий, а бесы обретают власть. Поставил он в своей пещере жернова и с тех пор начал работать на святую братию: брал из сусека пшеницу и своими руками молот ее, всю ночь проводя без сна, трудясь на работе и на молитве; на другой же день в сусек муку высыпал и опять брал жито. И так много лет делал, работая на святую братию, и облегчение было рабам монастырским, и не стыдился такой работы и молил Бога беспрестанно, чтобы отнял у него память сребролюбия. И Господь освободил его от такого недуга, так что он и не думал о богатстве. Золото и серебро стали для него подобны грязи.

Прошло много времени, и он в такой работе и злострадании подвизался неустанно. Келарь же, видев, как он трудится, однажды, когда привезли жито из сел, послал к нему в пещеру пять возов, чтобы не утруждался он, постоянно приходя за житом. Он же, ссыпав жито в сосуды, начал молоть, распевая наизусть Псалтырь; наконец, устав, лег, хотя поспать немного. И вот внезапно раздался гром, и начали жер-

нова молоть. И поняв, что это бесовское действо, встал блаженный, и начал молиться Богу прилежно, и сказал громким голосом: «Господь велит тебе перестать, вселукавый дьявол!» Бес же не переставал молоть жерновами. Феодор снова сказал: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа, свергшего вас с небес и предавшего на поправление Своим угодникам, велит тебе, чрез меня, грешного, не переставать работать до тех пор, пока не измелешь все жито, да и ты поработаешь на святую братию». И, сказав это, стал на молитву. Бес же не посмел послушаться и до рассвета измолот на муку все пять возов жита. Феодор же известил келарю, чтобы тот прислал за мукой. И удивился келарь дивному чуду, что пять возов измолото за одну ночь, и вывез пять возов муки из пещеры, и к ним еще пять возов прибавилось муки.

И это чудо удивительно было и тогда, и для ныне слышащих, — сбылось сказанное в Евангелии: «И бесы повинуются вам именем Моим». Ведь сказано: «Дал вам власть наступать на змею, и на скорпиона, и на всякую силу вражью». Хотели бесы устроить блаженного, но сами были наказаны тяжелой работой, так, что стали они зывать к нему: «Больше здесь не появимся!»

Феодор же и Василий по богоугодному совету между собой решили, чтобы никогда помыслов своих не таить друг от друга, но вместе обсуждать и решать по Божьему совету. И вот Василий вошел в пещеру, Феодор же, по старости, вышел из пещеры, хотя келью себе поставить на старом дворе.

Монастырь был тогда выжжен, и к берегу пригнали плоты для постройки церкви и келий, и наняты были возчики возить лес на гору. Феодор же, не желая быть в тягость другим, сам на себе начал носить лесины; и что приносил Феодор для постройки кельи своей, то бесы, пакость ему творя, сбрасывали с горы, хотели этим прогнать блаженного. Феодор же сказал: «Во имя Господа Бога нашего, повелев-

шего вам в свиней войти, повелевает Он вам через меня, раба Своего, чтобы каждое бревно которое на берегу, подняли вы на гору, дабы облегчился труд работающих Богу, пусть так устроится молитвенный дом Святой Владычицы нашей Богородицы, и иноки кельи себе поставят. И прекратите вы пакости им творить и узнайте, что Господь находится в месте этом». В ту же ночь, не переставая, бесы носили бревна от Днепра на гору, пока ни одного не осталось внизу, и все это пошло на постройку церкви, и келий, и кровли, и помоста, и хватило на все, что требовалось монастырю.

Утром же встали возчики и поехали на берег, чтобы возить бревна, и ни одного не нашли на берегу, но все были на горе, и оказались сложенными не в одном месте, а все разобраны по порядку: особо — для кровли и особо — для помоста, и особо — большие бревна, неудобноносимые из-за длины, и все в целости оказалось на горе. И дивились все, видевшие и слышавшие, тому, что сделалось выше человеческой силы. Иноверным многим это невероятным покажется из-за величия чуда, но свидетели его прославили Бога, творящего предивные чудеса ради угодников Своих. Ведь сказал же Господь: «Не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь больше тому, что имена ваши написаны на небесах». Это сделал Господь во славу Свою, молитв ради святых отцов наших, Антония и Феодосия.

Бесы же, не стерпев обиды, что, некогда почитаемые и убажваемые неверными и признаваемые за богов, оказались они ныне у угодников Христовых в пренебрежении, и унижении, и бесчестье, и, как рабы купленные, работают — бревна носят на гору и от людей должны отступаться, боясь угрозы преподобных, — ведь все козни их Василием и Феодором обличены были. И, видя бес себе укоризну от людей, возопил: «О злые и лютые мои супостаты, не отступлюсь, не отдохну, до смерти вашей борясь с вами!» Не ведал дьявол, что этим только еще большую славу доставит

им. И наустил на них злых людей, чтобы погубить их, и те натянули лук свой, орудие зла, но стрела их в их же сердце вонзилась, о чем после расскажем.

И нанятые работники и возчики воздвигли крамолу на блаженного, требуя своей платы и говоря так: «Не ведаем, какими кознями велел ты этим бревнам на горе оказаться». Неправедный же судья, мзду взявши с них, велел им получить плату с преподобного, так говоря: «Пусть помогут тебе бесы заплатить, которые тебе служат». Не вспомнил он о Божьем суде, о том, что неправедно судящий сам осужден будет.

И снова враг дьявол воздвиг бурю на преподобных: нашел он между княжескими советниками лютого, и свирепого, и непотребного нравом, и делом, и всякой злобой. Пришел к этому боярину бес в образе Василия, потому что был знаком боярину Василий, и сказал боярину: «Феодор, что был до меня в пещере, нашел сокровище, — золота и серебра множество и сосуды многоценные, и со всем этим хотел бежать в иную страну, я же удержал его. И теперь он юродствует: бесам приказывает молоть и с берега бревна носить на гору, — и свершается это, а сокровище скрывает до времени, чтобы тайно от меня уйти с ним, куда задумает. Вы же ничего не получите».

И боярин, услышав это от беса и считая его Василием, привел его к князю Мстиславу Святополчичу. Бес то же самое рассказал князю, и даже больше того, и сказал: «Скорее его схватите и возьмите сокровище. Если же не отдаст, то утрите его побоями и пытками: если же и тогда не даст, то пытайте его муками многими; а если и после этого не отдаст, то призовите меня и я обличу его перед всеми вами и место покажу, где скрыто сокровище». И давши им такой злой совет, бес ушел с глаз их.

Князь же рано утром, словно на охоту или на какого-нибудь воина грозного, поехал сам со множеством воинов и, схватив блаженного Феодора, привел его в дом свой. И сна-

чала ласково спрашивал его, говоря: «Отче, поведай мне, правда ли ты нашел сокровище? Я, — говорил он, — разделю его с тобою, и будешь ты отец отцу моему и мне». А Святополк был тогда в Турове. Феодор же сказал: «Да, нашел, и теперь оно зарыто в пещере». Князь же сказал: «Много ли, отче, золота, и серебра, и сосудов, и кем, по слухам, сокрыто все это?» Феодор же сказал: «В Житии святого Антония говорится, что это варяжский клад, и действительно там сосуды латинские, из-за этого Варяжской пещера называется и доныне. Золота же и серебра бесчисленное множество». Князь же сказал: «Почему же ты не дашь мне, сыну своему? Себе же возьми сколько хочешь». Феодор же сказал: «Мне из этого не нужно ничего, даже если ты повелишь мне взять, ибо мне это не на пользу, не требуется мне богатства, так как освободился я от него. Не помню ничего, а то о всем бы вам поведал, потому что вы богатству служите, я же свободен от этого».

И тогда князь с гневом сказал слугам: «Этого монаха, отвергшего милость мою, повелеваю сковать по рукам и по ногам и три дня не давать хлеба и воды». И снова спросил: «Открой — где сокровище?» Феодор же сказал: «Не помню, где спрятал его». Князь же велел жестоко мучить его, так что и власяница омочилась кровью; затем велел подвесить его в большом очаге, связав руки назад, и огонь раздуть. И многие удивились тогда терпению этого мужа, который пребывал в пламени, как в росе, а огонь даже власяницы его не коснулся. И некто из стоявших тут рассказал о чуде, сотворенном Феодором. И ужаснулся князь, и сказал старцу: «Зачем ты губишь себя и не отдаешь сокровища, которое нам достойно?» Феодор же сказал: «Истину тебе говорю, что молитва брата моего Василия спасла меня тогда, когда я нашел сокровище, и ныне отнял Господь от меня память сребролюбия, и я не помню, где спрятал его».

Князь же тотчас послал в пещеру за святым Василием.

Тот не хотел идти, но его насильно привели из пещеры. Князь же сказал ему: «Все, что ты мне велел сделать с этим злодеем, я сделал и хочу, чтобы ты был мне как отец». Василий же сказал: «Что я тебе велел сделать?» Князь же сказал: «О сокровище, про которое ты мне рассказал, он ничего не поведал, — и я пытал его». И ответил Василий: «Вижу козни злого беса, прельстившего тебя, а на меня возведшего ложь и на этого преподобного: меня никто и никогда не видел выходящим из пещеры своей пятнадцать лет». Тогда все, бывшие тут, сказали: «При нас ты говорил князю». Василий же сказал: «Всех вас бес прельстил, а я не видел ни князя, ни вас».

Разгневался князь и повелел бить его без милости. И не стерпев обличения, и захмелев от вина, и разъярившись, взял он стрелу и вонзил ее в Василия. И когда он проткнул его, Василий вытащил стрелу из тела своего, и бросил ее князю, и сказал: «Этой стрелой сам убит будешь». Как и сбылось по предсказанию его.

И повелел князь порознь заключить обоих иноков, чтобы утром предать их злым мукам, но в ту же ночь оба они скончались о Господе. И, узнав это, иноки пришли, взяли тела их и погребли их честно в пещере Варяжской. Где они подвизались, там и положены были в кровавых одеждах и власяницах, целы они и доньне: тех, кого постыдился огонь, как тление коснется?

По прошествии немногих дней сам Мстислав, воюя с Давыдом Игоревичем, по предсказанию Василия убит был на городской стене, во Владимире. И тогда признал он свою стрелу, которой пронзил Василия, и сказал: «Это я умираю за преподобных Василия и Феодора».

Так сбывается сказанное Господом: «Всякий, взявший нож, от ножа погибнет». Как он незаконно убил, так и сам незаконно убит был. Блаженные же приняли мученический венец о Христе Иисусе, Господе нашем, Ему же слава с Отцом и Святым Духом ныне и присно.

О ПРЕПОДОБНОМ СПИРИДОНЕ ПРОСВИРНИКЕ И ОБ АЛИМПИИ ИКОНОПИСЦЕ. СЛОВО 34

Всякая душа простая свята, не имея лукавства в себе, ни лести в сердце своем. Такой человек праведен пред Богом и людьми, и не может согрешить Богу, и еще больше, — не хочет, потому что он сосуд Божий и жилище Святого Духа, которым освещается его душа, и тело, и ум, как сказал Господь: «Я и Отец к нему придем и обитель у него сотворим. Вселюсь, — Сказал, — в них и буду ходить в них, и буду их Богом, и они будут Моим народом». Апостол же сказал: «Братья, вы церковь Бога живого, и Дух Святой живет в вас». Такие на земле живут, как ангелы, и на небесах с ними вовеки радуются: ибо как в жизни не отлучались от них, так и по смерти с ними веселятся, о чем мы скажем еще в конце этого слова.

Этот преподобный Спиридон был простец словом, но не разумом; не из города пришел он в чернечество, а из некоего села. И имел он страх божий в сердце своем, и начал учиться книгам, и выучил всю Псалтырь наизусть. Повелением же игумена Пимена Постника, он пек просфоры, а с ним другой брат, именем Никодим, такой же, как и он, умом и нравом. Добросовестно трудились они в пекарне много лет, честно и непорочно совершая свою службу. Блаженный же Спиридон, с тех пор как пришел в пекарню, не нарушал своего обета и труда духовного, но исполнял свою работу с особым благочестием и страхом Божиим, жертву чистую от своего труда принося Богу. Плод же уст его, — живая словесная жертва, — приносилась от него всемогущему Богу обо всем и за всех: беспрестанно пел он Псалтырь, и, в каждый день до конца, дрова ли колол, тесто ли месил, постоянно была она у него на устах.

Однажды сей блаженный, совершая с особым благочестием свою обычную работу, затопил, как всегда, печь для печенья просфор, и вдруг от пламени загорелась кровля пекар-

ни. Тогда он взял мантию свою и закрыл ею устье печи; потом, завязавши рукава у своей рубахи, взял ее и побежал с нею к колодцу, налил там в нее воды и быстро устремился назад, призывая братию гасить печь и пекарню. Иноки прибежали и увидели дивное явление: вода не вытекала из рубахи и Спиридон погасил разгоревшееся пламя.

Большое усердие требуется, чтобы достойно помянуть, и восхвалить, и воздать всем должное, о Господе скончавшемся здесь, в этом блаженном монастыре Печерском. Скажем словами Давида: «Торжествуйте, праведники, о Господе, праведным подобает похвала! Стройно пойте Ему с восклицанием на десятиструнной псалтыри». Не от одиннадцатого часа они Господу молились и творили Ему угодное, но от юности предали себя Богу, много лет прожили и в глубокой старости к Господу отошли, ни на один день и час не изменивши своему правилу. Насажденные в доме Божьей Матери, процветут они в чертогах Бога нашего и еще умножатся в старости маститой, как и этот блаженный.

Преподобный же Алимпий отдан был родителями своими учиться иконописи. Это было, когда греческие иконописцы из Царьграда волею Божию и Пречистой Его Матери приведены были, против своего желания, расписывать церкви Печерские, во дни благоверного князя Всеволода Ярославича, при преподобном игумене Никоне, это о них рассказано в Послании Симона, когда Бог явил и сотворил чудо страшное в церкви Своей.

Когда мастера украшали мозаикой алтарь, вдруг образ Пречистой Владычицы нашей, Богородицы и приснодевы Марии, изобразился сам, а они все были заняты укладкой мозаики внутри алтаря, Алимпий же помогал им и учился у них, — и увидели все дивное и страшное чудо: смотрят они на образ, и вот внезапно засиял образ Владычицы нашей, Богородицы и приснодевы Марии ярче солнца, так что не-

возможно было смотреть, и все в ужасе пали ниц. Приподнялись они немного, чтобы видеть свершившееся чудо, и вот из уст Пречистой Богоматери вылетел голубь белый, полетел вверх к образу Спасову и там скрылся. Они все стали смотреть, не вылетел ли он из церкви, и на глазах у всех снова голубь вылетел из уст Стасовых и стал летать по всей церкви. И прилетая к каждому святому, садился, — одному на руку, другому на голову, слетев же вниз, сел за наместной чудной Богородичной иконой. Стоявшие внизу хотели поймать голубя и приставили лестницу, но не нашли его ни за иконой, ни за завесой. Осмотрели всюду, но не нашли, куда скрылся голубь, и стояли все, взирая на икону, и вот снова перед ними вылетел голубь из уст Богородицы и поднялся вверх к Спасову образу. И закричали стоявшим вверх: «Хватайте!» Те же, простерши руки, хотели поймать его, а голубь вновь влетел в уста Спасовы, откуда вылетел. И вот опять свет, ярче солнечного, озарил всех, ослепляя глаза человеческие. Они же, павши ниц, поклонились Господу. С ними был и этот блаженный Алимпий, воочию видевший Святого Духа, пребывающего в той святой и честной церкви Печерской.

Когда же окончили расписывать эту церковь, тогда блаженный Алимпий принял пострижение при игумене Никоне. Хорошо выучился он иконописному искусству, иконы писать был он большой мастер. Этому же мастерству он захотел научиться не богатства ради, но Бога ради это делал. Работал же он так, что хватало их всем, — и игумену и всей братии писал иконы, и за это ничего не брал. Если же когда у этого преподобного не было работы, то он брал займы золото и серебро, что нужно для икон, делал икону тому, кому был должен и отдавал икону займодавцу. Часто также просил друзей своих: если увидят где в церкви обветшалые иконы, то приносили бы их к нему, и, обновив их, ставил на свои места.

Все это делал он, чтобы не быть праздным, потому что

святые отцы велели инокам всегда трудиться и считали это великим делом перед Богом, ибо, как сказал апостол Павел: «Мне и бывшим со Мною послужили руки Мои и ни у кого Я задаром хлеба не ел». Так и этот блаженный Алимпий. Он делил заработанное на три части: одну часть на святые иконы, вторую часть на милостыню нищим, а третью часть на нужды тела своего. И так делал он всегда, не давая себе покоя ни в один из дней: ночь проводил в пении и молитве, а когда наступал день, он принимался за работу, праздным же никогда не видали его, но и от собрания церковного из-за работы не уклонялся никогда. Игумен же за многую его добродетель и чистое житие поставил его священником, и в таком чину священства он добросовестно и богоугодно пребывал.

Некто из богатых киевлян был прокаженным. И много лечился он у волхвов и у врачей, и у иноверных людей искал помощи и не получил, но лишь сильнее разболелся. И один из его друзей уговорил его пойти в Печерский монастырь и упросить кого-нибудь из отцов, да помолятся о нем. Когда привел его в монастырь, игумен повелел напоить его из колодца святого Феодосия и помочить ему голову и лицо. И вдруг покрывшись он весь гноем за неверие свое, так что все стали избегать его из-за исходящего от него смрада. Он же возвратился в дом свой плача и сетуя и не выходил оттуда много дней, стыдясь смрада. И говорил он друзьям своим: «Покрыв стыд лицо мое. Чужим стал я для братьев моих и незнакомым для сынов матери моей, потому что без веры пришел к святым Антонию и Феодосию». И каждый день ожидал он смерти.

Наконец, со временем, образумился он, размыслил о своих согрешениях и, придя к преподобному Алимпию, покался ему. Блаженный же сказал ему: «Чадо, хорошо сделал, исповедав Богу грехи свои пред моим недостойнством, ведь пророк Давид сказал: "Исповедаюсь в преступлениях моих пред Господом, и Он простит нечестие сердца моего"». И много поучив его о спасении души, взял преподобный вапни-

цу и разноцветными красками, которыми писал иконы, раскрасил лицо больного и гнойные струпья замазал, придав прокаженному прежний вид и благообразие. Потом привел его в божественную церковь Печерскую, дал ему причаститься святых тайн, и велел ему умыться водой, которой умываются священники, и тотчас спали с него струпья, и он исцелился.

Зри, каков разум блаженного! Христу уподобился он: как Господь, прокаженного исцелив, велел ему показаться священникам и принести дар за очищение свое, так ведь и этот святой и избегал славословия: как Христос, слепого исцелив, не тотчас дал ему прозрение, но повелел ему идти к Силоамской купели умыться, так же и этот блаженный сначала разрисовал красками образ, смердящий за неверие, честь же исцеления уступил служителям Божиим, чтобы и они были с ним участниками чуда. Водюю же больного омыв, не только очистил его от телесной, но и от душевной проказы. За это очищение правнук исцеленного оковал кивот золотом над святым престолом. Все удивились такому скорому исцелению. Преподобный же Алимпий сказал им: «Братья! внимайте сказавшему: "Не может раб служить двум господам". Вот этот прежде служил врагу, пытаясь исцелиться чарованием, а потом пришел к Богу, не веря в душе о спасении своем, и сильнее проказа напала на него за его неверие. "Просите, — сказал Господь, — и не просто просите, но с верою просите, и получите". Когда же он покался перед Богом, поставив меня свидетелем, Тот, скорый на милость, его исцелил». И отошел исцелившийся в дом свой, славя Бога и родившую Его Пречистую Матерь, и преподобных отцов наших, Антония и Феодосия, и блаженного Алимпия. Это нам новый Елисей, который Неемана Сириянина от проказы исцелил.

Другой муж, некий христолюбец из того же города Киева, церковь себе поставил и хотел сделать на украшение церкви большие иконы: пять деисусных и две наместные. И

этот христороубец дал двум инокам Печерского монастыря серебро и доски иконные, чтобы они урядились с Алимпием и заплатили бы ему за иконы, сколько он захочет. Монахи же эти ничего не сказали Алимпию, а от киевлянина взяли сколько захотели. Через некоторое время христороубец послал к монахам, чтобы узнать, готовы ли его иконы. Те же сказали, что Алимпий еще золота требует, и снова взяли они у христороубца золото и растратили. И опять послали объявить киевлянину, говоря, что святой еще просит столько же, сколько взял. Христороубец же этот дал с радостью. Спустя немного времени, черноризцы опять сказали: «Алимпий еще столько же требует». Христороубец же сказал: «Хотя бы он и десять раз просил, то я дам, только благословения его хочу, и молитвы, и дела рук его». Алимпий же ничего не знал о том, что эти монахи сотворили.

Наконец, когда этот человек прислал, чтобы посмотреть, написаны ли его иконы, черноризцы те велели передать ему, так говоря: «Алимпий, взяв золото и серебро, не хочет писать икон твоих». Тогда христороубец тот пришел в монастырь с многочисленной дружиной и вошел к игумену Никону, чтобы пожаловаться на преподобного Алимпия. Игумен призвал Алимпия и сказал ему: «Брат, как это такую неправду сделал ты сыну нашему? Много раз он молил тебя, давая тебе, сколько ты хотел, а ведь ты иногда и даром пишешь». Блаженный же сказал: «Честной отче, известно твоему преподобию, что я никогда не ленился в этом деле. Не понимаю, о чем теперь ты говоришь». Игумен же сказал: «Три цены взял ты за семь икон». И вот, для обличения его, велели принести доски иконные и призвать монахов, которые брали плату, чтобы они в споре с ним изобличили его.

Посланные же увидели иконы, написанные с великим искусством, и принесли их к игумену. И, видя это, все удивились, в ужасе и трепете пали ниц на землю и поклонились.

лись нерукотворному изображению Господа нашего Иисуса Христа и Пречистой Его Матери и святых Его. И разнеслась громкая слава об этом по всему городу Киеву. Когда же пришли монахи, оговорившие блаженного, то, не зная ничего о случившемся, стали они спорить с Алимпием, говоря так: «Взял тройную плату, а икон не пишешь». И все в ответ сказали им: «А вот теперь иконы эти Богом написаны». И ужаснулись они, видя такое чудо.

Черноризцы же эти, обкрадывавшие монастырь, будучи обличены, лишились всего и изгнаны были из монастыря Печерского. Но и тут они своей злобы не оставили, возводили хулу на блаженного и всем говорили: «Мы написали иконы, а владелец их, не хотя платить нам, вот что замыслил, чтобы лишить нас заработанного нами, — придумал ложь, что иконы, мол, Богом написаны, а не нами изображены». И так убеждали они народ, приходивший посмотреть на иконы, а тем, кто хотел поклониться иконам, они запрещали это, и оттого люди поверили им, оболгавшим блаженного Алимпия.

Но Бог прославляет святых Своих, как сказал Господь в Евангелии: «Не может город укрыться, на верху горы стоящий, и зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, да светит всем приходящим». Так не утаилось и этого преподобного Алимпия добродетельное житие. Даже до князя Владимира дошла весть о чуде, бывшем с иконами. И вот что случилось некогда. По воле Божьей от пожара выгорело Подолье все, и та церковь сгорела, в которой были эти иконы. После пожара эти семь икон оказались целы, а церковь вся сгорела. И, услышав об этом, князь пошел посмотреть на чудо, свершившееся с иконами, написанными по Божьему мановению за одну ночь, и прославил он Творца всех совершающего тшеславные чудеса молитвами угодников Своих, Антония и Феодосия. И взял Владимир одну из икон, святую Богородицу, и послал в город Ростов, в тамошнюю церковь, которую он сам создал; икона эта и доныне цела, я сам видел ее. И вот что при мне

произошло в Ростове: церковь рухнула, а та икона осталась неповрежденной и перенесена была в деревянную церковь, которая сгорела от пожара, а икона опять осталась невреди-ма, и признаков огня нет на ней.

Перейдем теперь еще к одному сказанию о блаженном Алимпии. Другой христороубец дал этому блаженному написать икону наместную. Через несколько дней разболелся блаженный Алимпий, и икона осталась ненаписанной. Боголюб-ец же стал докучать блаженному. Блаженный сказал ему: «Чадо, не приходи ко мне, не понукай меня, но положи-сь в своей печали об иконе на Господа, и он сделает, как ему угодно; икона твоя в свой праздник на своем месте ста-нет». И обрадовался этот человек, что икона до праздника напишется, и поверил он слову блаженного, и отошел в дом свой радуясь. И вот снова пришел этот боголюбец накануне Успения, чтобы взять икону, и увидел, что икона не написа-на, а блаженный Алимпий сильно болен. И стал он укорять его, говоря: «Почему же не известил ты меня о своей немо-щи, я бы дал писать икону другому, чтобы Праздник светел и честен был, а теперь, задержав икону, ты посрамил меня». Блаженный же кротко отвечал ему: «О чадо! Разве я по ле-ности сделал это? Неужели Бог не сможет икону Своей Ма-тери словом написать? Я, как открыл мне Господь, отхожу из этого мира, и по моем отшествии всячески утешит тебя Бог». И в печали ушел от него муж тот в дом свой.

После же ухода его явился некий юноша светлый и, взяв вапницу, начал писать икону. Алимпий подумал, что заказчик иконы разгневался на него и прислал другого ико-нописца, потому что тот выглядел как обычный человек, но быстрота, с какой он работал, показала, что это бесплотный. То он золотом покрывал икону, то на камне краски растирал и писал ими, и за три часа написал он икону и сказал: «О ка-лугер! Не хватает ли чего-нибудь или в чем-нибудь я ошиб-ся?» Преподобный же сказал: «Ты хорошо поработал. Бог

помог тебе столь искусно написать эту икону, и это тобою сделал Он ее». Настал вечер, и юноша стал невидим вместе с иконою.

Владелец же иконы провел без сна всю ночь от печали, что нет иконы на праздник, называл себя грешным и недостойным такой благодати. И, встав, он пошел в церковь, чтобы там оплакать свои согрешения, и когда отворил двери церковные, то увидел икону, сияющую на месте своем, и упал он от страха, думая, что это привиделось ему. Но, оправившись немного от испуга и поняв, что это действительно икона, в великий ужас и трепет пришел он, вспомнил слова преподобного и пошел разбудить домашних своих. Они же с радостью пошли в церковь со свечами и кадилами и, видя икону, сияющую светлее солнца, пали ниц на землю, поклонились иконе и приложились к ней в веселии душевном.

Боголюбец же тот пришел к игумену и рассказал о сотворившемся чуде с иконою, и все вместе пошли к преподобному Алимпию и увидели, что он уже отходит из этого мира. И спросил его игумен: «Отче, как и кем написана была икона?» Он же рассказал им все, что видел, говоря: «Ангел написал ее, и вот он стоит возле меня, и хочет меня взять с собою». И, сказав это, испустил дух. Тело его приготовили к погребению, отнесли в церковь, сотворили над ним обычное пение и положили в пещере с преподобными отцами о Христе Иисусе, о Господе нашем, Ему же слава с Отцом и со Святым Духом.

*О ПРЕПОДОБНОМ И МНОГОСТРАДАЛЬНОМ ОТЦЕ
ПИМЕНЕ И О ЖЕЛАЮЩИХ ОБЛЕЧЬСЯ В ИНОЧЕСКИЙ
ОБРАЗ ПЕРЕД СМЕРТЬЮ. СЛОВО 35*

Начиная слово о Пимене, приступим к повествованию о тяжком его страдании, и как со смирением и мужеством переносил он болезнь.

Этот блаженный Пимен больным родился и вырос, и из-за этого недуга оста вал е чистым от всякой скверны, и от утробы матери не познал греха. Много раз просил он у родителей своих позволения постричься в иноки. Они же, любя своего сына, надеясь и желая, чтобы он стал наследником их богатства, запрещали ему это.

Когда же он изнемог так, что отчаялись за его жизнь,— принесли его в Печерский монастырь, чтобы исцелился он молитвами тех святых отцов или от рук принял свято иноческий образ. Родители же Пимена, сердечно любя его, не оставляли детища своего и всех просили молиться за их сына, чтобы он исцелился от недуга. И много потрудились те преподобные отцы, но ничто не приносило пользы ему, ибо его молитва превозмогала все другие, а он просил себе не здоровья, а усиления болезни, так как боялся, что если он выздоровеет, то родители увезут его из монастыря и не осуществится мечта его. Отец же мать все время были с ним и не давали его постричь, и блаженный, опечалившись, стал прилежно молиться Богу, чтобы он исполнил желание его.

И вот однажды ночью, когда все вокруг спали, вошли со свечами туда, где лежал Пимен, похожие на скопцов светлых, и несли они Евангелие, и рубаху, и мантию, и куколь, и все, что требуется для пострижения, и сказали ему: «Хочешь, чтобы мы постригли тебя?» Он же с радостью согласился, говоря: «Господь вас послал, повелители мои, исполнить желание моего». И тотчас начали они спрашивать: «Зачем пришел, брат, припадая к этому святому жертвеннику и к святому братству этому? Желаешь ли сподобиться иноческого великого ангельского образа?» И все прочее исполнили по чину, как написано в уставе, потом в великий образ постригли его, и надели на него мантию и куколь, и все, что следует, отпевши, великого ангельского образа сподобили его, и, целовав его, дали ему имя Пимен, и, возжегши свечу, сказали: «Сорок дней и ночей эта свеча не угаснет».

Свершив все это, они пошли в церковь, волосы же постриженного взяли с собой в платке и положили на гроб святого Феодосия.

Иноки же, бывшие в кельях, слыша звуки пения, перебудили спавших вокруг, думая, что игумен с кем-то постригает Пимена или что тот уже скончался, и вошли все вместе в келью, где больной лежал, и нашли всех спящими: и отца, и мать, и рабов. И вместе с ними подошли к блаженному, и все ощутили благоухание, и увидели его веселым и радостным и облаченным в иноческую одежду. И спросили его: «Кто тебя постриг и что за пение мы слышали? Вот родители твои были с тобой и ничего этого не слыхали». И сказал им больной: «Я думаю, что это игумен, придя с братиею, постриг меня и дал мне имя — Пимен. Их пение и было то, что вы слышали, и про свечу они сказали, что она будет сорок дней и ночей гореть, взявши же мои волосы, они пошли в церковь».

Услышав это от него, пошли, и увидели, что церковь закрыта, и разбудили пономарей, и спросили их, не входил ли кто в церковь после вечерней молитвы? Они же отвечали, говоря, что никто не входил в нее и что ключи у эконома. Взяв ключи, пошли в церковь и увидели на гробе Феодосия в платке полосы Пимена, и рассказали обо всем игумену, и стали искать, кто постригал Пимена, и не нашли. И поняли все, что то был промысл свыше, от Бога.

И стали раздумывать о бывшем чуде, говоря: «Может ли оно засчитаться Пимену за уставное пострижение?» Но так как свидетельство имелось: церковь была заперта, а волосы оказались на гробе святого Феодосия, и свеча, которой хватило бы только на день, сорок дней и ночей непрерывно горела и не сгорала, то и не стали совершать над Пименом пострижения, сказав ему: «Достаточен для тебя, брат Пимен, от Бога данный тебе дар и нареченное тебе имя».

И спросил его игумен: «Как выглядели постригавшие

тебя?» И показал ему книги, по которым совершается постриг, чтобы убедиться – может быть, что-то было сделано не по ним. Пимен же сказал: «Зачем искушаешь меня, отче! Ты сам со всей братией приходил, и совершил надо мной по написанному в этих книгах, и сказал мне: "Подобает тебе пострадать в болезни, а когда приблизится твоя кончина, тогда обретишь здоровье и своими руками понесешь постель свою". Моли только за меня, честной отец, чтобы Господь подал мне терпение».

И пробыл блаженный Пимен в той тяжелой болезни много лет, так что и служившие ему гнушались им, и много раз без пищи и без питья оставляли его по два и по три дня. Он же все с радостью терпел и Бога за все благодарил.

Некто другой, больной таким же недугом, принесен был в Печерский монастырь и пострижен. Иноки же, представленные служить больным, взяли его и принесли к Пимену, чтобы служить обоим одновременно. Но, относясь с пренебрежением к такой службе, они забыли про них, и больные изнемогали от жажды. Наконец Пимен сказал этому больному: «Брат, так как гнушаются нами прислуживающие нам из-за исходящего от нас смрада, то если исцелит тебя Господь, сможешь ли ты на себя возложить службу эту?» Больной же обещался блаженному до смерти своей с усердием служить больным. Тогда Пимен сказал ему: «Вот Господь снимает с тебя болезнь твою, и как только станешь здоров, исполни обет свой и служи мне и подобным мне. На тех же, которые не радят об этой службе, наведет Господь болезнь лютую, чтобы могли, приняв такое наказание, спастись». И тотчас встал больной и начал служить ему, а на всех нерадивых и не хотевших служить больным напал недуг, по слову блаженного.

Исцелившийся же от недуга брат, спустя немного времени, стал втайне гнушаться Пименом из-за его смрада, пренебрег им и оставил его без пищи и без питья. Брат этот лежал в отдельной горнице, и вдруг огнем стало жечь его, так

что он не мог встать три дня, и, не стерпев жажды, начал кричать: «Помогите мне, Господа ради, умираю от жажды!» Услыхали в другой келье, пришли к нему и, видя его в таком недуге, рассказали о нем Пимену: «Брат, прислуживающий тебе, умирает». Блаженный же сказал: «Что человек посеет, то и пожнет: так как он оставил меня голодным и жаждущим, то и сам получил это, солгав Богу и мою немощь презрев. Но так как нас учили не воздавать злом за зло, то подите и скажите ему: "Зовет тебя Пимен, встань и приди сюда"».

Когда пришедшие передали эти слова ему, то больной выздоровел и тотчас пришел к блаженному, никем не подерживаемый. Преподобный же обличил его, говоря: «Маловерный! Вот ты здоров; больше не греши. Разве ты не знаешь, что одинаковую награду получают и больной и тот, кто за ним ходит? Ведь терпение убогих не пропадает бесследно: здесь, на земле, и скорбь, и горе, и недуг на малое время, а там радость и веселие, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания, но жизнь бесконечная. Ради того-то, брат, я и терплю все. Бог же, тебя через меня исцеливший от недуга твоего, может и меня поднять с постели этой и немощь мою исцелить, но я не хочу: "Кто претерпит до конца, — сказал Господь, — тот спасется". Лучше мне всему изгнись в этой жизни, чтобы там плоть моя была нетленной и смрадный дух обратился бы там в благоухание неизреченное. Хорошо, брат, стоять в церкви, в светлом и чистом пресвятом месте, и с ангельскими силами невидимо воссылать пресвятую песнь — очень это благоугодно и благоприятно: церковь называется небом земным, и стоящие в ней стоят будто на небе. А что же, брат, это темное смрадное жилище: не суд ли прежде суда и не мука ли прежде вечной муки? Ведь больной может по справедливости сказать: "Терпя, обрел я сострадание Господа, и Он внял мне". Вот почему апостол говорит к страждущим телесными болезнями: "Если вы наказание терпите, то как с сынами поступает с вами Бог; если же ос-

таетесь без наказания, то вы рабы, а не сыновья". О них сказал Господь: "Терпением вашим спасайте души ваши"».

И в таком страдании пролежал преподобный Пимен двадцать лет. Во время же преставления его явились три столпа над алтарем и оттуда на верх церкви перешли. О них сказано и в Летописце. Господь же ведает—ради ли этого блаженного было такое знамение или иное что хотел Он означить этим.

В тот же день, когда должен был преставиться, выздоровел преподобный Пимен и обошел все кельи, и, кланяясь всем до земли, прощенья просил, объявляя о своем исходе из этой жизни. И говорил он братии: «Друзья и братья мои! Встаньте и проводите меня». И тотчас, по слову его, отступала болезнь от них, они делались здоровы и шли с ним. Сам же он, войдя в церковь, причастился животворящих Христовых тайн, и потом, взяв свою постель, понес ее к пещере, хотя никогда в ней не бывал и никогда отроду не видал ее, и, войдя, поклонился он святому Антонию и место показал, где положить его.

И сказал он: «Здесь вы положили в нынешнем году двух иноков, и того инока, которого вы без схимы положили, теперь в схиме найдете. Много раз хотел он постричься, но пренебрегала им братия из-за нищеты его, и им вменилось это в грех; он же жил достойно этого образа, и потому даровал ему Господь схиму: ибо творящему добрые дела — воздается, от того же, кто не творит их, но мнит себя добродетельным, — отымется: творящему добро — всегда воздается. Другого же инока вы в схиме положили, а она взята у него, потому что при жизни он не захотел ее, но лишь, умирая, сказал: "Если увидите, что я уже отхожу, то постригите меня". И потому отнялась от него благодать, ибо не уразумел он сказавшего: "Не мертвые восхвалят тебя, Господи, но мы, живые, благословим Господа". "Ибо, сказано, во тлении кто исповедается Тебе?" Таким схима не принесет никакой пользы, если добрые дела от муки их не избавят. Третий же здесь с давних лет положен. Его схима не-

тленна и хранится ему на обличение и на осуждение, потому что дела его были недостойны монашеского образа — жизнь свою проводил он в лености и грехах, не ведая сказанного: "Кому много дается, с того много и спросится". Если такого Антониева и Феодосиева молитва не спасет, то повинен он суду». И, проговорив все это, сказал он братии: «Вот пришли постригшие меня, хотя взять меня». И, сказав это, лег и почил о Господе. И с великой честью положили его в пещере. Откопавши же место, о котором он говорил, нашли, по слову блаженного, трех черноризцев: один весь истлел, только куколь цел был; из двух же иноков, недавно умерших, с положенного в схиме она была снята и воздета на другого, который не был пострижен. И много дивились неизреченному суду Божию, и говорили: «Ты, Господи, воздаешь каждому по делам его».

Из этого, братья, следует, кажется мне, вот что разуметь: если кто в болезни пострижется с верою, прося у Бога жизни, тот, как в монашеском подвиге, послужит ему; владеющий же жизнью и смертью Господь, если и отведет его от мира, то подобно работникам нанятым в одиннадцатый час, признает его равным праведникам. Кто же говорит так: «Когда увидите меня умирающим, то постригите меня», — суетна того вера и пострижение.

О ПРЕПОДОБНОМ ИСАКИИ ПЕЩЕРНИКЕ. СЛОВО 36

Как в огне очищается золото, так люди в горниле смирения. Если к самому Господу искуситель не постыдился приступить в пустыне, то насколько же больше искушений приносит он человеку! Так было и с этим блаженным.

Этот преподобный отец наш Исакий, когда он еще жил в миру, был богатым купцом, родом торопчанин. И вот он, решив стать монахом, раздал все имущество свое бедным и монастырям и пришел к великому Антонию в пещеру, умо-

ляя постричь его в монахи. И принял его Антоний, и постриг в монахи, и дал ему имя Исакий, мирское же имя его было Чернь.

И стал этот Исакий вести жизнь строгую, облекся во власяницу, велел купить себе козла и содрать с него шкуру, и надел ее на власяницу, и обсохла на нем сырая шкура. И затворился в пещере, в одном из проходов, в небольшой келий, в четыре локтя, и тут молил Бога со слезами. Пищей же ему была одна просфора, и то через день, и воды в меру пил. Приносил же это ему великий Антоний и подавал в оконце, куда рука едва проходила, и так принимал он пищу. И в таком житии провел семь лет Исакий, не выходя наружу, не ложился на бок, но сидя спал, понемногу.

Однажды, как обычно, когда наступил вечер, он стал класть поклоны и петь псалмы, и так до полуночи, и, утомившись, сел на сиденье свое. И когда он сидел так, как всегда, свечу погасив, внезапно засиял свет в пещере, как от солнца, такой, что мог ослепить человека. И подошли к нему двое юношей прекрасных с лицами блистающими, как солнце, и сказали ему: «Исакий, мы — ангелы, а вот идет к тебе Христос с ангелами». Исакий встал и увидел толпу бесов, и лица их были ярче солнца, а один среди них светился ярче всех, и от лица его лучи исходили. И сказали ему: «Исакий, это Христос, пав, поклонись ему». Исакий же, не поняв бесовского наваждения и забыв перекреститься, вышел из келий и поклонился, как Христу, бесовскому действию. Тогда бесы воскликнули и сказали: «Теперь ты наш, Исакий!»

Ввели они его в келию, посадили и сами стали садиться вокруг него. И вся келия и проход пещерный наполнились бесами. И сказал один из бесов, тот, что назывался Христом: «Возьмите сопели, и бубны, и гусли и играйте, а Исакий нам спляшет». И грянули они в сопели, и в гусли, и в бубны, и начали им забавляться. И, измучив его, оставили его еле живого, и ушли, надругавшись над ним.

Назавтра же, когда настал день и пришла пора вкушения хлеба, пришел Антоний, как обычно, к оконцу, и сказал: «Благослови, отче Исакий!» И не было никакого ответа. И несколько раз говорил так Антоний, и никто не отвечал, и тогда подумал про себя: «Наверное, преставился он». И послал в монастырь за Феодосией и за братией. Пришла братия, и откопали, где был засыпан вход, и взяли Исакия, думая, что он мертв, и когда вынесли его и положили перед пещерой, то увидели, что он жив. И сказал игумен Феодосии, что это случилось с ним из-за бесовского действия. Положили его на постель, и стал прислуживать ему святой Антоний.

Случилось, что в это время пришел Изяслав из Польши и стал он гневаться на Антония из-за князя Всеслава. И прислал Святослав за святым Антонием, чтобы увезти его ночью в Чернигов. Антоний же, придя к Чернигову, полюбил место, называемое Болдины горы; он вырыл пещеру и поселился тут. И доныне стоит тут на Болдыных горах, близ Чернигова, монастырь святой Богородицы.

Феодосии же, узнав, что Антоний ушел в Чернигов, пошел с братией, и взял Исакия, и перенес его в келью свою, и ухаживал за ним. Был тот так расслаблен умом и телом, что не мог ни повернуться с боку на бок, ни встать, ни сесть, лишь лежал на одном боку, так что у него часто заводились черви под бедрами из-за того, что он мочился и ходил под себя. Феодосии же сам своими руками обмывал и переодевал его, и тот лежал так целых два года, и святой служил ему.

И это было дивное чудо, что в течение двух лет не брал он в рот ни хлеба, ни воды, ни овощей и никакой пищи не ел, ничего не говорил и лежал нем и глух два года.

Феодосии же молился Богу за него и молитву творил над ним день и ночь, пока больной на третий год не заговорил, и попросил поднять его на ноги, как младенец, и начал ходить. Но не стремился он в церковь пойти, и его насильно

таскали в церковь, итак мало-помалу стал он ходить в церковь. После этого начал он ходить в трапезную, и сажали его отдельно от братии, и клали перед ним хлеб, но он не брал его, они же вкладывали его ему в руку. Феодосий же сказал: «Положите перед ним хлеб, а в руку не вкладывайте: пусть сам ест». Он же не ел целую неделю, а потом понемногу огляделся, и стал пробовать хлеб, и так выучился есть. И так избавил его великий Феодосий от козней дьявола и от прельщений его. И снова предался Исакий жестокому воздержанию.

Когда же преставился Феодосий и на его место стал Стефан, Исакий сказал: «Ты, дьявол, прельстил меня, когда я сидел на одном месте, поэтому теперь не затворюсь я в пещере, а буду побеждать тебя благодатью Божиею, ходя по монастырю». И снова облекся он во власяницу, а на власяницу надел рубаху грубую и стал юродствовать. Он начал помогать поварам и трудиться на братию, и на заутреню приходил он раньше всех, и стоял твердо и неподвижно. Когда же приспела зима и наступали морозы лютые, то и тогда стоял он в протоптанных башмаках, так что часто ноги его примерзали к каменному полу, но он не двигал ногами, пока не отпоют заутреню. И после заутрени шел он в поварню, разводил огонь, приносил дрова и воду, после чего приходили прочие повара из братии.

Один из поваров, также по имени Исакий, как-то сказал, насмехаясь: «Исакий, вот сидит ворон черный, — поди, возьми его». Он же поклонился до земли, пошел, взял ворона и принес его на глазах у всех поваров. И ужаснулись все они, видя это, и поведали игумену и всей братии, и после этого братия стала почитать его. Он же, отвергая славу человеческую, стал юродствовать и начал глумиться то над игуменом, то над кем-нибудь из братии, то над мирянами, так, что иные даже били его. И стал ходить по миру, также юродствуя.

И поселился он снова в пещере, в которой жил прежде,

— Антоний к этому времени уже умер,— и начал собирать к себе детей, и одевал их в монашеские одежды. И его били за это, — то игумен Никон, то родители детей этих. Блаженный же все это терпел, перенося побои, и наготу, и холод днем и ночью.

Однажды ночью затопил он печь в пещере, и когда печь разгорелась, — а она была ветхая, — пламя стало вырываться вверх через щели, а заложить их ему было нечем, и встал босыми ногами на огонь, и простоял так, пока не прогорела печь, и сошел, не причинив себе вреда. И многое другое рассказывали о нем, а иное я и сам видел.

И такую силу взял он над бесами, что как мухи были они ему, ни во что не ставил он их страдания и наваждения. Он говорил им: «Если вы и прельстили меня в первый раз, потому что не ведал я козней ваших и лукавства, то ныне со мною Господь Иисус Христос, Бог мой, и на молитвы отца моего Феодосия надеюсь, и одержу победу над вами». Много раз пакостили ему бесы и говорили: «Наш ты, Исакий, потому что старейшине нашему поклонился». Он же говорил: «Ваш старейшина антихрист, а вы — бесы», и осенял лицо свое крестным знамением, и оттого исчезали бесы.

Иногда же снова приходили они к нему, пугая его видением, как будто пришло много народа с мотыгами и кирками, говоря: «Раскопаем пещеру эту и засыпем его здесь»; иные же говорили: «Выходи, Исакий: хотят тебя засыпать». Он же говорил им: «Если бы вы были люди, то днем пришли бы, а вы — тьма и во тьме ходите», и когда осенял себя крестным знамением, то они исчезали. Иногда же стращали его то в образе медведя, то лютого зверя, то льва, то вползали к нему змеями, или жабами, и мышами, и всякими гадами, и ничего не могли сделать ему.

И сказали: «О Исакий, победил ты нас!» Он же отвечал: «Когда-то вы прельстили меня, приняв образ Иисуса Христа и ангелов, но не достойны вы были такового сана, а

теперь вы являетесь в своем истинном образе, зверином и скотском, и змеями, и разными гадами, какие вы и есть на самом деле». И с тех пор не было ему никакой пакости от бесов, о чем он сам и поведал, говоря, что три года была у него с ними эта борьба.

Потом стал он жить в строгости и соблюдать воздержание, пост и бдение. И так жил он, и пришел конец жизни его. Разболелся он в пещере, и перенесли его, больного, в монастырь и проболел так до восьмого дня, и путем праведным отошел к Господу в добром исповедании. Игумен же Иоанн и вся братия убрали тело его, похоронив честно со святыми отцами в пещере.

Таковы были монахи Феодосиева монастыря, которые сияют и по смерти, как светила, и молят Бога за здесь живущую братию, и за всех работающих в доме Божьей Матери, и за мирскую братию, и за приходящих и жертвующих в монш тырь, в котором и доньше добродетельной жизнью живут сообща, все вместе, в пении и молитвах, и в послушании, на славу всемогущему Богу и Пречистой Его Матери, соблюдаемые молитвами святых отцов Антония и Феодосия.

Да сподобит и нас Господь молитвами их избежать пени ловящего нас дьявола и оказаться в том месте, где обретаются отцы Антоний и Феодосий. И призовем, братья, блаженных тех отцов и чудотворцев быть помощниками и молитвенниками к Господу Богу, чтобы не быть нам отлученными от преподобных тех черноризцев и отторженными от блаженного и святого того места, и не лишиться того, чтобы оно оставалось пренепорочной и Пречистой Девы, как Она сама обещала; да будем стремиться и остальные дни жизни своей проводить в покаянии и угождении Богу. Да будет же всем нам милость получить жизнь вечную о Христе Иисусе, о Господе нашем, ему же слава и держава с Отцом и Пресвятым и животворящим Духом.

*ВОПРОС БЛАГОВЕРНОГО КНЯЗЯ ИЗЯСЛАВА О
ЛАТИНЯНАХ. СЛОВО 37*

Пришел однажды благоверный великий князь Изяслав, сын Ярослава, внук Владимира, к святому отцу нашему Феодосию, игумену Печерскому, и сказал ему: «Разъясни мне, отче, какова суть веры варяжской?»

Преподобный же отец наш Феодосии сказал: «Послушай, благочестивый князь, про то, о чем хочет узнать твое благородство, от нашего смирения».

Вера их вредная и уставления ее несправедливы: в Савелиеву веру и в другие многие ереси впади они и всю землю тем осквернили. Ты же, благоверный самодержец, остерегайся их. Ереси же их таковы: во-первых — икон не целуют; во-вторых — мощи святых не целуют; в-третьих — крест, на земле изобразив, целуют, а встав, попирают ногами; в-четвертых — в пост мясо едят; в-пятых — служат с опресноками; в-шестых — попы их крестят одним погружением в воду, а мы — тремя, мы мажем елеем окрещаемого и маслом, а они сыплют соль в уста, во имя же святых не нарекают, но как назовут родители детей, таким именем и крестят. Поэтому латинской веры следует остерегаться, обычаев их не держаться, причастия у них не принимать, и не слушать сказанного ими, потому что заблуждаются они в вере и нечисто живут. Едят с собаками и кошками, пьют свою собственную мочу, — зло это и проклятию подлежит, — едят черепах, и диких коней, и ослов, и удушению, и мясо медвежье и бобровое. В первую же неделю Великого поста во вторник разрешают есть мясо, и монахи едят сало, в субботу же постятся. Христианам же своих дочерей нельзя выдавать замуж за них, ни их дочерей брать себе в жены, нельзя с ними брататься, ни кумиться, ни целоваться с ними, и нельзя есть с ними и пить из одной посуды. Если же они попросят у вас, то дайте им, Бога ради, поесть, но в их

посуде, если же не будет у них посуды, то можно дать в своей и потом, вымывши посуду, молитву сотворите. А о согрешениях своих они не у Бога просят прощения, а попы их прощают за мзду. Попы же их не женятся законным браком, но с рабынями блудят и церковную службу творят, не видя в этом греха. Епископы же их держат наложниц, и на войну ходят, и перстень на руке носят. Мертвецов кладут на запад ногами, а головою на восток и руки вдоль тела укладывают, очи же, уши и нос залепливают воском. И в жены берут сестер. И мертвому телу Господню служат, считая Его мертвецом; мы же службу творим живому телу Господню, самого Господа видя сидящим справа от Отца, который судить придет живых и мертвых. Они ведь, латиняне, мертвые, потому что мертвую службу творят, мы же, живому Богу жертву чистую и непорочную приносим, вечную жизнь обретаем. Ведь так написано: «Каждому воздается по делам его». Пищи же их нельзя вкушать, ибо много в них злого и несправедливого. Развращена и гибельна вера их, ибо даже иудеи не делают того, что они творят. Многие же в Савелиеву ересь впали, которая сквернее и злее, чем вера любых других народов, потому что спастись от нее нельзя, а от языческих ересей можно. Латиняне Евангелие и Апостол имеют, и иконы святые, и в церковь ходят, но и вера их и закон ложные. Множество ересей всю их землю осквернили, потому что во всей земле только варяги. Великая беда из-за них правоверным, которые с ними живут в одном месте. Тот же из христиан, который устоит перед ними, сохраняя веру в чистоте, станет перед Богом справа, радуясь; если же по доброй воле перейдет в их веру, то будет стоять вместе с ними слева, плача горько. Нет жизни вечно живущим в вере латинской или мусульманской, не будут они вместе со святыми в будущем веке. Веру же их хвалить нельзя: сели кто хвалит их веру, то оказывается он хулителем своей; тот, кто начинает хвалить чужие веры, от-

реченные от православного христианства, такой оказывается двоеверцем и близок он к ереси. Ты же, чадо, храни себя от таких деяний и не придерживайся их, но избегай их, свою веру всегда хвали и, по силе своей, подвизайся в ней добрыми делами. Милостив же будь, христолюбец, не только со своими домочадцами, но и с чужими, и если видишь нагого, одень его, а если голодного или находящегося в беде, помоги такому. И если такой будет иной веры, еретик и латинянин, любому помоги и от бед избавь, тогда воздаяния от Бога не лишишься; Бог ведь Сам всех питает, и поганных так же, как и христиан. О всех, и о язычниках и о иноверных, заботится Бог, в будущем же веке лишены они будут воздаяния блаженных; мы же, живущие в правоверной вере, и здесь охраняемы Богом и в будущем веке спасены будем Господом нашим Иисусом Христом. Если кому-либо по вере сей святой придется Бога ради умереть, то не лишится он истинной веры, но умрет за Христа, ибо святые, сказано, за веру умершие, да оживут о Христе. Ты же, сын мой, если встретишь иноверных с правоверными спорящих и обманом стремящихся отвлечь от православной веры правоверных, ты же, истинно ведающий православие, не скрывай этого в себе, но помоги правоверным в их споре с зловерными. И если поможешь, то, как добрый пастырь, спасешь овец от пасти лвиной; если же промолчишь, то все равно что отнимешь у Христа и предашь сатане, и должен будешь о них ответ держать в день Судный. И если тебе скажет кто-либо: «И эту и ту веру Бог дал», то ты ответь ему: «Кто ты такой, кривоверный? Считаешь Бога двоеверцем? Не слышал разве, окаянный и развращенный злою верой, что написано: "Так говорит Господь: Един Бог, едина вера, едино крещение". И так сказал Господь: "Подобает нам исполнить всякую правду", и, все это исполнив, Он снова взошел на небеса и учеников Своих послал проповедовать во все концы вселенной. Как же ты, зловерный, столько лет держался православной

веры, а ныне совратился на зловерие и учение сатанинское. Не слышал разве ты апостола Павла, говорящего что если некие станут совращать вас и перетолковывать благовествование Христово, даже если ангел, сошедший с небес, начнет поучать вас иначе, не так, как мы известили вам, да будет проклят. Вы же отвергли проповедь апостольскую и святых отцов наставления, приняли неправую веру и учение, развращенное и исполненное погибели. Ради этого от нас изгнаны и отлучены, потому что нам с вами не годится ни жить, ни общаться в вере, ни причащаться, а вам присутствовать на нашей божественной службе: так как много у вас ересей».

*О ПРЕСТАВЛЕНИИ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ПОЛИКАРПА, АРХИМАНДРИТА ПЕЧЕРСКОГО, И О
ВАСИЛИИ-ПОПЕ. СЛОВО 38*

Преставился блаженный и преподобный отец наш Поликарп, архимандрит Печерский, в 6690 (1182) году, в двадцать четвертый день месяца июля, в день святых мучеников Бориса и Глеба. И убрали тело его, и погребли честно с заупокойным пением, как он сам заповедал. После смерти же его начались раздоры в монастыре. После этого старца не могли иноки избрать себе игумена, и охватили братию скорбь, и горе, и печаль, — ведь не подобает такому большому стаду ни единого часа без пастыря оставаться.

Во вторник же ударили в било, и вся братия собралась в церкви и стали молиться Святой Богородице. И вот что было удивительным — как едиными устами многие сказали и ни «Пошлем к Василию-попу на Щековицу, чтобы был он нам игуменом и правителем иноческого стада Феодосиева монастыря Печерского». И, придя, все поклонились Василию-попу и сказали: «Мы, вся братия, иноки, кланяемся тебе и хотим, чтобы ты был нам отцом и игуменом».

Поп же Василий в великом изумлении, пав, поклонился и сказал им: «Отцы и братья, я о чернечестве только в сердце своем помышлял, ради чего же задумали вы меня, недостойного, поставить игуменом?» После долгих споров согласился он. Они же, взяв его, пошли с ним в монастырь, было это в пятницу. И приехал на пострижение его митрополит Никифор и Лаврентий, туровский епископ, и Никола, полоцкий епископ, и все игумены. И постриг его митрополит Никифор своей рукой, и стал он игуменом и пастырем иноков Феодосиева монастыря о Христе Иисусе, Господе нашем, Ему же слава и держава с Отцом и Пресвятым и благим к животворящим Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь.

В 6971 (1463) году в Печерском монастыре свершилось такое знамение. При князе Семене Александровиче и при брате его князе Михаиле, при архимандрите печерском Николе за пещерой присматривал некто Дионисий, по прозвищу Щепа. Пришел он в Великий день в пещеру покадить тела усопших, и когда дошел до места, которое называется Община, то, покадив, сказал: «Отцы и братья, Христос воскрес! сегодня Великий день». И прогремело в ответ как гром мощный: «Воистину воскрес Христос».

Милостью Божиєю и Пречистой Его Матери и помощью святых преподобных отцов наших, Антония и Феодосия Печерских, написана была сия книга, называемая Патерик, в дому Пречистой Богородицы, которым является лавра преподобных отцов наших Антония и Феодосия, в монастыре Печерском, в богоспасаемом городе Киеве, во время царствования Сигизмунда Августа, при благородном князе Феодоре Глебовиче Пронском, воеводе киевском, при митрополите киевском и галицком и всея Руси кир Макарии и пречестном архимандрите печерском кир Иларионе, повелением и замыслом старца печерского, инока Алексия Волынца. А написана она в 7062 (1554) году, индикта 12, во второй день месяца марта рукою многогрешного и худшего среди

людей дячка Нестерца. И если я, отцы святые, где ошибся, то, кто будет читать по ней, то, Бога ради Вседержителя и Пречистой Его Матери, не проклинаяте меня за это, а исправляйте по своему доброму разумению, а моего невежества не хулите, ибо грешен и мало ума имел. А кто будет проклинять, того осудит Вседержитель милостивый Бог, и Пречистая Его Мать, и преподобные Антоний и Феодосии Печерские. А мне, грешному, за мои злые дела и так придется мучиться с душами грешными в муках вечных, если не буду незаслуженно помилован от милостивого Вседержителя Бога, Господа нашего Иисуса Христа. Бога ради исправляйте, а меня, грешного, не ругайте. А писал дячок Нестерец из Соколя, сын Лукьянов.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
I. ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ КИЕВО-ПЕЧЕРСКОГО ПАТЕРИКА.....	10
II. САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ	18
Отказ от имущества	19
«Отвергнись себя...»	23
Непротивление злу	25
Постничество	28
Лишение сна.....	30
Борьба с плотью	32
Затворничество	36
III. МОЛИТВА.....	39
IV. ИСПЫТАНИЯ.....	48
V. БИПОЛЯРНОСТЬ ЖИЗНЕННЫХ ЯВЛЕНИЙ.....	54
Причина и следствие	55
Свет и тьма.....	58
Смерть и бессмертие.....	60
VI. СВЯТОСТЬ	64
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	74
Примечания.....	76
 КИЕВО-ПЕЧЕРСКИЙ ПАТЕРИК	85
Слово 1. Благослови, отче.....	87
Слово о приходе мастеров церковных из Царьграда к Антон и Феодосию. Слово 2	91
Слово о том, когда основана была церковь Печерская. 3	93
Слово о приходе иконописцев к игумену Никону из Царьграда. 4	95
Об Ионне и Сергии. Слово 5	98
Сказание о святом жертвеннике и об священии той великой церкви Божьей Матери. Слово 6.....	99
Сказание о том, почему монастырь был прозван Печерским. Слово 7.....	101
Слово о перенесении мощей святого преподобного отца	

нашего Феодосия Печерского. 9	107
О том, как была окована рака преподобного отца нашего Феодосия Печерского. Слово 10	113
Похвала преподобному отцу нашему Феодосию, игумену Печерскому. Слово 11	117
О первых святых и блаженных черноризцах печерских. Слово 12	127
О блаженном Нифонте, епископе Новгородском. Слово 13	129
Послание смиренного епископа Симона Владимирского и Суздальского к Поликарпу. Слово 14	131
Сказание Симона, епископа Владимирского и Суздальского, о святых черноризцах печерских. Слово 15	138
О блаженном Евстратии-постнике. Слово 16	140
О смиренном и многотерпеливом Никоне-черноризце. Слово 17	142
О святом священномученике Кукше и о Пимене постнике. Слово 18	145
О святом Афанасии Затворнике. Слово 19	146
О преподобном святоше. Князе Черниговском. Слово 20....	148
О Еразме-черноризце, который растратил имение свое на святые иконы. Слово 21	154
Об Арефе-черноризце, как украденное у него ворами богатство в милостыню ему вменилось. Слово 22	156
О двух братьях, о Тите-попе и о Евагрии-диаконе, враждовавших между собой. Слово 23	158
Второе послание к архимандриту Печерскому Акиндину о святых и блаженных черноризцах печерских. Слово 24..	160
О Никите-затворнике, который потом был епископом Новгорода. Слово 25	161
О Лаврентии-затворнике. Слово 26	163
О святом и блаженном Агапите бескорыстном враче. Слово 27	165
О святом Григории Чудотворце. Слово 28	171
О многотерпеливом Иоанне Затворнике. Слово 29	176

О преподобном Моисее Угрине. Слово 30.....	180
О Прохоре черноризце, который молтвою из травы, называемой лебеда, делал хлебы. Слово 31	187
О преподобном Марке Пещернике, повелений которого мертвые слушались. Слово 32	193
Слово о святых преподобных отцах Феодоре и Васлии. Слово 33.....	199
О преподобном Спиридоне Просвирнике и об Алимпии Иконописце. Слово 34	210
О преподобном и многострадальном отце Пимене. С 35	218
О преподобном Исакии Пещернике. Слово 36.....	224
Вопрос благоверного князя Изяслава о латинянах. Слово 37.....	230
О преставлении преподобного отца нашего Поликарпа, архимандрита Печерского, и о Василии-попе. Слово 38..	233

Учебное издание
Елагин Виталий Сергеевич;
Шаланова Ирина Ивановна

**ДУХОВНЫЙ МИР
КИЕВО-ПЕЧЕРСКОГО ПАТЕРИКА**

Учебно-методическое пособие к семинарским заняти-
ям для студентов исторического факультета

В авторской редакции
Набор и компьютерная верстка *И.И.Шаланова*

Лицензия ЛР № 020059 от 24.03.97
Подписано к печати 3.04.2000. Формат 60х84/16. Бумага офсетная
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 15. Тираж 1000 экз.
Заказ № 535.

630500, Новосибирская обл., пос. Краснообск
ГУП Редакционно-полиграфическое объединение СО РАСХН